Огонь ведут "Катюши"

Военные мемуары - 1

Алексей Иванович Нестеренко

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги генерал-лейтенант артиллерии Алексей Иванович Нестеренко в годы Великой Отечественной войны приобрел большой опыт боевого применения нового оружия — реактивной артиллерии. Он командовал одним из первых в Советской Армии гвардейским минометным полком, а с мая 1942 года возглавлял оперативные группы гвардейских минометных частей (ГМЧ) Южного, Черноморской группы войск Северо-Кавказского, Брянского и 2-го Прибалтийского фронтов, с августа 1944 года был заместителем командующего артиллерией 2-го Прибалтийского, а затем Ленинградского фронтов по ГМЧ. Реактивные установки, которые народ ласково окрестил «катюшами», с первых дней своего появления на фронте наводили ужас на врага. В книге рассказывается о развитии нового оружия, о героических делах гвардейцев, умело использовавших его как в оборонительных, так и в наступательных боях.

- От автора
- Глава первая.
- Глава вторая.
- Глава третья.
- Глава четвертая.
- Глава пятая.
- Глава шестая.
- Глава седьмая.
- Глава восьмая.
- Глава девятая.
- Глава десятая.
- Глава одиннадцатая.
- Глава двенадцатая.
- Глава тринадцатая.
- Глава четырнадцатая.
- Глава пятнадцатая.
- Глава шестнадцатая.
- Глава семнадцатая.
- Глава восемнадцатая.
- Глава девятнадцатая.
- Фотографии
- notes
    - 1

От автора

Реактивная артиллерия в нашей армии впервые была применена в начале Великой Отечественной войны на Западном фронте. Залп батареи капитана И. А. Флерова по скоплению немецко-фашистских войск на станции Орша Смоленской области положил начало бурному развитию нового вида артиллерии. Как только батареи, дивизионы и полки реактивной артиллерии появились на полях сражений, наши воины нарекли новое оружие простым русским именем — «катюша». С этим народным, милым сердцу именем гвардейские минометные части прошли по трудным дорогам войны, завершив ее победоносными залпами по гитлеровскому рейхстагу.

Мне довелось быть командиром одного из первых полков реактивной артиллерии, а затем возглавлять оперативные группы ГМЧ ряда фронтов. Я был участником многих сражений, в которых применялись «катюши», знал командиров, политработников, сержантов и солдат гвардейских минометных частей, был очевидцем их героических подвигов.

Когда закончилась война, мне захотелось сразу же взяться за перо, рассказать о боевых действиях гвардейских минометных частей, их замечательных людях, внесших свой вклад в общее дело победы над врагом. Но воинская служба, новые заботы, связанные с дальнейшим развитием реактивного оружия, как-то не позволяли осуществить этот замысел.

Но вот спустя много лет после окончания войны по настоянию боевых друзей и по доброму совету Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского я принялся за тяжелый труд — стал писать воспоминания о славных боевых делах ракетной гвардии. И прежде чем увидела свет эта книга, прошло немало лет.

Я писал о том, что сохранилось в моей памяти. Конечно, каждая дивизия и бригада, каждый полк и дивизион, каждый гвардеец, прошедшие славный боевой путь, достойны того, чтобы о них поведать. Но о всех написать просто невозможно. И пусть простят мне офицеры и бойцы тех частей, которые были в моем подчинении, но о которых я не упомянул в книге.

Одновременно выражаю искреннюю признательность всем товарищам, оказавшим содействие в подборе материалов и фотоиллюстраций. Особую благодарность приношу М. С. Пузыреву, Н. Ф. Яснопольскому, А. Ф. Пануеву и П. А. Дегтяреву,

которые своими замечаниями и советами оказали помощь в написании книги.

Глава первая. Новое оружие

В августе 1941 года необычную картину представляли собой лагеря Первого Московского Краснознаменного артиллерийского училища имени Л. Б. Красина. В лесу срочно натягивались палатки, командирские домики заполнялись новыми людьми, деревянные бараки занимали вновь созданные, буквально за несколько дней, штабы. Шло формирование полков реактивной артиллерии залпового огня. О новом секретном оружии мы узнали в начале августа, будучи в резерве Ставки. Но прежде надо рассказать, как я попал в этот резерв.

Есть в Москве Белорусский вокзал, с которого ежедневно уезжают и на который ежедневно приезжают тысячи людей. Для них он обычен, как и другие вокзалы столицы. Но мне этот вокзал напоминает радостные и тревожные дни. В 1939 году я окончил Военную академию имени М. В. Фрунзе, и с Белорусского вокзала меня провожали в город Речицу жена — спутник моей боевой жизни, бесконечно дорогие дети: черноглазая Галя и сероглазый Вовка. Друзья поздравляли с назначением на должность командира 170-го артиллерийского полка 37-й стрелковой дивизии. Мы были молоды, сильны, полны энергии. В то время мне исполнился 31 год.

Быть командиром артиллерийского полка большая честь. Но не имея опыта в командовании даже дивизионом, я очень тревожился. Все время не давала покоя мысль: «Справлюсь ли?» Правда, боевое крещение я получил еще в 1929 году под городами Чжалайнор и Маньчжурия во время конфликта на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). В действующую армию менянаправили сразу же после окончания Томской артиллерийской школы. Я был назначен командиром огневого взвода в гаубичную батарею 21-го артиллерийского полка. В боях с белокитайцами наша батарея дважды отражала контратаки пехоты и конницы огнем с открытых позиций. Уже тогда я познал силу и мощь артиллерийского огня и был горд тем, что моя боевая служба началась в артиллерии.

В августе 1939 года наш 170-й артиллерийский полк в составе 37-й стрелковой дивизии из города Речицы убыл на Халхин-Гол громить самураев, вторгшихся на территорию Монгольской Народной Республики. Однако в боях нам участвовать не пришлось, так как наши войска под командованием Г. К. Жукова разгромили японских милитаристов

и наша помощь уже не потребовалась. 37-я стрелковая дивизия, в том числе и наш полк, были оставлены в Сибири.

В том же 1939 году 170-й полк в составе все той же 37-й стрелковой дивизии из Сибири был переброшен на петрозаводское направление и участвовал в боях с белофиннами. За эти бои мы с комиссаром полка Н. Д. Вишняковым были награждены орденом Красной Звезды.

23 июня 1941 года, уже на второй день Великой Отечественной войны, 170-й артиллерийский полк вступил в неравный бой с фашистскими танковыми колоннами. Это было возле деревни Товстюны, что в 35 километрах от города Лида. Затем бои шли на реке Жижма, на станции Говья, у населенных пунктов Ивье, Рубижевичи, Негорелое. С тяжелыми боями нам приходилось отступать, но мы все же наносили ощутимые удары по превосходящему нас в силах врагу. С подразделениями своего полка я прорывался из окружения. Выходили мы с оружием в руках, в полной форме. С боями нам удалось пробиться к Мозырю, откуда нас отправили в Гомель.

В Гомеле бойцов и сержантов, вышедших из окружения, приказано было передать во вновь формируемые части 21-й армии, а я с группой офицеров 170-го артиллерийского полка был направлен в резерв Западного фронта под Москву.

И вот в первых числах июля 1941 года я вновь прибыл на Белорусский вокзал. Перроны и все его помещения были переполнены военными, ранеными, эвакуированными стариками, женщинами, детьми. Огромное горе обрушилось на нашу страну! Враг рвался к Ленинграду, Одессе, Киеву, Харькову. Тяжелые бои шли под Смоленском, Ярцевом, Ельней. Мы не знали, что с нашими семьями, которые остались в Лепеле и Витебске...

Прежде чем направиться в резерв Западного фронта, я решил побывать в ЦК партии и Оперативном управлении Генерального штаба. Я понимал, что работники ЦК и Генштаба сейчас особенно заняты, и, может быть, все, о чем я им сообщу, не будет для них ново. Но у меня горела душа, и я считал своим партийным долгом рассказать в ЦК о первых боях с фашистами, о боевых действиях 37-й стрелковой дивизии, о выходе из окружения ее остатков, рассказать о том, как сложилась обстановка в первые дни войны для 21-го стрелкового корпуса, и в частности для нашего 170-го артиллерийского полка, поведать о мужестве и стойкости бойцов и командиров, высказать свои соображения.

Дело облегчалось тем, что в ЦК работал мой товарищ В. А. Фролов. В свое время он давал мне рекомендацию в партию. С довоенной поры у меня сохранился его телефон.

Свои мысли я решил кратко изложить на бумаге. На вокзале в

киоске купил три ученические тетради и раздобыл пару листов копирки. Там же, на вокзале, написал докладную в трех экземплярах. Письмо мы подписали вдвоем с политруком Н. И. Грибковым.

С этим документом я поехал в ЦК. Фролов принял меня тепло, внимательно выслушал мой рассказ и предложения, проинформировал, разумеется в пределах возможного, о мероприятиях, проводимых ЦК и правительством по мобилизации сил и средств для решительного отпора врагу.

Сообщение Фролова меня подбодрило и воодушевило. На сердце стало легче. Письмо мое Фролов обещал доложить руководству. Мне же по-товарищески посоветовал духом не падать и пожелал удач в тяжелой и суровой борьбе с врагом.

Обрадованный и окрыленный, направился я в Оперативное управление Генерального штаба. Взял с собой и Боевое знамя 170-го артиллерийского полка, вынесенное нами из окружения. Мы были уверены, что под этим знаменем будем еще сражаться.

Возвратившись на вокзал, я рассказал боевым товарищамо результатах моего визита в ЦК и Генеральный штаб. С первым же поездом мы выехали на станцию Мещерскую в резерв Западного фронта.

И вот мы уже на месте. Под вечер я прилег отдохнуть в наспех сделанном шалаше на раскинутой плащ-палатке, которая с первых дней войны заменяла мне и шинель и постель, а потом служила чехлом для Боевого знамени.

Над шалашом нависли развесистые кроны берез. В природе все было спокойно и величаво, а меня одолевали тяжелые мысли. Нелегко в первых же неравных боях потерять полк, испытанных боевых друзей, не иметь сведений о семье и терзаться мыслями, что она могла попасть в руки врага. А тут еще неутешительные сводки Совинформбюро...

Мои тяжкие раздумья прервал начальник разведки нашего полка старший лейтенант Н. Голиков, человек большой отваги. Это он спас Знамя полка.

— Товарищ командир! На Западном фронте наши применили новую секретную пушку, — взволнованно сообщил он. — Говорят, своим огнем она наводит ужас на гитлеровцев...

Эти сведения «по секрету» передавались из уст в уста. Говорили, что новое мощное оружие в короткое время создает море огня, что фашисты в панике бежали из Орши. Говорили... Как хотелось верить, что все это не вымысел, а правда.

Через несколько дней я получил предписание Полевого управления Западного фронта. Мне приказывалось срочно выехать в 16-ю армию, которая сражалась под Ельней и Ярцевом,

и в ее артиллерийских частях отобрать восемь офицеров (шесть командиров батарей и двух командиров дивизионов). В мое распоряжение была выделена полуторка с опытным водителем. Старшим начальникам предписывалось оказывать мне полное содействие в выполнении задания.

...На вторые сутки я был в действующей армии. Прибывая в артиллерийские части, после предъявления документов я просил называть лучших командиров дивизионов и батарей. По правде говоря, мне без особой радости давали эти сведения. Я понимал командиров: кому хочется отдавать лучших офицеров, да еще во время тяжелых боев! Но приказ есть приказ... У меня случайносохранилась копия одного из распоряжений того времени. Вот оно:

«Командиру 721 гапКомандующий армией приказал: отобранных представителем Запфронта майором Нестеренко командиров немедленно откомандируйте в распоряжение отдела кадров Запфронта. В случае отсутствия указанных командиров в части немедленно замените их по указанию майора Нестеренко из числа лучших боевых командиров».

Документ подписан 8 августа 1941 года начальником штаба 16-й армии полковником Шалиевым и военкомом штаба полковым комиссаром Седенковым.

Двое суток понадобилось мне, чтобы выполнить приказание Полевого управления Западного фронта. К указанному сроку я с группой командиров прибыл в лагеря Первого Московского Краснознаменного артиллерийского училища имени Л. Б. Красина.

Здесь работала комиссия Центрального Комитета партии. Она отбирала офицеров для частей реактивной артиллерии. Формирование полков было возложено на начальника училища полковника Юрия Павловича Бажанова, ныне маршала артиллерии. Этот высокий, богатырского сложения офицер отличался строевой выправкой. Властный громкий голос, решительные уверенные движения свидетельствовали о незаурядной силе воли. Штаб формирования возглавлял подполковник В. И. Задорин. Военные дороги потом не раз сводили меня с ними.

Список офицеров, с которыми я прибыл, было приказано передать в комиссию ЦК. Через некоторое время и меня самого пригласили туда.

Председатель комиссии попросил рассказать о себе, о боевом пути, о том, как я очутился в резерве. Члены комиссии тоже задали немало вопросов. Наконец мне сказали, что я могу выйти и подождать решения.

Пригласили меня минут через десять. На всю жизнь запомнилось, как председатель комиссии торжественно объявил:

— Товарищ Нестеренко! Вы назначаетесь командиром четвертого гвардейского минометного полка реактивной артиллерии резерва Верховного Главнокомандования.

От радости и волнения сердце забилось так, что был слышен каждый его удар. Взволнованно поблагодарилкомиссию за высокое доверие и обещал оправдать его с честью.

Меня предупредили, что оружие секретное, поэтому, приступая к формированию полка, надо особенно тщательно подбирать личный состав. На прощание председатель комиссии пожал мне руку и сказал:

— Не теряйте времени, приступайте к делу. Подробные указания вам дадут в штабе формирования...

Вслед за мной комиссия пригласила капитана Н. В. Скирду, который был откомандирован из 16-й армии и прибыл со мной.

— Назначен во второй полк, — сказал он, выходя минут через десять.

— Как это во второй? — удивился я. — А почему не в четвертый?

Снова иду туда, где заседала комиссия ЦК. Прошу, чтобы Скирду и всех офицеров, прибывших со мной из 16-й армии, направили в четвертый полк.

— Хорошие офицеры и в других полках нужны! — с улыбкой сказал мне председатель комиссии, однако пообещал выполнить просьбу.

Я попросил также, чтобы в четвертый полк назначили из резерва всех офицеров 170-го артиллерийского полка. Однако мне ответили, что они, вероятно, получили уже новые назначения.

Я собирался уйти из приемной, как вдруг в дверях показался молодой, невысокого роста офицер с тремя кубиками в петлицах. Я не верил своим глазам! Передо мной, широко улыбаясь, стоял мой воспитанник из Томской артиллерийской школы В. М. Соломин! Мы крепко обнялись.

— Володя, просись в четвертый полк! — сказал я.

Он ушел, а мною овладело беспокойство. Вдруг ему откажут?

И опять ринулся я к заветной двери, уже в третий раз... Просьба наша была удовлетворена. Соломина назначили ко мне в полк помощником начальника штаба.

Он был на редкость способным, исполнительным офицером. Его вклад в дело формирования полка трудно переоценить. Подбор людей, создание штаба полка — все это лежало на нем. Мог ли я думать тогда, что уже в декабре сорок первого Володя

Соломин погибнет смертью героя! В боях под Верхней Любовшей, командуя дивизионом,он вызвал огонь на себя, чтобы пресечь яростные атаки врага.

В лагеря непрерывным потоком прибывали призывники, будущие воины-гвардейцы. На основании приказа Ставки Верховного Главнокомандования здесь было начато формирование первых восьми полков реактивной артиллерии. Вновь создаваемым полкам присваивалось наименование гвардейских минометных полков артиллерии резерва Верховного Главнокомандования.

Команды призывников состояли в основном из москвичей и жителей Московской области, коммунистов и комсомольцев. Так, наш четвертый гвардейский полк на две трети был укомплектован коммунистами и комсомольцами. А в дальнейшем создавались и целиком комсомольские части, такие, как 85-й гвардейский комсомольский минометный полк.

День и ночь трудился штаб полка. До прибытия начальника штаба капитана И. И. Громова вся работа велась под руководством старшего лейтенанта В. М. Соломина. Большую помощь ему оказывал старший лейтенант Г. А. Дроздов, один из первых офицеров, прибывших в полк. Ходом формирования постоянно интересовались товарищи из комиссии ЦК партии, командующий войсками Московского военного округа генерал П. А. Артемьев, член Военного совета округа К. Ф. Телегин.

— Когда дадут боевые установки? — с нетерпением спрашивали Ю. П. Бажанова командиры полков.

— Получите, когда приведете гвардейцев к присяге, — отвечал он, — а пока изучайте оружие, средства связи... Работы у вас много...

Работы действительно было много. Формирование шло круглые сутки. Приходилось решать одновременно массу неотложных организационных вопросов: отбирать прибывающих по специальностям, распределять их по подразделениям, наконец, кормить, мыть, стричь. Требовалось получать обмундирование и снаряжение, вооружение и транспортные машины, формировать боевые подразделения и службы тыла, создавать партийные и комсомольские организации, решать вопросы вещевого и денежного довольствия, технического обеспечения.

На четвертый день после начала формирования прибыл комиссар полка И. Н. Радченко (он же начальник политотдела), только что окончивший Военно-политическуюакадемию имени В. И. Ленина. Он разыскал в лесу мою палатку, четко, по-военному представился.

Высокий, подтянутый, в новом, ладно подогнанном

обмундировании, батальонный комиссар Радченко производил хорошее впечатление. Однако я тут же вспомнил другого человека — комиссара нашего 170-го артиллерийского полка Н. Д. Вишнякова. Вот с кем мне бы опять хотелось сражаться плечом к плечу. Но, увы, его уже не было в живых.

...Командиром 170-го артиллерийского полка я стал в апреле 1939 года. А вскоре комиссаром к нам был назначен Николай Данилович Вишняков, для меня просто Коля. С ним мы вместе учились в Томской артиллерийской школе. Это был эрудированный, богато одаренный, душевный человек, большой оптимист. В курсантские годы он считался непревзойденным танцором, имел хороший голос, охотно пел в компании и в концертах художественной самодеятельности. После окончания артшколы Вишняков так же, как и я, командовал взводом в артиллерийском полку и участвовал в боях с белокитайцами во время конфликта на КВЖД. Потом он командовал батареей, был помначштаба полка. В мае 1939 года Николай Данилович окончил Военно-политическую академию имени В. И. Ленина и прибыл к нам. О лучшем комиссаре я не мог и мечтать.

В боях с белофиннами Вишняков сражался отважно. В это время особенно ярко проявилось его незаурядное воинское дарование.

Появление Вишнякова в подразделениях всегда оставляло неизгладимое впечатление у подчиненных. Он, казалось, излучал оптимизм и энергию. Это был человек красивый внутренне и внешне. Люди к нему тянулись, раскрывали ему свою душу, делились горестями и радостями. Николай Данилович все делал с каким-то необыкновенным подъемом, легко, просто, радостно. Он прекрасно знал артиллерийско-стрелковое дело, материальную часть артиллерии, к тому же был пламенным оратором, отличным лектором-методистом, увлекался конным спортом и был хорошим наездником, великолепно владел шашкой. Его все любили и глубоко уважали за знание дела, душевность, простоту и многогранность.

Мы часто с ним вечерами выезжали на манеж, на рубку лозы, соревновались в преодолении препятствий.

Я часто думал о том, как щедро природа наградила его всеми лучшими человеческими качествами, как легко и приятно было с ним работать. Его здравый, ясный ум, его оптимизм всегда помогали в решении спорных вопросов. Это был настоящий комиссар. Наша дружба с ним прошла проверку в боях.

Перед самой войной Вишняков был назначен комиссаром вновь формируемой под Гродно противотанковой истребительной бригады. Участвуя в отражении танковой атаки в один из первых

дней войны, он пал смертью храбрых. О его героической гибели мне потом рассказал командир дивизиона капитан П. Н. Гуща.

Знакомясь с новым комиссаром, я думал о Вишнякове, мысленно спрашивал Радченко: «Сможешь ли ты быть таким, как он? Иначе трудно нам будет сработаться».

К моему счастью, в характере комиссара Радченко оказалось немало черт, присущих Вишнякову. Я с радостью узнал, что Радченко, как и Вишняков, до поступления в Академию командовал батареей и отлично знает артиллерийско-стрелковое дело. До армии Радченко работал шофером, имеет права водителя первого класса. Иметь комиссара, прекрасно знающего автотехнику, — это вовсе не плохо! Я сразу же попросил его взять под контроль подбор водителей боевых машин и автотехнического состава полка. В ответ Радченко улыбнулся и сказал с уверенностью:

— Думаю, что с этой задачей справлюсь.

Мы быстро нашли с ним общий язык, и работа у нас пошла дружно.

С первых дней пребывания в полку основное внимание комиссар уделял изучению личного состава, коммунистов и комсомольцев, созданию партийных и комсомольских организаций в подразделениях, проведению политзанятий и политинформаций, обеспечению воинов газетами. Деловые качества комиссара, его тактичность и душевность снискали ему уважение среди личного состава полка.

В подразделениях по мере их укомплектования немедленно приступали к боевой подготовке и политическим занятиям. Все воины до получения боевых машин изучали винтовки, гранаты, пистолеты. Проводились стрельбы из личного оружия.

Как только прибыли первые боевые установки, с командным составом полка сразу же были организованы занятия по их освоению. Изучение проходило так. Установка под чехлом привозилась в лес, на поляну. Вокруг нее выставлялось охранение. Занятия вели офицеры из Главного артиллерийского управления, военпреды и инженеры завода «Компрессор», где изготовляли эти боевые машины.

Помню, что внешний вид установки под брезентовым чехлом напоминал понтон. А когда сняли чехол, перед нашими удивленными взорами предстал обычный трехосный грузовик ЗИС-6, на шасси которого была смонтирована какая-то металлическая ферма. «В чем же грозная сила этой очень простой машины?» — мысленно спрашивали мы себя.

О боевой машине БМ-13 нам сообщали очень скупые сведения: данные о дальности стрельбы, скорости хода. Особенно

немногословными становились наши лекторы, когда речь заходила о снаряде. Сведения о нем давались лишь в пределах эксплуатационной необходимости. Нам рассказывали, как хранить снаряды, перевозить, как с ними обращаться, как устанавливать взрыватель на осколочное и на замедленное действие.

— Боец должен уметь обращаться с машиной и со снарядом, — подчеркивали нам. — Боевая часть снаряда состоит... В ракетной камере располагаются пороховые шашки...

И далее — показывалось, как разобрать снаряд в случае неисправности. Зато более подробно рассказывалось о том, как заряжается боевая установка, как наводится, как обеспечивается темп стрельбы. Кстати сказать, реактивным снарядам было дано условное наименование «мина». Боевые машины иногда называли боевыми установками, иногда орудиями, но никогда не называли минометами.

Что же собой представляла боевая машина?

На трехосном шасси автомобиля ЗИС-6 была установлена металлическая ферма, на которой смонтирован пакет из восьми пятиметровых стальных двутавровых балок. Для облегчения боевой установки по всей длине каждой балки были высверлены круглые отверстия. Ферма с пакетом направляющих прочно соединялась с поворотной рамой. Установка имела простейшей конструкцииповоротный и подъемный механизмы, кронштейн для прицела с обычной артиллерийской панорамой, железный бак для горючего, прикрепленный сзади кабины. На задней части шасси были смонтированы два откидных домкрата. Стекла кабины закрывались броневыми откидными щитами. Против сиденья командира боевой машины на передней панели был укреплен небольшой прямоугольный ящичек с вертушкой, напоминающей диск телефонного аппарата, и рукояткой для проворачивания диска. На диске имелось 16 номеров. Это приспособление называлось пультом управления огнем, сокращенно — ПУО. От пульта шел жгут проводников к специальному аккумулятору и к каждой направляющей.

При одном обороте рукоятки ПУО происходило замыкание электроцепи, срабатывал пиропатрон, помещенный в передней части ракетной камеры снаряда, воспламенялся реактивный заряд и происходил выстрел. Темп стрельбы определялся темпом вращения рукоятки ПУО. 16 снарядов из БМ-13 могли быть выпущены за 8–10 секунд.

Для изучения боевой машины подготовленному артиллеристу требовалось буквально несколько часов. Простота новых установок обусловливалась использованием реактивной силы при

горении порохового заряда. Снаряд не выстреливался из прочного ствола под большим давлением пороховых газов, как это происходило в артиллерийских системах, а постепенно разгонялся по направляющей и затем на протяжении всего времени горения реактивного заряда набирал нужную скорость.

После первого ознакомления с боевыми машинами и устройством ракет нам стало ясно, что в этой новой артиллерии главное не установки, а самодвижущиеся снаряды. Тяжелые и дорогостоящие орудия тут не требовались. Да и сами реактивные снаряды того времени после разработки и доводки их в производстве были не дороже артиллерийских того же калибра. Особенно если их сравнить со шрапнельными, имеющими дистанционные трубки двойного действия, прочные стальные, идеально выточенные корпуса, достаточно сложный профиль головной и оживальной части и специального ведущего пояска.

Итак, реактивный снаряд М-13 состоял из ракетной камеры с пороховым зарядом, корпуса, головной части сразрывным зарядом, взрывателя, детонатора, воспламенителя, пиропатрона, колосниковой решетки, сопла, обтекателя, четырех стабилизаторов и двух направляющих. В ракетную камеру вставлялись пороховые шашки, состав пороха которых нам не был известен. Не знали мы и состав разрывного заряда, да нам это было и не нужно. Мы должны были знать поражающее и разрушительное действие снарядов, правила обращения с ними, причины несхода с установки и способы их устранения.

Для командиров полков, дивизионов, батарей и политработников вскоре была организована показательная стрельба. Две машины БМ-13 поставили в специально вырытые окопы. Из них виднелись только пакеты направляющих и часть фермы. На верхних направляющих каждой машины находилось по восемь снарядов. Установки были поставлены так, что направляющие имели малый угол возвышения. Мы расположились в траншеях в 150–200 метрах от огневой позиции. Трасса стрельбы проходила через лощину, за которой на поле с уклоном в нашу сторону были расставлены мишени — деревянные щиты.

Стояло теплое августовское утро. Кое-где в низинах еще лежал туман. Поле с мишенями заливали яркие лучи солнца. Тишина стояла необычайная...

Взоры всех присутствующих были обращены в сторону заряженных боевых машин. Руководитель стрельбы полковник Ю. П. Бажанов объявил, что вначале будет произведен пуск одного снаряда, а затем — залп еще семи снарядов из первой боевой машины. По сигналу руководителя был сделан первый выстрел.

Из одного снаряда вылетела огненная струя, затем он сорвался с места и с необычным шумом, пронизывающим утреннюю тишину, промчался по направляющей и полетел, все больше и больше набирая скорость. Вслед за ним тянулся огненный хвост с ярко-белым факелом у самого сопла. Постепенно белое пламя факела переходило в оранжево-красное, оставляя за собой серое облако. Через несколько секунд на расстоянии 300–400 метров от пусковой установки факел исчез, а в районе мишенного поля произошел мощный взрыв. Вокруг разорвавшегося снаряда вначале задымилась, а затем загорелась трава.

После этого последовала команда: «Первой установкой — огонь!» Снаряды один за другим сошли с направляющихи так же, как первый, оставляя за собой длинные огненные хвосты, со скрежетом и шипящим шумом устремились к цели. В районе мишеней громовым раскатом прозвучали разрывы, возникли очаги огня. Горели трава и кустарник.

Через несколько минут на машинах нас доставили к мишеням. Все они оказались пораженными многочисленными осколками. Воронки были небольшие, но зона поражения превосходила зоны поражения 122– и 152-миллиметровых гаубичных снарядов. Пожары возникли от зажигательного вещества — термита, который добавлялся в разрывной заряд. Мы увидели, что поражающий эффект нового оружия большой. По восьми выпущенным снарядам можно было представить, каким будет дивизионный, а тем более полковой залп.

Командиры прикидывали плотность огня, площади поражения батарейных и дивизионных залпов. Свой восторг выражали кратко: «Здорово!», «Вот это да!», «Это сила!»... Комиссар сказал мне на ходу:

— Ну, командир, дадим же мы прикурить фашистским гадам! Ведь это только восемь, а если дать полковой залп?!

Гвардейский минометный полк представлял собой сложную организацию. Так, в нашем полку (кроме четвертого дивизиона, сразу же отправленного в Ленинград) было три дивизиона, вооруженных боевыми машинами БМ-13, и зенитный дивизион. Всего 1414 человек, в том числе 137 офицеров, 260 сержантов, 1017 рядовых. В штатах полка предусматривался политотдел. Полк имел 36 боевых машин, 12 зенитных 37-миллиметровых пушек, 9 зенитных и 18 ручных пулеметов, а также 343 грузовых и специальных автомашины.

Дивизионы нашего полка были трехбатарейного состава, по четыре 16-зарядных боевых машины в батарее. Залп дивизиона составлял 192 снаряда, а залп полка — 576 снарядов 132-миллиметрового калибра. Все они могли быть выпущены

буквально за секунды. Это же море огня! Вот почему под Оршей от залпа батареи Флерова фашисты бежали в панике.

Итак, показательная стрельба продемонстрировала мощь нового вида артиллерии. Перед нами сразу возникла задача научиться умело использовать это грозное оружие, изучить характер и особенности рассеивания снарядов,огневые и маневренные возможности батарей, дивизионов, полка. В нашем распоряжении не было никаких правил стрельбы, никаких наставлений и руководств по использованию этой артиллерии, да и вообще их не имелось, за исключением небольшой инструкции. Рождалось новое оружие, и от нас требовалась творческая инициатива, дерзание.

В инструкции по боевому применению реактивной артиллерии говорилось главным образом о том, что это оружие секретное, предусматривались меры его прикрытия и обеспечения. Категорически запрещался вывод на огневые позиции боевых машин без прикрытия. После залпа установки требовалось немедленно отводить в безопасное место. Указывалось, что огонь должен вестись массированно по крупным скоплениям врага.

Мне, как артиллеристу, имевшему уже немалый боевой опыт, было нетрудно представить задачи, которые смогли бы выполнять подразделения полка. Однако требовалось еще найти общий язык с командирами дивизионов и батарей, чтобы в бою мы понимали друг друга с полуслова.

После показательной стрельбы, не теряя времени, мы приступили к полевым батарейным и дивизионным учениям. Особое внимание обращалось на подготовку командиров батарей и дивизионов, на умение ими быстро и точно ориентироваться по карте и на местности, готовить исходные данные в любых условиях. Командирами батарей и дивизионов назначались лучшие по своим деловым и политическим качествам артиллеристы. Поэтому подготовка шла успешно.

В штате полка был предусмотрен особый отдел из четырех офицеров, которые прибыли в первые же дни формирования. Это были М. И. Жерновский, Я. Г. Оганезов, В. Ф. Шадрин и А. Д. Николенко. Работы и после сформирования у них было немало. Фашистское командование настойчиво пыталось разгадать секрет столь эффективного оружия. С этой целью к нам засылались шпионы и диверсанты. Работники особого отдела впоследствии показали себя не только хорошими чекистами, но и храбрыми офицерами.

В полк был назначен и старший врач полка, совсем еще молодой человек в звании военврача 3 ранга. Встреча с ним

произошла в лесу, возле нашей с Радченко палатки.

Он подошел четким, строевым шагом и доложил скороговоркой, чуть-чуть окая:

— Товарищ майор! Военврач третьего ранга Холманских прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, товарищ Холманский! — ответил я ему, дивясь его молодости и невольно думая, что комиссия Центрального Комитета могла бы назначить в гвардейский полк, да еще вооруженный совершенно секретной техникой более зрелого человека. За годы службы в армии я привык видеть на должностях начальников санитарных служб полков умудренных жизнью и опытом медиков. А этот уж слишком молод и «несолиден» на вид.

— Не Холманский, а Холманских! — довольно строго поправил меня новый подчиненный.

— Ну, хорошо, Холманских, — ответил я, — простите, не расслышал.

Оказалось, что Холманских, несмотря на его молодость, уже воевал. Он был врачом лыжного батальона во время боев на Карельском перешейке, награжден орденом Красного Знамени. Как участник войны с белофиннами, я знал, какой героизм в бою проявляли лыжные батальоны. Врачу там тоже было нелегко.

— Ну что ж, товарищ Холманских, — сказал я, — очень рад, что вы человек «обстрелянный». В таком случае немедленно приступайте к формированию санитарной части полка. Подбирайте людей, получайте машины, медикаменты.

— Есть, товарищ майор! — бодро ответил он. — Я знаю, что такое медикаменты в бою.

— Через три дня доложите о готовности. Если будут какие-нибудь затруднения, сразу же обращайтесь ко мне.

Но он так и не обратился ко мне ни разу за эти три дня, а в назначенный срок доложил, что санчасть полка сформирована, народ подобран хороший, получено две машины медикаментов.

— Молодец! — похвалил я его. — Теперь не теряйте времени, организуйте занятия. Остались считанные дни, а вам свой медсостав надо успеть подготовить к самостоятельным действиям. И чтобы все санитары первую помощь могли оказать и раненых эвакуировать. Бои будут жестокие.

...Формирование полка подходило к концу. На все четыре дивизиона мы получили 48 боевых машин. Вручатьих предполагалось после того, как личный состав полка примет присягу. Принятие присяги проходило по дивизионам и службам. Для большей торжественности вручение боевых машин расчетам решили произвести перед строем полка. Нами был разработан

специальный ритуал и подготовлен текст клятвенного обязательства — присяги гвардейцев.

В лесу на поляне, перед общим строем, у стола, покрытого красной скатертью, было выставлено развернутое Боевое знамя 170-го артиллерийского полка с почетным караулом. К столу поочередно вызывались расчеты с установками.

Командир боевой машины перед строем своего расчета зачитывал текст клятвенного обязательства. После этого каждый гвардеец расписывался под ним. Командир и комиссар полка поздравляли ракетчиков с вручением им грозного оружия и выражали уверенность, что гвардейцы с честью оправдают высокое доверие партии и правительства.

14 сентября — день вручения расчетам боевых машин — стал праздником для вновь сформированного коллектива. Как ни были загружены ракетчики, с помощью комиссаров дивизионов и батарей Радченко сумел выявить таланты — музыкантов, певцов, танцоров и рассказчиков, которые в этот торжественный день должны были выступить с самодеятельным концертом.

На лесной поляне поставили две грузовые машины борт о борт. Их кузова стали импровизированной сценой. Здесь же стояла клубная машина с громкоговорителями. Настроение у всех было приподнятое. Но праздничному концерту не суждено было состояться...

Во второй половине дня мы получили приказ — полку ночью выступить своим ходом в Харьков и поступить в распоряжение командующего Юго-Западным фронтом. Четвертому дивизиону, которым командовал капитан Н. С. Богданов, предписывалось следовать в Ленинград.

Обстановка на Юго-Западном фронте была тревожной. Враг уже захватил Полтаву, рвался к Харькову. Под Ахтыркой шли кровопролитные бои. Нам нужно было спешить...

Глава вторая.
По тревоге на фронт

Форсированный марш по маршруту Москва — Тула — Курск — Белгород — Харьков оказался для нас нелегким. Ведь водители не были еще натренированы. Мы не успели провести ни одного полкового учения, не отработали управление механизированной колонной на марше. Службе регулирования предстояло прямо в пути осваивать свои обязанности. Тылы полка не были слажены. Командиры подразделений еще недостаточно знали своих подчиненных.

В указанное время полк прошел контрольный пункт и на рассвете проследовал через притихшую посуровевшую Москву. А затем мимо поплыли сказочные березовые рощи Подмосковья, милые тихие ручьи и речки, печальные осенние поля.

На дорогах чувствовался военный порядок: регулировочные посты, пункты заправки. Вот позади уже Тула, знаменитая Ясная Поляна, Курск...

За двое суток мы благополучно совершили этот марш. Двигались днем и ночью. Обедали наспех, там, где заправлялись горючим.

На марше нам немало помогал условный знак «V» — первая буква французского слова «Victoire» — «Победа». Этот знак был нанесен белой краской на кабинах и бортах автомобилей. Поэтому машины четвертого полка можно было легко заметить среди множества других, следующих по военным дорогам. На поворотах разведка пути ставила заранее подготовленную табличку со знаком полка и стрелкой, указывающей направление движения. В городах и поселках условный знак «V» рисовали меломили углем прямо на стенах домов. Этот способ впоследствии выручал нас при форсированных маршах, и особенно тогда, когда маршрут неожиданно менялся.

Марш был совершен благополучно, если не считать небольшого происшествия...

На рассвете 18 сентября 1941 года полк был примерно в пятнадцати километрах от Белгорода. Я решил выехать вперед, чтобы договориться о заправке горючим, а также проверить работу квартирьерских разъездов, которые должны были наметить места привалов дивизионов. Чтобы знать, как движутся тылы полка, в хвост колонны послал на мотоцикле адъютанта лейтенанта Г. И. Брызгалова. Ведь в те времена у нас было мало радиостанций и мы берегли их как зеницу ока для боя.

Комиссар Радченко, разъезжавший вдоль походных порядков на мотоцикле, после моего отъезда возглавил движущийся полк.

На пикапе мы с водителем Н. Д. Соболевым на приличной скорости оторвались от головных машин. Середина сентября под Белгородом — еще довольно жаркая пора. Взошло яркое южное солнце и стало сильно припекать. Надо ли говорить, что и меня, и шофера после второй бессонной ночи сильно тянуло ко сну. Измученный водитель стал дремать за рулем. Я всячески подбадривал его шутками, но усталость брала свое. И тут я допустил ошибку: решил дать Соболеву возможность подремать и сам сел за руль. Сперва Соболев внимательно следил за мной. Но дорога была прямая, ровная, он быстро успокоился и заснул. Вскоре я почувствовал, как меня самого неудержимо одолевает дремота. Я всеми силами старался взбодриться, отогнать усталость, но... все было тщетно: в какой-то момент сознание мое отключилось.

Если бы дорога не сделала поворот влево, возможно, все обошлось бы благополучно. Но из-за этого поворота мы очутились в кювете. Пикап перевернулся вверх колесами. Я очутился внизу, водитель лежал на мне. Кабину перекосило, дверцы открыть было невозможно.

На наше счастье, мимо проезжала грузовая машина с бойцами. Проскочив метров сто, она остановилась, и к нам подбежали несколько человек.

— Целы, товарищ майор? — На лице веснушчатого ефрейтора была тревога.

Бойцы мигом поставили пикап на колеса.

Авария произошла на мягком черноземе, и потому мы отделались лишь синяками, а машина — вмятинами на крыльях и кузове да небольшим перекосом кабины. Мотор и ходовая часть, к счастью, не пострадали. Из бака вытекло много бензина. Мы дозаправили пикап из запасной емкости и двинулись в Белгород. За рулем теперь сидел, конечно, сам водитель. Я же в своей командирской практике впредь с большей осторожностью стал относиться к подмене шоферов.

Вскоре позади остался Белгород с меловыми горами, сплошь заросшими шиповником, тихая илистая река Оскол. Ранним утром полк сосредоточился на северной окраине Харькова в тенистом лесопарке.

В десять часов утра мы с помощником начальника штаба старшим лейтенантом В. М. Соломиным и помощником по материально-техническому обеспечению капитаном М. Д. Демяненко выехали в штаб Харьковского военного округа, размещавшийся в то время в Харькове. Город встретил нас

патрулями на каждом углу, ощетинившимися противотанковыми ежами. Нам нужно было решить проблему снабжения полка всеми видами довольствия, получить топографические карты. Однако ни командующего войсками округа, ни члена Военного совета в штабе не было. А без них никто не мог решить этот вопрос. «Ждите, вот-вот прибудут», — успокаивал нас дежурный по штабу.

Мы ждали около часа. Вдруг дверь порывисто распахнулась, и в приемную быстрой походкой вошел генерал в запыленном мундире. Я понял, что это командующий войсками округа генерал-майор А. Н. Черников, и доложил ему о прибытии полка.

— У вас такие же установки, какие были применены под Оршей? — спросил он.

Я ответил утвердительно.

— Очень хорошо! — обрадовался генерал и стал расспрашивать, где полк, в каком состоянии, сколько в нем установок, есть ли снаряды и горючее.

Тут же Черников отдал распоряжение о зачислении полка на все виды довольствия. Операторам было приказано ознакомить меня с положением войск и выдать необходимые карты. Затем генерал обратился ко мне:

— Обстановка на фронте тяжелая, майор. Немедленно запасайтесь всем необходимым. Боевую задачу получитев расположении полка. О вашем прибытии доложу маршалу Тимошенко. Желаю успеха. — И он крепко пожал мне руку.

В течение нескольких часов в штабе округа мы решили все вопросы обеспечения. Во второй половине дня полк имел горючее и продовольствие. А пять залпов снарядов мы везли с собой.

Вечером у нас состоялось первое полковое партийное собрание. Решимость отдать жизнь во имя победы над врагом звучала в каждом выступлении коммунистов. На собрании было избрано партбюро полка и поставлены задачи коммунистам. В состав бюро вошли комиссар и командир полка. Возглавил партбюро политрук В. П. Коровников.

На другой день к нам с боевым распоряжением прибыл полковой комиссар Ф. Н. Жуков. Нам приказывалось выступить в полном составе на участок фронта, где оборонялась 14-я кавалерийская дивизия генерала В. Д. Крюченкина. А воевала она вблизи села Диканьки, в местах, воспетых великим Гоголем.

Наш полк теперь входил в состав вновь созданной оперативной группы гвардейских минометных частей (ГМЧ) Юго-Западного фронта. Командовал группой полковник А. Д. Зубанов, членами Военного совета группы были полковой комиссар Ф. Н. Жуков и старший батальонный комиссар А. К. Киселев,

начальником штаба — майор В. И. Вознюк. В состав группы на первых порах входили наш полк и два дивизиона 7 гмп, которые были еще на марше.

Утром 24 сентября полк сосредоточился в перелесках, километрах в пятнадцати северо-восточнее Диканьки.

Мы с комиссаром Радченко на нашем пикапе отправились в штаб 14-й кавалерийской дивизии. Радченко сел за руль, а я с картой — рядом с ним. Водитель Соболев, адъютант лейтенант Брызгалов и один автоматчик заняли места в кузове. Управлял автомобилем Радченко классически. Поэтому я был абсолютно спокоен за своего «нештатного водителя». Мы с ним частенько ездили вместе. В дороге обменивались мнениями, иногда даже решали текущие дела. Однако наши совместные поездки продолжались недолго. Узнав, что однажды мы попали под артиллерийско-минометный огонь и чуть оба не погибли, командующий оперативной группой ГМЧ фронтаполковник Зубанов специальным приказом запретил нам ездить на одной машине без особой необходимости.

Итак, мы подъезжали к знаменитой Диканьке. По сторонам дороги горделиво возвышались тополя, на полях — скирды убранного хлеба, стога сена... А вот и Диканька. Белые хаты утопали в садах, в палисадниках росли осенние цветы. А за селом виднелся большой лес.

Дорогу преградил шлагбаум. Вооруженный автоматом кавалерист тщательно проверил наши документы и показал, куда ехать. Штаб располагался на окраине села в большой просторной хате. У изгороди были привязаны лошади. Их охраняли коноводы. Мы подъехали к самому штабу. Коноводы и часовой у входа вытянулись, отдавая нам честь. Ответив, мы быстро вошли в большую комнату. Здесь на длинных скамьях сидели бойцы и командиры. По стенам были развешаны автоматы, карабины и противогазы. Через открытую дверь второй комнаты было видно, что над картой, разложенной на столе, склонился наголо остриженный генерал. Рядом с ним стоял высокий майор в изрядно полинявшем обмундировании. Напротив генерала сидел светло-русый батальонный комиссар с добрым, приятным лицом.

Мы попросили разрешения войти, представились. Генерал Крюченкин встал из-за стола, подошел к нам и крепко пожал руки. Я доложил, где сосредоточен полк и в каком составе.

— Рад вас видеть, — сказал генерал. — Мне уже сообщили, что на наш участок должен прибыть артиллерийский полк. — Затем он представил нам батальонного комиссара и майора: — Знакомьтесь — комиссар Добрушин. А это начальник штаба майор Шмуйло. Мы вместе с первых дней воюем. Хлебнули

всякого...

Щеку генерала рассекал глубокий шрам, правый глаз был прищурен. Это, как мы потом узнали от Сергея Трофимовича Шмуйло, были результаты ранения, полученного еще в годы гражданской войны.

Майор Шмуйло, высокий, подтянутый, с открытым, волевым лицом, производил впечатление мужественного и решительного человека. Мы сразу с ним крепко подружились.

Комиссар, спокойный, рассудительный, нам тоже очень понравился. Чувствовалось, что между этими людьми царит полное взаимопонимание и они глубоко уважают другдруга. Ведь тяжелые условия боевой жизни всегда цементируют дружбу.

В своем докладе я кратко остановился на организации полка, его боевой мощи и особенностях применения.

— Полк предназначен для поражения крупных целей, — докладывал я, — он должен применяться для борьбы со скоплениями пехоты, кавалерии и моточастей противника и не может поражать отдельные огневые точки, одиночные танки или какие-либо сооружения из-за большого рассеивания снарядов.

Кавалеристы слушали меня с большим интересом. Говоря об огневой мощи полка, я доложил, что мы сами еще не видели ни полкового, ни даже батарейного залпа, что нам был показан лишь неполный залп одной установки, которая выпустила восемь снарядов.

— Согласно инструкции о боевом применении, — сообщил я, — мы можем давать залп только с разрешения командования фронтом. После огня боевые установки надо немедленно уводить в укрытия, в район выжидательных позиций, расположенных в тылу, в пяти — десяти километрах. Для охраны боевых машин в районах огневых позиций командиры поддерживаемых соединений должны выделять прикрытие — стрелковые и пулеметные подразделения, средства противотанковой обороны.

Генерал выслушал меня внимательно, глубоко вздохнул и сказал с укоризной:

— Голубчики мои! Сперва вы нас очень обрадовали, а потом огорошили. Оказывается, вас самих еще прикрывать надо! А у меня штаб дивизии прикрыть нечем.

— Товарищ генерал! — ответил я ему. — Огневые позиции мы будем охранять сами. У нас есть 37-миллиметровые пушки и пулеметы на машинах.

— Вот это уже другой разговор! — обрадовался генерал.

Затем он показал нам на карте рубежи обороны дивизии, сообщил все, что известно о противнике. Это были весьма скудные сведения. Характеристика полков дивизии произвела на

нас довольно удручающее впечатление. Нас поразило, что они были так малочисленны. 14-я кавалерийская дивизия с первых дней войны вела тяжелые бои, да и сейчас она оборонялась на довольно широком фронте. В состав дивизии входили четыре кавалерийских, одинстрелковый полк и мотобатальон. Перечислив части, генерал сказал:

— Полков много, да сил мало. В последних боях мы понесли большие потери. Наиболее опасное направление — левый фланг, возле Диканьки, и правый — в районе местечка Шишаки. Подробно ознакомил вас с состоянием дивизии для того, чтобы вы были готовы к любой неожиданности. Имейте надежное охранение и непрерывно ведите разведку.

Генерал решил два дивизиона полка расположить вблизи Диканьки, а один — на правом фланге дивизии. Районы сосредоточения и выжидательные позиции были выбраны, как этого требовала инструкция по боевому применению гвардейских минометных частей.

Задача была уяснена, и мы срочно убыли в расположение полка.

Свой штаб мы решили развернуть на юго-восточной окраине Диканьки, недалеко от штаба дивизии, с которым надо было установить телефонную связь. Вскоре меня и комиссара вновь вызвал генерал Крюченкин. В штабе дивизии мы впервые познакомились со своим непосредственным командованием: начальником оперативной группы гвардейских минометных частей фронта полковником А. Д. Зубановым и начальником штаба группы майором В. И. Вознюком. Зубанов как-то сразу располагал к себе, в каждом его жесте чувствовалась уверенность и сила. Вознюк был ростом несколько выше своего начальника, подтянут, держался свободно и уверенно. Перед войной они оба служили в Пензенском артиллерийском училище.

После доклада Зубанову о состоянии полка мы организовали показ боевых машин командованию, а затем выехали на правый фланг, к местечку Шишаки, где провели рекогносцировку и уточнили на карте передний край наших частей. Во время рекогносцировки мы неоднократно попадали под артиллерийский и минометный обстрел. Под огнем противника все вели себя спокойно. Зубанов продолжал давать указания, шутил. В шутках не уступал ему и Вознюк. Его украинский юмор был неотразим.

Вечером 24 сентября Зубанов и Вознюк убыли в штаб фронта. Перед отъездом Зубанов еще раз напомнил, что залпы можно давать только с их разрешения. И тут я задал ему вопрос, который давно мучил меня:

— Как быть, если обстановка потребует немедленного залпа, а связь с фронтом будет нарушена?

— Задача каждого начальника обеспечить непрерывную связь со старшим штабом, — ответил Зубанов. — К тому же штаб дивизии со штабом фронта имеет не только проводную связь через корпус, но и прямую радиосвязь.

Проводив командование группы, мы с разрешения генерала Крюченкина отправились на свой командный пункт. Здесь нас ожидали командиры дивизионов.

Ночью, на участке обороны дивизии, в районе Диканьки, дивизионы заняли такой боевой порядок: в центре — 2-й дивизион капитана Р. Р. Василевича, на правом фланге — 1-й дивизион капитана В. В. Добросердова, а на левом фланге — 3-й Дивизион капитана П. М. Худяка. Огневым взводам было приказано находиться на выжидательных позициях в полной боевой готовности, а командирам дивизионов и батарей быть на наблюдательных пунктах, предварительно установив надежную связь с боевыми позициями.

Выбор места для полкового наблюдательного пункта и его оборудование я поручил старшему лейтенанту Соломину. И с удовольствием еще раз убедился в исключительной добросовестности и высокой артиллерийской подготовке этого командира. Наблюдательный пункт был оборудован в полутора километрах западнее Диканьки, на опушке большого леса. Оттуда хорошо просматривался передний край нашей обороны и рубеж, на который вышли передовые части противника.

Между нашими и немецкими окопами пролегала широкая лощина с пологими склонами, поросшими мелким кустарником. В километре за лощиной в расположении противника виднелась дубовая роща, занимавшая по фронту около километра. Это было урочище Переруб. Правее и левее него, на расстоянии четырех-пяти километров виднелись хутора.

Соломин доложил:

— Наблюдательный пункт оборудован, на нем установлены буссоль и стереотруба, за противником ведется наблюдение, установлена связь с 70-м кавалерийским полком и своим штабом, прокладывается телефонная линия к наблюдательным пунктам первого и третьего дивизионов. Кроме того, за противником организовано наблюдениес высокого дуба, который находится в ста метрах правее нас на опушке леса.

— А не собьют ли наблюдателя фашисты? Уж слишком хорош ориентир...

— Ну что вы, товарищ командир, его не так легко обнаружить. Крона-то — вон какая густая. Да если и обнаружат,

сбить снарядом его не просто. У противника наблюдатель вообще на тригонометрической вышке устроился...

— Не может быть! — изумился я. — Что они, совсем ошалели от шнапса?

— А вы посмотрите в стереотрубу, — предложил Соломин.

И действительно, на верхней площадке вышки, как грач в гнезде, пристроился фашистский наблюдатель.

— Зачем же вы позволяете ему там сидеть и просматривать всю глубину нашей обороны? — спросил я сердито.

— А что же делать? Залп дать нельзя, а пулеметом его не достанешь, — ответил Соломин.

— Ну, а артиллерийский дивизион кавалеристов на что?

— Командир дивизиона говорит, что снарядов у него мало, а попасть в вышку трудно.

— А ну-ка ведите меня к нему!

Наблюдательный пункт 32-го артиллерийского дивизиона находился в пяти минутах ходьбы. Командир дивизиона, старший лейтенант, видимо недостаточно опытный, растерянно подтвердил, что снарядов мало, а для поражения вышки нужен большой расход боеприпасов.

— Давайте попробуем, — сказал я ему. — Если и не уничтожим наблюдателя, то сгоним его с вышки.

По карте тщательно подготовили данные. Первый выпущенный снаряд разорвался правее вышки. Ввели поправку. Второй выстрел. Недолет. Увеличили прицел на два деления. И снова недолет. Добавили еще два деления. Перелет. Предлагаю командиру дивизиона убавить прицел на одно деление и перейти на поражение, не обеспечивая узкой двухделенной вилки. Он подает команду:

— Три снаряда... Беглый огонь!

После выпущенных трех гранат 76-миллиметрового калибра вся вышка окуталась дымом. Когда его отнес ветерок, мы увидели, что вышка стояла, как и прежде, но однаиз ее опор была перебита, а наблюдатель покинул свой пост.

— Товарищ майор, а ведь здорово получилось, — восторженно сказал командир дивизиона. — А нас учили, что для уничтожения точечной цели требуется очень большой расход снарядов.

— Правильно вас учили. Но ведь здесь же простейшие условия стрельбы. Дальность небольшая, плоскость стрельбы проходит почти через наш пункт. Да ведь нам и не обязательно попасть в лоб наблюдателю. Достаточно согнать его и не дать возможность вести наблюдение. Вот мы и выполнили эту задачу общими усилиями. А теперь у вас есть пристрелянные данные.

Надо полагать, больше не дадите врагу сидеть безнаказанно на вышке и спокойно рассматривать нашу оборону.

С Соломиным мы вернулись на свой наблюдательный пункт. Я установил кодировку местности, наметил ориентиры. Связь с наблюдательными пунктами дивизионов была налажена. По телефону я еще раз напомнил командирам дивизионов о том, чтобы за противником велось тщательное наблюдение. Соломину было приказано передать им схемы ориентиров, кодировку местности, участки намеченных огней и проверить, правильно ли они уточнили огневые задачи и подготовлены ли по указанным участкам данные.

После нашей стрельбы все затихло. Но на душе было как-то неспокойно. И не напрасно. Над нами вскоре появился самолет-разведчик. Зенитчики отогнали его. Но буквально через несколько минут послышался зловещий гул. Восемнадцать бомбардировщиков прошли над нами строем и, резко развернувшись, стали заходить для удара. Бомбили они, однако, не огневые позиции, а... Диканьку. Во многих местах возникли пожары...

Оставив Соломина старшим на наблюдательном пункте, мы с адъютантом отправились в штаб полка.

Багровый диск солнца скрылся за горизонтом, и сразу в низинах поплыли косяки тумана. В сумерках словно таяли, растворялись дальние хутора. На глазах темнел лес. Наступала воспетая Гоголем украинская ночь... Ночь в Диканьке.

Радченко приехал в штаб на мотоцикле. Он рассказал, что гвардеец Иван Мирошниченко среди беженцев встретил своих земляков из родного села Кашенька. Онисообщили ему печальную весть. Неделю назад фашистские самолеты бомбили безоружную толпу беженцев. Сестра Ивана Мирошниченко была смертельно ранена, мать контужена. Старик отец, больной и сломленный горем, остался в чужом, почти опустевшем селе. Приютили его добрые люди.

— Мирошниченко, несмотря на горе, держится молодцом, — сказал Радченко. — Он попросил у меня рекомендацию в партию.

Глава третья. Первые залпы

Утром 25 сентября мы с комиссаром Радченко прибыли на наблюдательный пункт. Соломин доложил, что ночь прошла спокойно. Правда, фашисты сделали несколько орудийных выстрелов, очевидно пристрелочных, по разным районам нашей обороны. За ночь появились свежие окопы на высотках. Надо полагать, что это новые наблюдательные пункты гитлеровцев, так как на тригонометрической вышке больше никто не появлялся. На опушке урочища Переруб также были обнаружены свежие окопы и огневые точки.

Через стереотрубу я стал внимательно изучать местность. Действительно, новые цели, обнаруженные у противника, свидетельствовали о том, что он к чему-то готовится. Ведь в первые месяцы войны фашисты по ночам старались спать. Потом мы начисто сломали вражеский «распорядок дня».

Часов в десять утра меня вызвал по телефону командир третьего дивизиона капитан Худяк. Он доложил, что в урочище Переруб втягивается пехота и конные группы противника.

Спустя час Худяк снова «висел» на телефоне. Заметно волнуясь, он доложил, что все утро наблюдал, как в урочище стягивалась вражеская пехота и конница. Худяк просил разрешения дать залп. Я был не менее Худяка обеспокоен, но что можно было предпринять? Ведь стрельба без разрешения командования фронтом категорически запрещалась. Еще раз пришлось напомнить об этом Худяку. Вместе с тем ему было приказано зарядить боевые машины и держать дивизион в полной боевой готовности.

О своем решении я доложил генералу Крюченкину и просил его добиться разрешения у командования фронтом произвести залп.

Генерал Крюченкин обещал сделать все возможное. Минут через двадцать Худяк доложил, что дивизион готов к бою, и снова настойчиво просил разрешения дать залп.

— Товарищ Худяк! Для волнения нет оснований, — ответил я ему.

— Как нет оснований? — закричал в трубку Худяк. — Противник сейчас перейдет в атаку! Его передовые цепи показались уже на опушке леса...

— Когда враг перейдет в атаку, тогда и дадим залп, — заверил я.

Однако и сам стал опасаться, как бы действительно не опоздать с залпом. Ведь перед атакой противник непременно откроет артиллерийский и минометный огонь по нашим передовым окопам и наблюдательным пунктам. Он может сразу повредить связь, и тогда...

Признаться, я тоже с большим волнением и нетерпением ждал команды Крюченкина. Только чувство особой военной деликатности останавливало меня от звонка командиру дивизии. Ведь ясно, что Крюченкин не успел еще связаться со штабом фронта.

И вдруг тишину утра нарушил мощный гул, эхом прокатившийся над рощей, над Диканькой, над ближними и дальними хуторами. Слева, сзади нас, из-за леса непрерывным потоком вылетали огненные кометы. Они шумели над нашими головами. Через несколько секунд все урочище окуталось густым черным дымом, в котором виднелись яркие вспышки разрывов. Слышались громовые раскаты. Шум летящих снарядов, сопровождаемый каким-то особенным скрежетом, грохот разрывов, а также громадное черное облако, мгновенно окутавшее рощу, произвели сильное впечатление.

Когда дым немного рассеялся, мы увидели, как из рощи в разные стороны бежали обезумевшие от страха гитлеровцы, скакали по полю лошади без всадников.

Психологическое воздействие залпа было настолько велико, что даже мы, знавшие, что это такое, были потрясены. Ведь это был первый «полнокровный» залп дивизиона. Он ошеломил не только фашистов. Тут же позвонил генерал Крюченкин. Он ругал нас за самовольство. Я выслушал командира дивизии молча, а потом доложил:

— Товарищ генерал! Командир третьего дивизиона дал залп без моей команды. Это, конечно, не снимает с меня ответственности за случившееся. В свое оправдание могу лишь добавить, что залп положен удачно. Фашисты в панике бегут.

— Это хорошо, что фашисты бегут, — несколько сбавив тон, ответил генерал. — Но ведь наши части не предупреждены и не преследуют противника.

Как только малочисленные кавалерийские эскадроны узнали, что этот мощный огневой налет произвела наша новая артиллерия, они начали преследовать врага.

Вскоре на наш наблюдательный пункт прибыл генерал Крюченкин. Увидев воочию результаты залпа, он сменил гнев на милость.

— Вот так гвардия! Вот так молодцы!

Несмотря на некоторое запоздание, эскадроны 76-го

кавалерийского полка, преследуя противника, захватили пленных и трофеи.

О залпе было доложено в штаб фронта. Полковник Зубанов был крайне возмущен тем, что огонь открыли без разрешения. Он потребовал произвести расследование и наказать виновных. Вечером этого же дня я с пристрастием допрашивал Худяка.

Худяк, вытянувшись, часто моргая добрыми серыми глазами, отвечал прямо и честно:

— Виноват, товарищ командир, но ничего добавить не могу. Не удержался, вот и все. Ведь они, гады, развернутым строем стали выходить из леса! Жди я разрешения, наверняка мы опоздали бы с открытием огня. Вам-то не было видно, а я все как на ладони наблюдал...

Строго предупредил я Худяка, но наказывать не стал, так как, откровенно признаться, в душе был доволен его действиями. Подумать только, что могло бы стать с третьим дивизионом, да и со всем полком, если бы Худяк не дал залпа! Но в то же время самовольство поощрять было нельзя. Хотя на войне иногда бывает трудно отличить самовольство от разумной инициативы. Разговор с ним я закончил так:

— Ваше счастье, товарищ Худяк, что победителей не судят. Залп вы положили удачно и вовремя. Но впредь подобную нервозность ни в коем случае не допускайте...

Худяк ушел от меня посветлевший и заметно приободрившийся. Этот «неплановый» залп открыл славную страницубоевой истории 4-го гвардейского минометного полка.

На участке обороны 14-й кавалерийской дивизии наш полк действовал с 24 сентября по 1 октября 1941 года. В это время дивизия не только удерживала занимаемый рубеж, но и смогла продвинуться вперед своим левым флангом на 12–18 километров. Все дивизионы нашего полка включились в активные боевые действия и своими батарейными и дивизионными залпами срывали каждую попытку врага сосредоточить на каком-либо участке свои силы и перейти в наступление. Вот как сказано о боевой работе нашего полка в это время в журнале боевых действий дивизии: «...В 11.00 один дивизион 4 гмп открыл огонь по Федоровке, где сосредоточилась конница противника. После обстрела гитлеровцы бежали, оставив Федоровку... Всего перед фронтом дивизии действовало 3–4 батальона пехоты и до 5 батарей врага. Противнику нанесены большие потери артогнем 4 гмп. В течение всего дня в Стаси немцы хоронили убитых»[1].

Придя в себя после наших ударов, фашистское командование всеми силами стремилось задержать продвижение советских кавалеристов. Для этого на левый фланг, где после первого залпа

наши войска продвинулись вперед, противник подтянул свежие силы. Так как дивизия оборонялась на широком фронте, а в ее составе был всего один конно-артиллерийский дивизион, генерал-майор Крюченкин добился разрешения командующего фронтом использовать наш полк по своему усмотрению. Залпы теперь мы могли давать с разрешения генерала Крюченкина.

В эти дни нам пришлось произвести и первые ночные залпы. Произошло это при следующих обстоятельствах. 105-миллиметровая батарея противника безнаказанно обстреливала наши наблюдательные пункты. Мы несли потери. Подавить ее со своих огневых позиций не могли. Чтобы уничтожить батарею, координаты которой были определены точно, командир 2-го дивизиона капитан Р. Р. Василевич предложил вывести ночью боевые машины к переднему краю нашей обороны и оттуда дать залп.

Вся операция была произведена настолько быстро и неожиданно для противника, что он не успел открыть не только артиллерийский, но и пулеметный огонь. Обстрел наших наблюдательных пунктов и боевых порядков эскадронов прекратился.

29 сентября выдался погожий теплый день. С наблюдательных пунктов хорошо просматривалась дорога, ведущая из Полтавы в Диканьку. По ней двигались колонны немецких войск. Они стекались в рощу северо-западнее деревни Петровки. Район сосредоточения фашистов мы определили точно, нанесли на карту. Однако для стрельбы наших батарей с основных огневых позиций он был недосягаем. Противник, видимо, после наших первых залпов уже не рисковал сосредоточивать свои войска в непосредственной близости от переднего края.

Чтобы накрыть гитлеровцев своими залпами, имея уже опыт ночной стрельбы, мы решили вывести под покровом темноты боевые машины за наш передний край, на линию боевого охранения.

В. В. Добросердову было приказано выслать разведку во главе с капитаном Н. В. Митюшовым. В ее составе должны были быть командиры батарей. На них возлагался окончательный выбор огневых позиций и разведка путей подхода. Ночью командиры батарей должны были вывести свои боевые машины на огневые позиции.

Мы рассуждали так: гитлеровцы утомлены, поэтому бдительность боевого охранения понижена. Местность позволяла незаметно провести машины в лощину, что пролегла в нейтральной полосе. Союзником нашим должна стать темная

южная ночь. Мы пришли к выводу, что такая операция, хотя и заключает в себе известную долю риска, возможна. Тем более что своими силами мы сможем организовать надежное прикрытие огневых позиций.

С наступлением темноты на наблюдательном пункте появился капитан Митюшов. Он доложил, что дорога и огневые позиции разведаны.

Добросердов и Митюшов выехали в дивизионы, а мы с комиссаром решили обсудить вопрос, когда доложить генералу Крюченкину о ночном залпе. По телефону говорить об этом нельзя. Ехать с докладом — потребуется много времени. Вынуждены были принять решение — действовать и доложить генералу после выполнения плана.

С колонной заряженных боевых машин мы встретились на дороге. Радченко, Добросердов и я выехали на пикапе вперед. В трехстах — четырехстах метрах от переднего края все спешились и пошли вслед за охранением, которое вел Митюшов. О нашем выходе за линию обороны передовые части были предупреждены.

Как только охранение заняло боевой порядок, установки с потушенными фарами одна за другой стали выходить на позицию. Командир дивизиона доложил о готовности...

— Огонь! — скомандовал я.

В такой близости от стреляющих машин мы были впервые. До этого во время залпов мы, как правило, находились на наблюдательных пунктах, а сейчас — на правом фланге дивизиона, метрах в тридцати — сорока от боевых машин. Нам представилась потрясающая картина. Сначала выстроенные в ряд на сокращенных интервалах боевые машины осветились ярким светом. Это были факелы реактивных струй первых выпущенных снарядов. Затем раздался пронзительный скрежет, от которого задрожала земля... С высоко поднятых ферм непрерывным потоком стали слетать огневые стрелы с ослепительными хвостами. Позади машин вначале образовывались серые облака, которые от яркого освещения на глазах превращались и оранжево-белые клубы и завихрения. От стремительно уносящихся вверх снарядов казалось, что все поплыло вниз — и боевые машины, и ярко освещенная местность. Впоследствии мне не раз приходилось наблюдать ночные залпы вблизи. Но ничто не могло сравниться с этим первым впечатлением, которое оставил ночной залп дивизиона под Диканькой.

...Угас факел последнего снаряда, и все вокруг погрузилось в кромешную тьму, как это всегда бывает после яркого света ночью. До нас донеслись громовые раскаты разрывов. Вокруг сильно пахло порохом и пылью.

Ночной залп так ошеломил гитлеровцев, что в течение пятнадцати — двадцати минут с их стороны не было сделано ни одного выстрела. В полной тишине и темноте боевые машины снялись с огневой позиции и, словно огромные черные тени, одна за другой стали уходить в тыл. Проводив последнюю машину, мы с комиссаром селив пикап и поехали к своему НП. Когда подъезжали к нему, над нашим передним краем взлетели в воздух одна за другой несколько осветительных ракет. Поднялась бешеная ружейно-пулеметная стрельба, прогромыхали беспорядочные выстрелы орудий и минометов. Артиллерийские и минометные налеты были предприняты врагом по разным участкам нашей обороны, и особенно по покинутой нами огневой позиции.

В районе сосредоточения противника, по которому мы дали залп, наблюдались яркие зарева пожаров.

Генерал Крюченкин, позвонивший к нам на НП, строгим голосом приказал доложить, в чем дело, почему без его разрешения был дан залп. Я ответил, что все в порядке, но подробности могу доложить только лично.

— Хорошо. Немедленно приезжайте! — Голос генерала звучал уже более спокойно.

Через полчаса мы с комиссаром были у генерала Крюченкина. Слушая мой доклад, он довольно потирал руки, его строгие глаза все больше добрели. Наконец он не выдержал, вскочил с места, быстро заходил по хате, азартно восклицая:

— Здорово, молодцы! Но бить вас некому! Это прекрасно, что вы сумели накрыть врага. Ну, а если бы напоролись? Вы же могли сами по-дурному погибнуть. Что тогда? Отвечай Крюченкин, так, что ли?

— Товарищ генерал, не было возможности вам доложить. Упустили бы время. Мы ведь были твердо уверены, что план свой выполним без потерь. И кто знает, если бы мы сегодня не ударили по фашистам, возможно, завтра утром они атаковали бы нас.

— Я еще раз вам повторяю: умело бьете врага — молодцы! Но надо же доложить, а потом давать залпы. Вы же «секретные», я ведь должен еще вас прикрывать... — В голосе генерала звучали отеческие нотки. Мы с Радченко поняли, что гроза миновала.

Конечно, такая «самостоятельность» могла нам дорого обойтись. Но... жизнь, боевая обстановка вносили свои коррективы и порой требовали немедленных действий.

1 октября 1941 года полк получил боевое распоряжение о передислокации в район города Валки Харьковской области. Командование 14-й кавалерийской дивизии издало в связи с этим такой приказ:

ПРИКАЗ

Кавалерийской орденов Ленина, Красного Знамени, Красной Звезды, подшефной КИМу имени Пархоменко дивизии

1 октября 1941 года м. Диканька

№37

На протяжении семи дней с 24.9 по 1.10 1941 года 4 гвардейский минометный полк участвовал в операции совместно с вверенной мне 14 кавалерийской дивизией.В процессе ведения боев весь личный состав полка показал исключительное умение и четкость в работе при выполнении боевых задач, личную выдержку и готовность к самопожертвованию.

Несмотря на явное превосходство противника в силах, его маневрирование на поле боя, командование полка в лице командира 4 гмп майора Нестеренко и батальонного комиссара Радченко быстро и четко ставили полку боевые задачи, которые он с честью выполнял, искусно используя мощь нового грозного вида оружия.

Все попытки противника создать концентрацию войск и перейти в атаку срывались метким огнем гвардейцев. Противник понес большие потери. Боевые задачи были выполнены.

За исключительно четкую работу, использование всей мощи новой техники, умелое маневрирование огнем на поле боя, безотказность управления и выполнение боевых задач командиру 4 гмп майору Нестеренко, комиссару 4 гмп батальонному комиссару Радченко и всему личному составу полка объявляю благодарность.Выражаю уверенность, что 4 гвардейский минометный полк, действуя на любом участке фронта, будет еще больше и метче громить и уничтожать фашистские орды.

Гвардейцы! За Сталина, за Родину всегда будьте готовы дать меткий всеуничтожающий залп!

Командир 14 кавдивизии генерал-майор (Крюченкин)

Комиссар 14 кавдивизии батальонный комиссар (Добрушин)

Начальник штаба 14 кд майор (Шмуйло)

Эта первая награда полку — благодарность боевых

товарищей — была нам особенно дорога.

В архивах дивизии уже после войны я нашел следующую запись, воскресившую в моей памяти те далекие дни:

> «По показаниям пленных из 101 пехотной дивизии противника 101 пд понесла большие потери, до 30–40% своего состава, от огня 4 гвардейского минометного полка».

В 1970 году я получил письмо от жителей Диканьки. Вот что они писали:

> «...Мы знаем, что в сентябре 1941 года вы командовали полком «катюш» и дали первый залп из Диканьки (первые залпы на Полтавщине). Ваши бойцы называли тогда свое оружие «чудо-пушка». Вы задержали немцев на 14 суток, уничтожили много живой силы и техники врага.
>
> Мы, жители Диканьки, решили поставить в парке имени Гоголя памятник первым «катюшам» и хотим просить Вас, чтобы Вы прислали нам свои воспоминания. Может, у Вас есть фотографии ваших товарищей, фронтовые газеты, плакаты или какие другие материалы, связанные с первыми залпами «катюш» под гоголевской Диканькой.
>
> Вышлите по адресу: УССР, Полтавская область, пос. Диканька, Исторический музей или Райвоенкомат. Помогите нам через Министерство обороны закупить установку «катюши» образца 1941 года. Мы ее поставим на пьедестал и напишем фамилии воинов, которые дали первый залп под Диканькой. Наша молодежь, идущая служить в Советскую Армию, возле памятника «катюшам» будет получать первые уроки мужества. Когда будет построен памятник, мы Вас пригласим на открытие».

Далее шла приписка: «В Диканьку летом приезжают много туристов, наших и зарубежных, они спрашивают о залпе «катюш». В музее же нет никаких материалов, а люди-то знают — это история...»

Остается только добавить, что установка БМ-13 возвышается теперь на постаменте в Диканьке как памятник первым сокрушительным ударам «катюш» по врагу.

* * *

В журнале боевых действий оперативной группы ГМЧ Юго-Западного фронта есть несколько скупых строк:

«4.10.41 года 4 гмп приступил к выполнению боевой задачи на фронте 38 армии на участке Кочубеевка, Винников». За этой записью стоят интересные и поучительные события.

4 октября во второй половине дня полк был на марше, следуя в район обороны частей 38-й армии. Для получения задачи мы с комиссаром выехали вперед в штаб дивизии, которую нам предстояло поддерживать огнем.

Командир дивизии сообщил нам, что его полки обороняются на широком фронте, что локтевой связи с соседом справа нет. Он поставил нам задачу подготовить заградительные огни на наиболее опасных направлениях. Уяснив ее, мы с Радченко выехали навстречу полку.

День стоял ясный, воздух был по-осеннему прозрачен. Полевая дорога, еще не тронутая распутицей, походила на асфальтированное шоссе. В особенностях украинских дорог нам вскоре пришлось убедиться на своем собственном опыте. Насколько хороши они в сухую погоду, настолько же коварны и почти непроходимы во время дождей. Но пока природа нам помогала. Пикап ходко подминал под себя укатанную ленту грунтовки. Справа и слева простирались поля, возвышались холмы, в балках темнели перелески.

От штаба дивизии мы уже отъехали на четыре-пять километров, как вдруг увидели, что слева, по склону ближнего холма, во весь опор наперерез нам скачет всадник и отчаянно машет фуражкой. Подлетев к нам на взмыленной лошади, боец-кавалерист взволнованно доложил:

— Из леса выходит фашистская колонна!

Мы с Радченко переглянулись: «Это в тылу-то дивизии!»

— Ее с холма видно!

— А ну-ка, давай на холм! — приказал я водителю. Кавалерист поскакал впереди по полю, а мы двинулись вслед за ним.

Да, действительно, в бинокли была отчетливо видна вражеская колонна, которая двигалась по полевой дороге, примерно в трех километрах от нас. Впереди ее ехала группа всадников, за ней — крытые пароконные фургоны. Местность понижалась в нашу сторону. Колонна шла под некоторым углом к нам и хорошо просматривалась на всю глубину.

— Вот гады! — Радченко не в силах был сдержать свою ярость. — Движутся как на параде! Эх, нет еще наших! А то бы

сбили с них спесь.

Бойца-кавалериста мы послали в штаб дивизии, а сами помчались навстречу своим дивизионам.

Отъехав с полкилометра, мы увидели боевые машины. Это был третий дивизион, в голове которого на полуторке ехал его командир капитан Худяк. Я мысленно прикинул: если развернуть дивизион для стрельбы с закрытой позиции, то, пока мы протянем связь на холм, где должен быть наш НП, и пока развернутся огневые взводы, колонна противника подойдет еще ближе и войдет в мертвую зону. Тогда наши залпы будут уже бессильны. Правда, был еще и другой выход: отойти на шесть-семь километров и оттуда дать залп. Но ведь за это время вражеская колонна может укрыться в лесу и балках или изменить направление движения. Кроме того, было тут еще одно обстоятельство, связанное с особенностями огня нашего оружия.

Дело в том, что рассеивание реактивных снарядов значительно больше рассеивания обычных артиллерийских. При стрельбе на предельную дальность эллипс рассеивания вытянут вдоль фронта. При стрельбе же на минимальную дальность он, наоборот, вытягивается вдоль трассы стрельбы. Значит, если бы мы отошли на предельную дальность, то залп лег бы поперек направления движения колонны противника. Если же стрелять с минимальной дальности, то эллипс рассеивания снарядов накроет колонну по ее длине. Я сказал Радченко:

— Иван Никифорович! Ты рвался сбить с фашистов спесь. Есть теперь такая возможность. Давай выведем головную батарею на холм и дадим залп прямой наводкой.

— Как же мы его дадим? — Он удивленно сдвинул брови. — Ведь до фашистов меньше трех километров! А пока будем выводить батарею, они подойдут еще ближе. Ты что, забыл, что минимальная дальность стрельбы у нас три километра?

— А вспомни, как на полигоне показывали нам стрельбу. Дальность-то была не более полутора-двух километров!

— Так ведь там специально аппарели отрыли!

— А мы будем стрелять со склона холма, обращенногок противнику. Уклон там подходящий. Вот он и поможет нам уменьшить прицел...

Надо ли говорить, что боевого комиссара мне дважды уговаривать не пришлось.

— Давай рискнем! — восторженно сказал он. — Надо проучить гадов!

Итак, командиру дивизиона капитану Худяку было приказано немедленно зарядить головную батарею и иметь к ней снаряды для второго залпа. Остальные батареи получили задачу отойти на

шесть-семь километров и занять боевой порядок для отражения наступающего противника.

Через пять — восемь минут мне доложили о готовности батареи.

Как только установки в развернутом строю перевалили через вершину холма и стали спускаться под уклон, была отдана команда остановиться и навести боевые машины в центр колонны. В это время ее голова находилась от нас на расстоянии всего около двух километров. Чтобы наверняка накрыть колонну залпом, мы дали четыре пристрелочных выстрела. Снаряды разорвались с большим недолетом. На наши выстрелы фашисты, казалось, не обратили никакого внимания. Колонна продолжала двигаться в прежнем направлении, уверенно и нагло. «Ну, подождите же, — подумал я, — так ли вы сейчас запоете!» Была введена корректура в прицелы.

— По фашистским гадам, залпом... Огонь!

Первый залп реактивной артиллерии прямой наводкой лег точно. Колонна была накрыта от головы до хвоста. Когда рассеялись дым и пыль, мы увидели, что вдоль дороги валялись трупы гитлеровцев, горели машины и повозки. Уцелевшие фашисты бросились в разные стороны. Они бежали, падали, поднимались и снова бежали к лесу, из которого только что вышла колонна.

Боевые машины отошли на обратный склон холма. Второй залп было решено дать по опушке леса, куда отступили гитлеровцы. Следует подчеркнуть одно особое качество залпа реактивными снарядами. Дело в том, что как материальный, если так можно выразиться, так и моральный эффект одновременного разрыва группы снарядов значительно выше эффекта последовательных разрывов такого же количества снарядов. Это качество сразу было замечено, как только наши боевые машины появилисьв войсках. При одновременном разрыве нескольких снарядов на ограниченной площади с разных направлений действуют ударные волны. Их сложение, то есть встречные удары, значительно увеличивает разрушительное действие каждого снаряда. При этом волны складываются, если разница во времени между разрывами не превышает 0,8–1 секунды. Особенность залпа реактивной артиллерии как раз и состоит в том, что этот эффект здесь используется полностью. Надо сказать, что во время наших наступательных действий в 1944–1945 годах, когда плотность артиллерии на километр фронта сильно возросла и огонь большого числа орудий концентрировался на ограниченных площадях, наблюдался подобный эффект.

В первые месяцы войны противник старался двигаться вдоль

дорог и имел, как правило, плотные боевые порядки. А это нам и было нужно. Кроме того, пехота и техника гитлеровцев располагались скученно.

В начале войны фашисты, упоенные победами, сосредоточиваясь для наступления, как правило, не заботились об укрытии своих войск и боевой техники, и поэтому они представляли собой хорошие цели для ракетчиков.

В этих условиях внезапный залповый огонь достигал большого поражающего и морального эффекта. При потере же внезапности противник успевал уходить в укрытия, и эффект огня снижался. Однако маневренность и преимущества многозарядности боевых установок, их огневая производительность в короткие промежутки времени, исчисляемые секундами, до конца войны оставались привилегией реактивной артиллерии. Дивизион М-13 за восемь — десять секунд мог выпустить 192 снаряда 132-миллиметрового калибра. Артиллерийский дивизон соответствующего калибра за это же время мог выпустить только 12–24 снаряда. Правда, с увеличением продолжительности стрельбы количество снарядов, выпускаемых боевыми машинами БМ-13 и БМ-8, приближалось к количеству снарядов, выпускаемых артиллерийскими орудиями, так как на перезарядку установок требовалось значительно больше времени, чем на перезарядку орудий. Однако тут надо заметить, что количество снарядов, выпускаемых из артиллерийских орудий, ограничено технически допустимым режимом огня. При нарушении установленногорежима орудийные стволы выходят из строя. Для боевых машин этого ограничения не существует.

Так, 4-й гвардейский минометный полк в боях под Сталинградом в августе 1942 года в течение нескольких дней выпустил по врагу тысячи снарядов. Режим огня для боевых машин определялся наличием снарядов и физической возможностью боевых расчетов.

Но вернемся к первому залпу прямой наводкой. Через шесть — восемь минут заряженные боевые машины опять вышли на вершину холма, и снова над полями и лесами загремел мощный «орган», а через пятнадцать — двадцать секунд опушка леса окуталась дымом и до нас донесся громовой раскат рвущихся снарядов. Фашисты получили сполна. Пора было уходить. Мы с комиссаром сели в пикап и двинулись вслед за отходящей батареей. Не успели отъехать и километр, как над высотой, с которой были даны залпы, уже появились фашистские самолеты. Они заходили один за другим и бомбили ближний лес и заросший кустарником овраг у подножия высоты: сюда ветром

отнесло облако дыма, образовавшееся во время залпов. А установки уже находились в безопасности.

— Но все же, как ты додумался стрелять с такого расстояния? — На добродушном лице Радченко были и радость азартного бойца, и гордость за своих товарищей и оружие.

— Я об этом думал еще во время первого показа на полигоне. Ведь конструктивный недостаток боевой установки сразу виден. Наблюдая стрельбу из аппарелей, я понял, что можно стрелять и на ближние дистанции. А сейчас нас выручил не только холм, но и уклон в нашу сторону дороги, по которой двигалась колонна. Наклон сильно сократил глубину рассеивания.

— За какой-то десяток секунд мы разгромили такую большую колонну, — задумчиво сказал Радченко. — Нужно обучить этому способу стрельбы все батареи полка.

Мы с Радченко решили написать в Москву о конструктивных недостатках боевых установок и внести свои предложения. В дальнейшем нам стало известно, что независимо от нашего опыта стрельбу прямой наводкой применяли многие гвардейские минометные дивизионы, действовавшие на разных фронтах. Законы войны требовали такого способа ведения огня, несмотря на конструктивные недостатки боевых машин.

Глава четвертая.
Плюсы и минусы нового оружия. Его история

Удачный залп прямой наводкой вселил в нас еще большую уверенность в своем оружии. Мы утвердились во мнении, что можем применять его еще смелее и решительнее, полнее использовать его маневренность и силу огневого удара.

Наступила осень. Хлынули октябрьские дожди. Маневренность «катюш» практически зависела от проходимости дорог. А враг, имея численное превосходство в танках, продолжал теснить наши войска. Для усиления обороны валковского направления два дивизиона 4-го полка были переброшены к населенному пункту Коломак, что в семидесяти километрах западнее Харькова. Здесь оборону держали сильно поредевшие стрелковые подразделения и кавалерийские эскадроны.

12 октября вечером мы получили задачу поддержать огнем части, которые к рассвету должны выйти на рубеж обороны севернее Коломака. Ночью под проливным дождем дивизионы занимали боевой порядок. Под колеса установок мы настилали хворост, чтобы они не погружались в размокший чернозем.

Командиры дивизионов заняли наблюдательные пункты и установили связь с огневыми позициями. Наш полковой НП, куда с рассветом прибыли мы с Радченко, находился вблизи НП второго дивизиона, которым теперь командовал капитан С. И. Семенов.

К рассвету надоедливый дождь наконец прекратился. Вдоль лощин стлался туман. Дальних хуторов и перелесков в сереющей мгле совсем не было видно, однако перед нашим передним краем местность просматривалась довольно хорошо.

Со своего наблюдательного пункта мы отчетливо видели, как в ближний хутор втягивалась пехота противника. Опытным глазом в садах можно было обнаружить замаскированные фашистские танки. По всем признакам враг изготавливался для наступления и подтягивал резервы. Наша авиация не действовала, артобстрелу противник не подвергался и поэтому открыто продолжал стягивать силы. К хутору издалека, не маскируясь, подтягивались машины и танки.

Конечно, самым правильным было бы немедленно ударить по гитлеровцам, но снарядов было мало и расходовать их на сей раз без разрешения мы не могли. По телефону я связался с

командиром дивизии и попросил его добиться разрешения на залп. Однако ответа мы долго не получали, а тем временем гитлеровцы стали разворачиваться для атаки, и с минуты на минуту следовало ожидать начала артиллерийской подготовки. Можно было еще сорвать атаку врага, но на все наши запросы мы получали один ответ: «Ждите команды!»

Случилось так, как мы и предполагали. Противник открыл по нашим наблюдательным пунктам и траншеям пехоты сильный артиллерийский и минометный огонь. Находясь в узких, глубоких окопах, мы больших потерь не понесли. Однако у нас была разбита радиостанция и нарушена телефонная связь с огневыми позициями и штабом дивизии. Противник перенес огонь в глубину нашей обороны, и связисты бросились восстанавливать связь. Но сделать этого они не успели...

Прямо перед нами, на расстоянии двухсот метров, из-за высоких подсолнухов показались немецкие каски. Фашисты бросились в атаку, ведя огонь из автоматов и пулеметов. Редкие цепи нашей пехоты не выдержали натиска противника и начали отходить. Гитлеровцы почти вплотную подошли к нашим наблюдательным пунктам. Гранатами, огнем автоматов и двух ручных пулеметов нам удалось отбросить их на несколько сот метров. Особенно метко разил врага помощник командира взвода разведки Мигдат Хасанов. Другой пулемет бил с наблюдательного пункта второго дивизиона. Фашисты вынуждены были опять отойти к подсолнечному полю.

Однако буквально через несколько минут по нашим наблюдательным пунктам снова был открыт ураганный артиллерийский и минометный огонь. Немецкие автоматчикистали обходить нас справа и слева. И что самое неприятное — справа в обход пошли танки. Создавалась реальная угроза огневым позициям наших дивизионов. Требовалось срочно передать команду на открытие огня или отнести боевые машины.

Мучительная досада овладела мною! Иметь такое сильное оружие и не использовать его... Но как предупредить дивизионы?

— Иван Никифорович, — обращаюсь я к комиссару, — прошу вас...

Радченко понял меня с полуслова. И вот уже он вместе с Брызгаловым и Бодряшовым бежит к боевым машинам. Успеют ли?

Нам было видно, как группа комиссара пересекла лощину и стала подниматься на другой склон оврага. И тут фашистские автоматчики, что обошли нас справа, открыли по группе ураганный огонь. Упал Радченко. За ним Брызгалов и Бодряшов. Неужели убиты?! Отчетливо видно, как вокруг комиссара и его

товарищей взлетают комья земли от автоматных очередей.

— Немедленно прикройте комиссара! — приказал я Хасанову.

Огонь наших пулеметов заставил гитлеровцев замолчать. То-то, гады. Ура! Радченко с ребятами вскочили на ноги и что есть сил помчались дальше! Вот они уже скрылись в кустах. Теперь успеют...

Оглянувшись назад, я увидел лейтенанта В. И. Федорова, командира взвода топографической разведки. Он лежал недвижимый при выходе из окопа. Я бросился к нему:

— Федоров! Дорогой, что с тобой?

Он молча смотрел на меня. У лейтенанта, видимо, было шоковое состояние. Я приказал разведчикам отнести его в укрытие, в лощину. Никто из нас, конечно, не мог и предполагать тогда, что Федоров станет талантливым архитектором, реставратором московских памятников старины и дворцов седого Кремля.

Вскоре мы вынуждены были оставить наблюдательные пункты и отходить в сторону железной дороги, за которой находились наши огневые позиции.

Там мы были почти одновременно с Радченко. Сказалась моя спортивная подготовка, полученная в Томскойартиллерийской школе. В Сибирском военном округе я несколько лет подряд занимал первые места по военно-спортивному многоборью, куда входил и бег на пять тысяч метров. А в 1935 году мною был установлен всеармейский рекорд на пятидесятикилометровой лыжной дистанции.

Итак, мы на огневой позиции. О залпе не могло быть и речи. Танки противника на правом фланге подошли к железной дороге. Они были уже в полутора километрах от боевых машин. А самое малое расстояние, на какое можно открыть огонь в этих условиях, — три километра. Опять нас подводило конструктивное несовершенство пусковых установок! Немецкая пехота уже вошла в зону, где наш огонь был бессилен.

Радченко сразу же подал команду: «Моторы!» Но как только боевые машины тронулись с места, съехав с настилов, они забуксовали, глубоко зарываясь колесами в грунт. Дождь, ужасный осенний дождь, ливший всю ночь напролет, размыл дорогу. Никакие усилия гвардейцев не могли сдвинуть машины с места. Танки и автоматчики противника находились уже возле железнодорожной насыпи, от которой до огневой позиции оставалось не более восьмисот метров.

У полка не было противотанковых средств, не было поблизости и ни одной артиллерийской батареи. Я с отчаянием

думал, что если через несколько минут не удастся вытащить боевые установки, придется дать команду на их подрыв (на каждой из них был смонтирован заряд, который должен был в критический момент уничтожить боевую машину).

И тут ко мне подбежал командир батареи лейтенант Чугуй, один из тех артиллеристов, которых я отбирал под Ярцевом в 16-й армии:

— Товарищ командир! Вон в тех кустах наши танки!

Я бросился туда. И действительно, всего в каких-нибудь двухстах метрах от нашей огневой позиции стояли замаскированные тридцатьчетверки. Здесь же у штабной машины стоял и их командир.

— Товарищи танкисты! Выручайте! Наши огневые позиции атакуют фашистские танки. А машины буксуют...

Командир танковой части приказал трем экипажам прикрыть огневую позицию, а двум другим — вытащить боевые машины на дорогу. Через несколько минут тридцатьчетверкирванулись навстречу врагу. Дружным огнем встретили они показавшиеся из-за железнодорожного полотна немецкие машины и сразу же подожгли две из них. Фашистские танки T-IV не могли противостоять нашим тридцатьчетверкам и отошли за железнодорожную линию. Оставшись без прикрытия, откатилась и вражеская пехота.

Трудно передать радость, которая охватила нас тогда. Как мы были благодарны решительным и мужественным танкистам! Мы тепло попрощались с ними, но, к сожалению, как это часто бывало на войне, не спросили ни их имен, ни из какой они части. Этот бой у хутора Новый Париж многому нас научил, заставил еще раз поразмыслить о достоинствах и недостатках нашего оружия. Конечно, на многое уже невозможно теперь смотреть так, как раньше, и мои оценки в значительной мере будут «разбавлены» временем и опытом.

Большие трудности в использовании реактивной артиллерии представляли особенности ее огня. Нельзя было надежно укрыть огневые позиции «катюш» от наблюдения противника ни за строениями, ни за холмами или рощами из-за дыма на позициях и огненных трасс летящих снарядов. Полет ракеты на активном участке траектории сопровождается ярким пламенем, вылетающим из сопла в виде длинного факела. Он хорошо просматривается на большом расстоянии. Это давало противнику возможность засекать наши позиции и открывать по ним артиллерийский и минометный огонь, а порой и бомбить. Поэтому боевые машины после залпа должны были немедленно уходить на выжидательные позиции, где они укрывались и

заряжались. По той же причине не рекомендовалось вести огонь со старых огневых позиций. В первое время, когда плотность нашей артиллерии, да и войск в целом была небольшой, выбор огневых позиций для ракетных дивизионов не представлял особого труда. Однако потом, когда количество наших войск и техники на главных направлениях стало возрастать, находить места для позиций ракетчиков становилось все труднее и труднее. Конечно, бойцы всегда были рады появлению «катюш», а особенно тогда, когда они производили уничтожающие залпы. Но из-за дыма на наших огневых позициях демаскировались подразделения, которые располагались вблизи них. Им сильно доставалось от огня фашистской артиллериии от бомбежек вражеской авиации, охотившихся за «катюшами». Впоследствии, чтобы избежать этого, во время подготовки к наступлению первыми выбирали огневые позиции ракетчики. Другие войска располагались подальше от гвардейских минометных частей.

Огневые задачи для «катюш» зачастую возникали неожиданно, и времени для подготовки позиций, а тем более для топографической привязки, как правило, не было. В таких случаях приходилось «привязываться» к местным предметам: мостам, перекресткам дорог, церквям и другим точкам, которые есть на карте. Все это влияло на точность стрельбы, и только высокая подготовка командиров-артиллеристов помогала исключать досадные промахи, обеспечивала поражение целей.

Немало хлопот доставлял и необычный эллипс рассеивания, о котором уже шла речь. При стрельбе на ближние дистанции эллипс рассеивания вытягивался узкой полосой в глубину более чем на километр, а при стрельбе на предельные дальности вытягивался по фронту. На средних дальностях по форме он приближался к кругу. Обычная классическая артиллерия могла с одной и той же позиции с одинаковой эффективностью поражать цели на разных дальностях. Мы, ракетчики, вначале отыскивали цель, определяли ее размеры, форму и расположение относительно линии фронта. Потом выбирали наиболее выгодный поражающий эллипс. А уже по форме эллипса выбирали районы огневых позиций, то есть наиболее выгодную дальность стрельбы.

Наши наблюдательные пункты располагались по возможности ближе к переднему краю. Из-за большого рассеивания гвардейские минометы не могли вести огонь по целям, расположенным ближе семисот метров от нашего переднего края. Чтобы не поразить свои части, мы должны были точно знать его расположение.

Наши боевые машины не имели защитной брони: она снизила

бы их маневренность. А реактивные снаряды могли самостоятельно выстрелить в случае замыкания в электропроводке. Замыкание же могло произойти от шальной пули или осколка. И все же при всех своих недостатках это было грозное оружие... Маневренность и скорострельность «катюш», мощь залпового огня создавали им немеркнущую славу. Их появление на поле боя воодушевляло наши войска.

Русская армия применяла реактивные снаряды еще в войнах девятнадцатого столетия. Вооруженные боевыми ракетами генерала К. И. Константинова, ракетные команды успешно действовали во время Крымской войны.

Причиной же падения интереса к боевым ракетам в прошлом явилось изобретение нарезных орудий и бездымного пороха, обеспечивавших большую дальность и лучшую кучность стрельбы. Но среди хора голосов, осуждавших ракеты, прозвучал голос неутомимого изобретателя и убежденного ракетчика генерала Константинова. Он утверждал, что люди не сразу вдумываются в существо вещей, долго действуют по избитой привычке, не помышляя о возможных изменениях и улучшениях, и от этого не скоро еще оценят могущество ракет. Слова эти оказались пророческими.

Царское правительство и царская армия безрассудно растеряли все достижения русской ракетной школы. Молодое Советское государство не получило от царской России ни научно-исследовательских учреждений, занимавшихся ракетами, ни ракетной промышленности. Поэтому все основные проблемы создания ракетного оружия пришлось решать заново.

Уже 3 марта 1928 года на полигоне под Ленинградом из трубы миномета вылетел первый в мире реактивный снаряд на бездымном порохе. Прекрасная по тому времени дальность полета — 1300 метров — свидетельствовала, что работы, начатые в 1920 году газодинамической лабораторией (ГДЛ), увенчались определенным успехом.

Несколько позднее в Москве при Центральном совете Осоавиахима была создана Группа изучения реактивного движения (ГИРД). Усилия ленинградской лаборатории были направлены на разработку пороховых реактивных двигателей, московская же группа (ГИРД) занималась жидкостными реактивными двигателями. В 1933 году в целях объединения и расширения работ по реактивной технике эти группы были объединены в Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ). К началу тридцатых годов довольно точно определились области, в которых наиболее целесообразным было применение реактивных двигателей. Это прежде всего авиация. Ведь для

стрельбы реактивными снарядами не нужны орудия с тяжелыми стволами и противооткатными устройствами. Запуская такие снаряды вместо авиабомб, можно было быполучать эффект как от бронебойных и бетонобойных бомб. Кроме того, можно было бы поражать цели, не находясь непосредственно над ними, что тоже немаловажно для авиации. И, наконец, стартовые ускорители в виде реактивных двигателей могли значительно сократить разбег самолетов.

Одна из этих задач была решена успешно. Были разработаны два довольно совершенных образца реактивных снарядов: осколочный РС-82 (82-миллиметровый) и осколочно-фугасный РС-132 (132-миллиметровый). Оба они предназначались для авиации и внешне сильно отличались от снарядов, применявшихся во время Великой Отечественной войны в полевой реактивной артиллерии. Они были короче «наземных» снарядов, снабжались дистанционными трубками и имели на боевой части желобки, как у ручной гранаты, для улучшения осколочного действия.

Снаряд, созданный в 1928 году, был снарядом активно-реактивного действия. Его выстреливали из миномета, который сообщал снаряду некоторую начальную скорость и задавал нужное направление полета. Реактивный же двигатель собственно снаряда развивал далее свою тягу уже в полете. Для авиации такие снаряды не подходили. Снаряды же РС-82 и РС-132 были чисто реактивного действия.

На основе осколочного 82-миллиметрового и осколочно-фугасного 132-миллиметрового снарядов, принятых на вооружение авиации, были созданы первые два вида снарядов для «катюш». Далеко не гладко шла разработка «эрэсов». Вдохновителем и инициатором этих работ был талантливый конструктор Борис Сергеевич Петропавловский. Это он первый рассчитал, изготовил и испытал снаряды чисто реактивного действия на бездымном пироксилино-тротиловом порохе. И сразу же перед конструктором встала основная для всех реактивных снарядов проблема — проблема кучности стрельбы, которая зависит от устойчивости полета.

Что только не предпринималось, чтобы обеспечить хорошую кучность! Пытались, например, придавать вращение реактивному снаряду, как орудийному. Для этого часть пороховых газов выпускали через боковые отверстия в корпусе. Получался как бы турбореактивный снаряд. Но более или менее удовлетворительные результаты достигались при расходе трети порохового заряда толькона вращение. Однако это приводило к потере в дальности стрельбы.

Во время этих исследований были и весьма курьезные ситуации. Так, очевидцы вспоминают, как проверялось предложение Г. Э. Лангемака выстреливать реактивный снаряд из обычного орудия. Для этого на корпусе снаряда предварительно были сделаны нарезы, как у орудийных снарядов. При испытании выявилась коварная сущность реактивного снаряда, поставленного в необычные для него условия. После выстрела он не вылетел из ствола, а заклинился у самого дульного среза и стал разворачивать пушку в сторону наблюдавших стрельбу. Им пришлось спасаться бегством.

Были попытки стабилизировать полет с помощью предварительной раскрутки электромотором. Однако и этот способ не дал хорошей кучности. Неудачи были заложены в самой идее — стабилизировать полет с помощью оперения, не выходящего за габариты снаряда. В этом сказывалась определенная инертность, приверженность к схемам ствольной артиллерии. Конструкторы не мыслили о ракетном орудии, которое бы не напоминало трубу.

Что только не придумывали разработчики! Предлагались стабилизаторы самой различной формы — Т-образные, кольцевые, отнесенные далеко за сопло. Испытывались даже стабилизаторы из тонких стальных лопастей, раскрывающихся в полете. Они предварительно свертывались в рулон. Но все было напрасно. Такие разновидности реактивных снарядов «рыскали» по всему полигону.

Решение проблемы предложил В. А. Артемьев. Его ракеты со стабилизаторами, значительно выходящими за калибр снаряда, летели устойчиво. Теперь дело оставалось за приемлемой пусковой установкой.

Итак, первая и основная часть будущей «катюши» — реактивный снаряд — была готова.

Впервые снаряды РС-82 были испытаны в воздушных боях с японцами в районе Халхин-Гола. Ими были вооружены истребители И-15. 132-миллиметровые реактивные снаряды устанавливались на самолеты-бомбардировщики СБ. В 1939 году эти снаряды применялись для поражения воздушных и наземных целей белофиннов.

Начиная свои исследовательские работы, РНИИ нашел поддержку у Серго Орджоникидзе, М. Н. Тухачевского, бывшего тогда начальником вооружения Красной Армии.

Уже тогда, в двадцатые годы, эти работы показали, что ракетному оружию принадлежит большое будущее.

В 1938 году было решено создать многозарядную пусковую установку для ведения залпового огня реактивными снарядами

132-миллиметрового калибра. Работы по осуществлению этого проекта начались без промедления. Решение состоялось в июне, а уже в октябре того же года две такие установки были смонтированы на автомашинах ЗИС-5. Правда, первые пусковые установки не выдержали испытаний. Они были забракованы из-за крупных конструктивных недостатков, но сама идея залповой стрельбы реактивными снарядами получила полное одобрение, и работы продолжались.

Развитию реактивной артиллерии уделялось большое внимание со стороны Центрального Комитета партии, нашего правительства, руководства Вооруженными Силами. Это и понятно. Ведь рождающееся оружие таило в себе большие возможности.

В самом деле, опыт первой мировой войны показал, что к артиллерии современный бой предъявляет новые повышенные требования в отношении ее маневренности, массирования огня и увеличения его плотности. Эти задачи в перспективе с успехом могла решать реактивная артиллерия.

Реактивный двигатель в снаряде практически исключал действие сил отдачи на орудие при выстреле. Этим достигалось многое. Можно было упростить конструкцию лафета, можно было отказаться от дорогих высококачественных сталей, употребляемых для изготовления стволов орудий. При массовом производстве вооружения такая экономия для страны приобретала немалое значение. Сравнительно небольшой вес и простота устройства реактивных орудий открывали широкие возможности для установки их на самолетах, на шасси автомобилей, на тракторах и танках. А это означало, что появилась реальная возможность делать эти орудия самоходными, обладающими повышенной проходимостью. И, наконец, главное преимущество реактивной артиллерии — возможность создания залпового массированного огня.

7 июня 1939 года на подмосковном полигоне испытывались стрельбой пусковые установки новой конструкции. Они были смонтированы на шасси автомобиля ЗИС-6 иимели шестнадцать рельсообразных направляющих. На них располагались в два ряда 132-миллиметровые реактивные снаряды. Эти образцы пусковых установок были одобрены. Кроме того, было принято решение о разработке снарядов осколочного действия. 132-миллиметровый снаряд переделали в осколочно-фугасный, получивший название М-13. Новый образец по сравнению со 132-миллиметровым авиационным снарядом претерпел весьма значительные конструктивные изменения. Так, вес его взрывчатого вещества увеличился с 1,9 до 4,9 килограмма, дальность полета — до 8470

метров.

25 декабря 1939 года 132-миллиметровый осколочно-фугасный реактивный снаряд и пусковую установку к нему (наша знаменитая БМ-13) одобрило Главное артиллерийское управление. Было дано задание изготовить партию установок и снарядов. Одиннадцать таких установок были сделаны к началу 1941 года.

В июне 1941 года состоялся смотр вооружения. На смотре присутствовали Народный комиссар обороны Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко, Народный комиссар вооружения Д. Ф. Устинов, Народный комиссар боеприпасов Б. Л. Ванников, начальник Генерального штаба Г. К. Жуков, начальник Главного артиллерийского управления Н. Д. Яковлев и другие. Среди образцов нового вооружения были и четыре установки БМ-13. Из каждой из них на показе произвели по одному залпу. БМ-13 получила высокую оценку.

21 июня 1941 года было принято решение о развертывании серийного производства реактивных снарядов М-13 и боевых установок к ним.

Серийное производство боевых машин БМ-13 было организовано на московском заводе «Компрессор». Снаряды М-13 делались в Москве и других городах. Все проблемы организации производства, комплектования приходилось решать в тяжелое время первых месяцев войны.

В это же время велись работы по созданию установок для стрельбы снарядами 82-миллиметрового калибра. Запас этих авиационных осколочных снарядов был создан в стране еще до начала войны. Кроме того, технология производства их была разработана, и наладить серийный выпуск можно было достаточно быстро.

В августе 1941 года группа конструкторов создала тридцатишестизарядную боевую установку БМ-8 на шасси автомобиля ЗИС-6, а в сентябре — БМ-8 с двадцатью четырьмя направляющими на шасси легкого танка Т-40. Они были сразу же запущены в производство. Потом пусковые установки для снарядов М-8 с двадцатью четырьмя направляющими монтировались на шасси танка Т-60.

28 июня 194.1 года началось формирование первой батареи полевой реактивной артиллерии. Ее создали за четверо суток в 1-м Московском Краснознаменном артиллерийском училище имени Л. Б. Красина. Это была теперь всемирно известная батарея капитана И. А. Флерова, которая произвела первый залп по скоплению фашистских войск на станции Орша.

Оглядываясь назад, к первым залпам «катюш», невольно

поражаешься гигантскому скачку в развитии ракетной техники, поражаешься гению советского народа — рабочих, конструкторов, ученых. Это их талантом, знаниями, волей и энергией создан могучий щит нашей Родины — ракетные войска. Но для этого потребовались десятилетия. А пока стояла тревожная осень сорок первого года, и наши войска вели упорные оборонительные бои...

Глава пятая.
Уроки Богдановского выступа

17 октября 1941 года решением Ставки Верховного Главнокомандования был начат отход войск Юго-Западного фронта. В то время враг был на подступах к Москве, рвался к Кавказу. Растянутый фронт наш с трудом сдерживал натиск гитлеровских полчищ. Организованный отход позволял улучшить оперативно-стратегическое положение войск. Юго-Западный фронт восстанавливал локтевую связь с соседними фронтами и, главное, получал возможность вывести в резерв большое количество сил, помочь войскам, сражавшимся под Москвой.

18 октября мы отступали через Харьков. У нас оставалось снарядов ровно на один-единственный залп. Это был неприкосновенный запас, который мы могли использовать лишь в самый критический момент для самообороны. Перед нами была поставлена задача во что бы то ни стало сохранить секретную технику, получить снаряды.

Нет слов, чтобы выразить боль и горечь, которую мы переживали, оставляя врагу Харьков! Из города спешно эвакуировались учреждения, вывозилось оборудование заводов, фабрик. На восток непрерывным потоком двигались машины, обозы, шли беженцы с тележками, узелками, детскими колясками. Мы не могли смотреть в глаза остающимся в городе и покидающим Харьков. В их скорбных взглядах мы читали горькие упреки: «Почему вы, бойцы и командиры, молодые, сильные, почему отступаете вместе с нами, стариками, женщинами, детьми?» Что мы могли ответить им?..

Успокаивало немного лишь то, что это отступление было совсем не похоже на отступление первых дней войны.Теперь уже фашистам не удавалось окружать наши войска, брать их в клещи. Война кое-чему нас научила. Мастерство командного состава значительно выросло.

Полк наш должен был сосредоточиться в Малиновке, что в трех километрах южнее Чугуева. Второй дивизион продолжал действовать на участке 212-й стрелковой дивизии, и ему были отправлены все оставшиеся снаряды.

В Харькове Радченко побывал в горкоме партии. Он решил организовать выпуск многотиражки. В горкоме на его просьбу откликнулись охотно, и комиссар получил портативное типографское оборудование, запас шрифтов и бумаги. Посетил он и горком комсомола, где ему порекомендовали взять в полк

четырех девушек-комсомолок. Это были активистки, и в горкоме беспокоились за их судьбу (там было уже известно, что наши войска со дня на день оставят город). Девушкам дали прекрасные рекомендации. Если они не подойдут для санитарной части полка, сказали в горкоме, их нужно пристроить в какой-нибудь медсанбат.

Мы получили приказ начальника оперативной группы отходить на Старобельск. И вот перед самым началом марша прибыл Радченко с комплектом полиграфического оборудования и четырьмя девушками: Галей Гаркушей, Галей Савченко, Эльвирой Плесум и Симой Куценко.

Время было трудное, и обоими «приобретениями» комиссара, откровенно говоря, я остался не очень доволен. Я сказал об этом Радченко. На это комиссар ответил:

— Поживем — увидим! Думаю, что со временем мнение твое изменится. Девчата боевые, а для типографии у меня есть люди. Есть специалисты-наборщики и опытный редактор. Многотиражка же для дивизионов, действующих отдельно, просто необходима.

— Ну хорошо, — согласился я, — поживем — увидим. Однако не забывай, что у тебя не только санчасть и типография.

— Это я всегда помню, — парировал Радченко.

Полк наш продвигался по совершенно раскисшим дорогам. Местами машины и боевые установки без помощи людей просто не могли двигаться. Мы шли дивизионными колоннами днем и ночью. На трудных участках тросами сцепляли несколько машин. Все гвардейцы колонны, кроме шоферов, собирались у первой машины, тянули ее веревками, толкали вперед. Головная машина этого «поезда»с помощью людей проминала колею в густой грязи и тащила за собой остальные. Как ни странно, такой способ оказался самым эффективным. Он помогал преодолевать, казалось бы, совсем непроходимые участки.

За Чугуевом к нам подошел человек в кожаной куртке и попросил взять восемь городских автобусов, до отказа набитых ящиками и кожаными мешками. В них были деньги и драгоценности Харьковского отделения Государственного банка. Почти все машины оказались неисправными. Шоферов в колонне почему-то не было. Пришлось выделить гвардейцев, умеющих мало-мальски водить машину, и прицепить автобусы к боевым установкам. Надо ли говорить, что это еще больше затруднило наше движение.

Как только появлялся просвет в облаках, в воздухе показывались фашистские самолеты. Они бомбили и обстреливали из пулеметов наши отступающие войска и беженцев.

На переправах, на трудных участках дороги, где образовывались пробки, колонны полка прикрывал зенитный дивизион. Он состоял из трех батарей 37-миллиметровых зенитных пушек и батареи счетверенных пулеметных установок на машинах. Командир дивизиона капитан М. А. Синяговский умело выбирал огневые позиции для своих батарей, которые ему каким-то чудом удавалось перемещать от рубежа к рубежу.

Люди изнемогали от усталости, валились с ног. «Вот так марш, — угрюмо шутили гвардейцы, — седьмые сутки — восьмой километр...» А тут еще налеты вражеской авиации. По пикирующим и летающим на бреющем полете самолетам противника мы открывали еще и групповой огонь из винтовок и автоматов. Как-то наш зенитный дивизион подбил вражеский самолет. Фашистского летчика, приземлившегося на парашюте недалеко от колонны, мы взяли в плен.

От непрерывной усиленной работы моторов двигатели перегревались, расход горючего был большой. К нашему счастью, на станции Булацеловка оказалась пятидесятитонная цистерна с бензином. Мы заправили все машины и заполнили запасные баки. Это позволило нам добраться до Старобельска.

Через несколько дней в Старобельске вышел первый номер полковой газеты «Гвардеец». Наши ракетчики читалиее с не меньшим интересом, чем любую центральную газету. Впоследствии в «Гвардейце» была напечатана песня о нашей «катюше», написанная самодеятельным поэтом гвардии рядовым Э. К. Талалаевским. Вот ее текст:

Катюша

По-гвардейски весело и дружно
Грянем песню в сотни голосов
О своей прославленной «катюше»,
О бессмертной доблести бойцов.

В бой несется грозная «катюша».
Чтоб скорей на скопище зверей
С беспощадной меткостью обрушить
Залпы наших смелых батарей.

Озверелым фрицам из Берлина
С поля боя не уйти живьем,
Если наша грозная машина
Прогремит и сталью и огнем.

Так затянем весело и дружно,
По-гвардейски расправляя грудь,
Нашу песню о родной «катюше»,
Что на Запад пробивает путь!

С 2 по 18 ноября 1941 года наш полк своими силами проводил в Старобельске ремонт боевых и транспортных машин, накапливал боеприпасы, которые специальными эшелонами доставлялись из Москвы. Здесь мы отремонтировали и часть автобусов с ценностями Харьковского отделения Госбанка. Когда немного подморозило и окрепли дороги, «денежную» колонну мы отправили в Ворошиловград, где все ценности сдали в Государственный банк. За это полк впоследствии получил благодарность от Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина и двенадцать боевых машин с именными табличками на кабинах. Эти машины прибыли в полк под Сталинградом. Вручили их самым отважным расчетам.

В Старобельске свободные от ремонта гвардейцы усиленно занимались боевой подготовкой. Коммунистов и комсомольцев в полку было около шестидесяти процентов. Это позволило создать в дивизионах первичные, а в батареях и подразделениях обслуживания низовые партийные и комсомольские организации. Комиссарам дивизионов и батарей представилась возможность более тщательно изучить личный состав, определить формы и методы партийно-политической работы. В подразделениях проводились собрания, заседания партийных и комсомольскихбюро, беседы, политинформации, выпускались боевые листки. Большим успехом у всего личного состава полка пользовалась полковая многотиражка «Гвардеец». Младший политрук Туманов оказался опытным и инициативным редактором, а гвардеец Щербак прекрасным наборщиком. Многотиражка освещала боевую жизнь подразделений полка, партийно-политическую работу, рассказывала об отличившихся в боях.

Творчески и инициативно начала работать партийная комиссия, созданная 19 сентября под Харьковом. Секретарем ее был И. И. Шеститко, а членами — В. П. Коровников и А. К. Мордовский. С первых дней комиссия избрала правильный метод работы. Прием в партию и комсомол, рассмотрение каких-либо дел проводились непосредственно в подразделениях — в их боевых порядках. Этим партийная комиссия оказывала

неоценимую помощь командованию в поднятии дисциплины и боеспособности.

В честь 24 годовщины Великой Октябрьской социалистической революции мы с комиссаром решили провести общее собрание личного состава полка, а также собрание командного состава. Нам удалось на время заполучить городской клуб. Но так как всему полку там разместиться было негде, на собрании присутствовали представители от каждого дивизиона и службы полка. Перед началом собрания все мы, стоя, в скорбном молчании почтили память тех, кто погиб в первых боях — лейтенанта Спирина Николая Николаевича, старшего сержанта Агафонова Сергея Ивановича, рядового Быкова Романа Михайловича, сержанта Чувалова Виктора Ивановича, разведчика Кобзарева Николая Сергеевича, лейтенанта Романова Василия Андреевича, рядового Квашнева Ивана Ивановича, командира орудия Стрелова Федора Платоновича, рядового Степаненко Ивана Васильевича, наводчика Морозова Ивана Ивановича.

На собрании мы подвели итоги боев, проанализировали ошибки, отметили отличившихся: лейтенантов И. Ф. Маркова, И. Ф. Соколенко, В. С. Архипова, Н. И. Королева, капитана Р. Р. Василевича, младшего политрука А. Л. Жабко, заместителя политрука Радаева и многих других. Присутствующим был зачитан приказ генерала Крюченкина, в котором всем воинам полка объявлялась благодарность.

После собрания состоялся концерт. Ведь художественную самодеятельность дивизионов Радченко начал готовить еще в период формирования. Особенно большим успехом пользовалось выступление Гали Гаркуши — нашего нового санинструктора и автотехника И. К. Шевчука. Украинские песни в их исполнении звучали так дивно, что им могли позавидовать даже артисты-профессионалы.

— Ну, как, командир? «Поживем — увидим»? — с иронией напомнил мне Радченко о нашем разговоре в Малиновке.

Через несколько дней в том же клубе состоялось первое собрание командного состава полка. На нем присутствовали начальник оперативной группы А. Д. Зубанов, начальник штаба группы В. И. Вознюк, члены Военного совета Ф. Н. Жуков и А. К. Киселев. Были подведены итоги и поставлены задачи. В этот вечер офицеры полка ближе познакомились друг с другом.

Наступили ноябрьские холода. Фашистское командование стремилось во что бы то ни стало до наступления зимы овладеть городами Донбасса — Лисичанском, Верхнее, Переездное, Боровское, которые располагались на высоком западном берегу Северского Донца. Это позволило бы противнику занять

господствующие высоты, а главное, разместить свои войска в крупных населенных пунктах. Лисичанск, Верхнее, Переездное и Боровское оборонял кавалерийский корпус генерала А. Ф. Бычковского в составе 26-й, 49-й кавалерийских и 320-й стрелковой дивизий.

Гитлеровцы подтягивали свежие силы и готовили наступление на Лисичанск. Командование Юго-Западного фронта решила, усилить корпус Бычковского оперативной группой ГМЧ фронта полковника Зубанова в составе нашего 4-го полка, вооруженного боевыми машинами БМ-13, и 7-го гвардейского минометного полка, вооруженного машинами БМ-8.

18 ноября было получено распоряжение Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко о выступлении группы Зубанова в район Боровское, Верхнее для поддержки корпуса Бычковского.

Штаб группы и 7-й гвардейский минометный полк выступили в Боровское. Согласно боевому распоряжению командира корпуса 4-й гвардейский минометный полкдолжен был поддерживать 49-ю кавалерийскую дивизию в Лисичанске.

Первый и третий дивизионы нашего полка выступили в Лисичанск. Второй дивизион во главе с командиром капитаном С. И. Семеновым убыл по железной дороге на усиление 1-й гвардейской дивизии генерала И. Н. Руссиянова в район города Ельца.

Мы с комиссаром Радченко следовали в голове колонны первого и третьего дивизионов полка. Ночью в четырех-пяти километрах от Лисичанска нас встретил на легковой машине полковник из штаба корпуса.

— Имею срочное поручение командира корпуса, — сообщил он, — встретить ваш полк и поставить задачу на немедленное открытие огня по противнику, изготовившемуся для наступления на Лисичанск.

Тут же при свете фар он показал нам район сосредоточения гитлеровцев и расположение наших передовых частей.

— Товарищ полковник, — ответил я ему, — мы не можем стрелять, не убедившись лично, где находятся наши войска. Тем более что удар требуется нанести перед самым передним краем нашей обороны.

— Товарищ майор! — В голосе полковника зазвенел металл. — Если мы сейчас не накроем противника, с рассветом он захватит северную окраину Лисичанска. Попробуй его выбить потом из каменных строений. По городу придется вести огонь... В общем, за последствия вы не отвечаете. Я передаю приказ командира корпуса и требую немедленно развернуть полк и произвести залп. Дайте вашу карту.

Он взял карту, аккуратно обвел карандашом район, куда мы должны были дать залп, и здесь же, на карте, расписался. Нам и самим хотелось поскорее ударить по врагу. И потому я с облегчением сказал:

— Ну, хорошо, давайте прикинем, откуда можно дать залп.

— Вот это другой разговор, — улыбнулся полковник.

На своей карте прицельной линейкой я прикинул, что указанный район сосредоточения противника мы сможем достать только из самого Лисичанска, точнее, с городской площади. А для этого надо было переправиться на западный берег Северского Донца.

Свои соображения я доложил полковнику.

— Откуда угодно стреляйте, — ответил он, — только давайте быстрее огонь.

Полк на повышенной скорости двинулся в Лисичанск. Не сбавляя хода, мы переправились через мост, поднялись в гору и выехали на городскую площадь. Машины взводов управления вытянулись вдоль улиц, идущих на северо-западную окраину. Город еще спал. Я приказал командирам дивизионов выехать к железной дороге и установить связь с нашими передовыми частями. Одновременно устанавливалась связь между огневыми позициями и наблюдательными пунктами.

Боевые машины въезжали одна за другой на площадь и развертывались на сокращенных интервалах, как на параде. Вслед за ними на площадь въехали грузовые машины со снарядами. Пока установки наводили по заданному азимуту и заряжали, мы с помощником начальника штаба старшим лейтенантом Соломиным прямо на тротуаре, при свете фонарика готовили исходные данные для стрельбы. После взаимной проверки они были переданы батареям. А еще через пять-шесть минут дивизионы были готовы к стрельбе. Получив доклады о готовности, я подал ставшую для нас уже традиционной команду:

— По врагам нашей Родины... Огонь!

Полковник из штаба корпуса во время залпа стоял рядом со мной. Когда вылетел последний снаряд и все погрузилось во мрак, он восхищенно сказал:

— Вот это да! Вот это залп...

Гвардейцам было приказано снова зарядить боевые машины и ждать команды. Вместе с полковником, комиссаром Радченко и старшим лейтенантом Соломиным я выехал на северо-западную окраину города к железнодорожному переезду.

Когда мы подъехали к железнодорожной насыпи, уже совсем рассвело. По лощинам расстилался дым, были видны очаги пожаров. Повсюду, куда ни посмотришь, метались черные

силуэты. Это удирали гитлеровцы. Радостно было смотреть на такую картину и в то же время досадно, что эффект внезапного огневого налета наши войска не использовали. Я спросил полковника, почему мы не преследуем бегущих фашистов. Он махнул рукой и сказал, что никто не ожидал такого результата. Потом тепло нас поблагодарил и поспешно уехал на командный пункт49-й кавалерийской дивизии. Уже отъезжая, он приоткрыл дверцу машины и крикнул:

— Будем исправлять ошибку!

Наши передовые эскадроны действительно через некоторое время перешли в наступление, но было уже поздно...

Гитлеровцы, не получив повторного удара вдогонку и не видя преследования с нашей стороны, через некоторое время стали приходить в себя. Отдельные фашистские подразделения, отходившие оврагами через село Богдановца, расположенное в пяти километрах от переднего края, укрылись в прочных каменных зданиях здешнего совхоза. Справа и слева от Богдановки немцы тоже зацепились за населенные пункты. Группа противника, засевшая в зданиях совхоза, образовала как бы форпост, прикрывающий основные силы. Конечно, если бы мы дали по отступающим гитлеровцам еще хотя бы несколько батарейных залпов, последующие боевые действия на этом участке фронта, возможно, развертывались бы иначе. Но расходовать снарядов больше, чем было указано командованием оперативной группы, мы не имели права. Бои за Богдановку приняли затяжной и тяжелый характер.

Кавалерийский корпус генерала Бычковского должен был сковать как можно больше сил врага, не рассчитывая на артиллерийскую и танковую поддержку. Основным средством усиления корпуса были два гвардейских минометных полка с ограниченным количеством боеприпасов.

В боях под Лисичанском выявились многие положительные качества нашего оружия и, увы, его недостатки.

Мы еще раз убедились в большой маневренности и силе нового оружия, его способности наносить по врагу внезапные сокрушительные массированные удары.

В то же время, когда пришлось выбивать противника из прочных зданий Богдановки и подавлять хорошо укрытые огневые точки, из-за большого рассеивания снарядов наших батарей мы не могли эффективно решать эти задачи. Здесь же мы обнаружили и еще один серьезный недостаток снарядов М-13. При стрельбе по каменным строениям взрыватели устанавливались на фугасное действие. И вот тут-то оказалось, что разрываются далеко не все снаряды. Об этом мы немедленно сообщили в Москву.

Со скоплениями живой силы врага на открытой местности мы справлялись довольно легко. Но, столкнувшись с хорошо окопавшимся и засевшим в прочных каменных зданиях противником, мы не смогли обеспечить эффективное решение огневых задач. Между тем ликвидация богдановского выступа и продвижение вперед были немыслимы без активной огневой поддержки. Без такой поддержки кавалерийские полки корпуса и полки 320-й стрелковой дивизии несли большие потери.

Во время боев под Лисичанском наша санитарная часть оказала неоценимую помощь передовым батальонам и эскадронам в эвакуации раненых с поля боя, в оказании им медицинской помощи. Тут проявили себя с самой лучшей стороны девушки-комсомолки, присоединившиеся к нам в Харькове.

Недалеко от нашего наблюдательного пункта в низине находилось несколько сараев. В них-то Холманских и оборудовал передовой медицинский пункт. Из пустых железных бочек были изготовлены печки-времянки, здесь же имелось все необходимое для оказания первой помощи раненым, доставленным с поля боя нашими хрупкими на вид девушками. Наблюдая за работой санитарок, мы удивлялись их мужеству, силе, энергии. Они выдерживали колоссальные нагрузки наравне с мужчинами.

Наша милая певунья Галя Гаркуша, ныне Галина Ильинична Дергачева — режиссер Харьковской телестудии, так вспоминает об этих боях:

«День 22 ноября 1941 года запомнился мне на всю жизнь. В этот день мне исполнилось двадцать лет, и он же стал днем моего боевого крещения. Этот день перемешался с ночью. Раненых пехотинцев и кавалеристов было столько, что я уже не плакала, перевязывая раны. Руки, онемевшие от усталости и холода, работали, казалось, автоматически. Но вот глаза в минуту передышки было страшно закрыть. Сразу же возникала одна и та же жуткая картина: живая, сверкающая, красная пелена. Больше ничего. Просто все красное. Кровь... Кровь...

Но было и другое чувство. Это чувство дикой радости, восторга, гордости, силы, которое вызвал впервые увиденный и услышанный мною залп «катюш». Время-то было какое! Отступали... Но молва о «чудо-девушке катюше» вихрем пронеслась по фронтам. Мало кто знал, каквыглядит она, что за «песни» поет. Однако стоило только кому-то сказать, что на этом участке фронта появилась «катюша», откуда только силы брались!»

Когда я однажды высказал нашему врачу восхищение мужеством и обученностью девушек-санитарок, Холманских, как

всегда, налегая на «о», ответил мне:

— Товарищ командир, мы ведь в Старобельске время зря не теряли. С утра до вечера занимались с ними и со всеми санитарами. Весь курс первой помощи успели пройти. Обучили их и перевязывать и выносить раненых с поля боя. А мужество?.. Оно у них особенное. Если бы вы слышали, как по ночам они не то что плакали, а рыдали. Бывало, говорю им: «Ну что ж, поплачьте, девушки, легче на душе станет. Но чтобы потом, особенно в бою, никто не видел ваших слез!»

22 ноября 1941 года в нашем расположении мы задержали двух вражеских лазутчиков. Они были доставлены в Лисичанск. Один из них категорически отказывался понимать русский язык и бормотал, что он румын, бежавший от немцев.

В академии имени М. В. Фрунзе я изучал румынский язык и стал задавать диверсанту вопросы по-румынски. С первых же его слов стало ясно, что он такой же румын, как я негр.

Видя свой провал и надеясь сохранить жизнь, диверсант признался, что он в прошлом тамбовский кулак и был заброшен немцами с заданием сигнализировать самолетам противника о местах нахождения наших боевых установок, попытаться подорвать склад с боеприпасами, достать техническую документацию, а если сумеет, похитить реактивный снаряд. Он сообщил также, что после первого залпа «катюш» фашисты пытались установить места наших выжидательных позиций или склада с боеприпасами, а сейчас любой ценой стараются получить сведения о новом оружии. Для этого к нам в тыл они забросили четырех диверсантов. Двое остальных тоже вскоре были пойманы и понесли заслуженное наказание.

Наше оружие было страшно для врага. О силе его воздействия можно судить и по тем тревожным сигналам, которые фашистское командование рассылало своим войскам. Так, в приказе немецкого командования от 14 августа 1941 года говорилось: «Русские имеют автоматическую многоствольную огнеметную пушку... Выстрелпроизводится электричеством. Во время выстрела образуется дым... При захвате таких пушек немедленно сообщать». А вскоре появилась новая директива, озаглавленная «Русское орудие, метающее ракетообразные снаряды». В ней говорилось, что «войска доносят о применении русскими нового вида оружия, стреляющего реактивными снарядами. Из одной установки в течение 3–5 секунд может быть произведено большое количество выстрелов... О каждом появлении этих орудий надлежит доносить генералу, командующему химическими войсками при верховном командовании в тот же день».

За время боев под Лисичанском, с 19 ноября по 2 декабря, наш полк произвел 116 батарейных залпов. Всего было выпущено 6392 снаряда. Мы принимали все меры, чтобы помочь частям 49-й кавалерийской и 320-й стрелковой дивизий овладеть Богдановкой, Золотаревкой, Малым Рязанцевом и Мессарошем. Но без поддержки ствольной артиллерии крупных калибров, танков и авиации нам не удалось разрушить опорные пункты врага.

И что только мы не придумывали, чтобы помочь 49-й и 320-й дивизиям! Проводили ночные огневые налеты. Выводили на открытые позиции зенитные 37-миллиметровые батареи. Они внезапно появлялись со стороны леса на опушке и открывали беглый огонь по огневым точкам врага. В то же время с закрытых позиций мы давали батарейный залп по расположению минометных батарей противника в районе Богдановки. Цель была одна — уничтожить как можно больше живой силы врага.

За время этих боев мы тщательно изучили расположение огневых точек противника, его повадки и пришли к выводу, что ликвидировать богдановский выступ имеющимися силами и средствами можно только внезапной ночной стремительной атакой. Причем не в лоб, а с фланга.

Наш план сводился к следующему. Из артиллеристов и кавалеристов-добровольцев предполагалось создать четыре ударные группы, вооруженные автоматами, гранатами и ручными пулеметами. Под прикрытием темноты они должны были выдвинуться на исходные позиции для наступления. За ними прокладывалась телефонная связь. В это же время на опушку, куда выводились зенитные орудия, должна была выйти батарея боевых машин для стрельбы прямой наводкой по южной окраине села Богдановка.С этой батареей тоже устанавливалась телефонная связь. Другие батареи дивизиона предполагалось нацелить на центр Богдановки и ее северную окраину, где располагалась пехота противника. Установлены были сигналы осветительными ракетами на вызов и прекращение огня и другая сигнализация.

Наступление должно было начаться в три часа ночи, как только ударные группы займут исходное положение и на их фланги будут выведены счетверенные пулеметные установки на автомашинах. Батарея, поставленная на прямую наводку, откроет методический огонь — начнет выпускать по одному снаряду через равные промежутки времени. Затем последуют залпы других батарей по центру Богдановки и методический фланговый огонь по ее северной окраине. Тем самым предполагалось создать своего рода огневое окаймление ударных групп. Под прикрытием

огня «катюш» и счетверенных пулеметов ударные группы пойдут в атаку: одна — впереди, две — уступом сзади на флангах. Четвертая группа составляла резерв командира штурмового отряда.

Надо сказать, что добровольцев для участия в этой ночной вылазке было более чем достаточно: проклятый богдановский выступ у всех нас, что называется, «сидел в печенках».

В ночь на 2 декабря мы с комиссаром доложили свой план взятия Богдановки А. Д. Зубанову и командованию корпуса. После некоторых уточнений наш план был принят. Нам от души пожелали успеха. Мы тут же выехали в район своего НП для организации и проведения наступления.

Оставалось только действовать. И вдруг по телефону получаем распоряжение: наступление отложить! Командиру и комиссару полка срочно прибыть в штаб оперативной группы, дивизионам дать отбой и сосредоточить их в Лисичанске.

В штабе группы нам сообщили, что на основании боевого распоряжения командования Юго-Западного фронта группа Зубанова должна срочно погрузиться в эшелоны для переброски на станцию Касторная с задачей поддерживать 5-й кавалерийский корпус генерала В. Д. Крюченкина, входивший в группу генерала Ф. Я. Костенко.

Глава шестая.
По тылам врага

В начале декабря 1941 года фашистское командование, чтобы обеспечить продвижение танков Гудериана к Москве с юга, предприняло наступление на елецком направлении. Враг захватил Елец и продолжал наступать на Задонск. Руководствуясь общим планом боевых действий фронтов, главнокомандующий Юго-Западным направлением и командующий войсками Юго-Западного фронта Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко стремился к этому времени организовать контрнаступление Юго-Западного фронта во фланг и тыл елецкой группировки гитлеровцев. Для этого и была создана группа генерала Ф. Я. Костенко. В нее входили 5-й кавалерийский корпус, которым командовал генерал В. Д. Крюченкин, 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерала И. Н. Руссиянова, 34-я мотострелковая и 129-я танковая бригады. На усиление этих войск и перебрасывалась из района Лисичанска в Касторную оперативная группа гвардейских минометных частей полковника А. Д. Зубанова.

2 декабря наш полк погрузился в железнодорожные эшелоны, а вечером 4 декабря уже прибыл в Касторную. Здесь мы поступили в распоряжение командира 5-го кавалерийского корпуса.

Мы снова увиделись со старыми боевыми друзьями. Генерал Крюченкин, теперь уже командир корпуса, встретил нас, как родных.

— Гвардейцы, дорогие мои! — Он взволнованно мерил шагами комнату. — Большие дела предстоят...

Разгром елецкой группировки фашистов планировалось осуществить силами подвижной группы генерала Костенко во взаимодействии с войсками 13-й армии.

5 декабря 13-я армия перешла в наступление, а подвижная группа генерала Костенко в ночь на 7 декабря заняла исходные позиции. Под покровом ночи разведка боем прошла успешно, и части 5-го кавалерийского корпуса и 1-й гвардейской стрелковой дивизии перешли в наступление. Они должны были выйти в тыл елецкой группировки врага. С 8 по 13 декабря кавалерийские части корпуса прошли с боями по тылам фашистских войск 120 километров. В этом рейде 1-й дивизион нашего полка поддерживал 14-ю кавалерийскую дивизию, а 3-й дивизион — 32-ю. 2-й дивизион действовал с 1-й гвардейской стрелковой дивизией генерала Руссиянова. 3-ю кавалерийскую дивизию

поддерживал 7-й гвардейский минометный полк.

Штаб опергруппы гвардейских минометных частей полковника Зубанова находился при штабе генерала Крюченкина.

13 декабря 14-я и 32-я кавалерийские дивизии вышли в тыл основной группировки противника и должны были оседлать железнодорожную линию и грунтовую дорогу, которые шли из Ельца через Россошное, Верхнюю Любовшу и далее в глубокий тыл врага. Перед дивизиями стояла задача не дать основной группировке противника отойти на запад.

Ночь на 14 декабря для нашего полка, и особенно для его 1-го дивизиона, была самой тяжелой. 13 декабря командиры 14-й и 32-й кавалерийских дивизий во исполнение приказа командира корпуса определили главную задачу своих войск: перерезать железную дорогу и овладеть крупными населенными пунктами Орево и Орево-Петровское. При этом не придавалось должного значения грунтовому большаку, что шел из Россошного в Верхнюю Любовшу. Эта дорога не была перекрыта. К вечеру 13 декабря полки 32-й дивизии вышли на линию железной дороги северо-западнее Россошного и были нацелены на Орево. К шести часам вечера они подошли к его южной окраине. Полки 14-й дивизии заняли Воронцовку и Елагино.

В это время части противника под напором дивизии Руссиянова стали отходить в сторону Россошного и КраснойЗари. Из Россошного гитлеровцы колоннами двигались на запад вдоль железнодорожной линии и по грунтовой дороге, идущей на Верхнюю Любовшу. Полки 32-й кавалерийской дивизии и дивизион нашего полка, действовавшие под Орево, оказались отрезанными от штаба корпуса и своих тылов.

Из-за крутых оврагов и гололеда машины 1-го дивизиона, автопарка, санитарной части и штаба нашего полка не могли следовать по маршруту 14-й кавалерийской дивизии. И тогда было принято решение — в ночь на 14 декабря 1-му дивизиону занять боевой порядок на большаке, в пяти километрах юго-восточнее Верхней Любовши. Заряженные боевые установки были поставлены в лощине и развернуты вдоль дороги в сторону Россошного. Транспортные машины артиллерийского парка, штаба и санитарной части полка расположились недалеко от огневой позиции. По дороге в направлении Россошного было выслано усиленное боевое охранение во главе с начальником химслужбы полка старшим лейтенантом Н. И. Королевым, смелым и энергичным офицером. Обстановка была неясной. Часов в одиннадцать вечера я проверил боевое охранение и выдвинул его значительно дальше вперед по дороге, которую должна была прикрывать 32-я кавалерийская дивизия.

После одного весьма горького урока я всегда максимум внимания уделял на фронте разведке и боевому охранению, проверял их действия, как только представлялась возможность.

...Это было в ночь на 26 июня 1941 года недалеко от станции Говья, что в Западной Белоруссии. 2-й дивизион 170-го артиллерийского полка, которым я тогда командовал, около часу ночи проследовал по шоссе через станцию Говья. Все конные были спешены, разведчики и ездовые артиллерийских упряжек вели лошадей в поводу. Дивизион подошел к развилке дорог. Шоссе уходило вправо, а лесная дорога поворачивала налево. Нашей колонне предстояло следовать по шоссе. Но тут из лесу к развилке подошли танки с потушенными фарами. Метрах в восьмидесяти от нашей колонны они остановились. Командир дивизиона капитан Шекальчик и офицеры, следовавшие в голове колонны, были уверены, что это наши танки. Ведь впереди прошла разведка. Она бы предупредила о танках противника. Шекальчик вышел вперед иподнял руку, давая знак танкистам, чтобы они пропустили дивизион. Головной танк включил фары, осветил колонну, затем закрыл люк и рванулся вперед, открыв ураганный пулеметный огонь. Он врезался в колонну, стал давить лошадей и двуколки взвода управления. Другие танки тоже открыли огонь.

Капитан Шекальчик был убит первыми же выстрелами. Остальные бойцы и офицеры залегли в кювете. И тут командир огневого взвода лейтенант Петров подал команду расчету первого орудия:

— К бою!

Лошади орудийной упряжки были повернуты через кювет в сторону. Расчет снял с передков гаубицу, развернул ее на 180 градусов и выстрелил в упор по подходившему к орудию танку. Он был не только подбит, но и завалился в кювет. Остальные машины врага не приняли боя и скрылись в темноте.

Дивизион спасли лейтенант Петров и боевой расчет первого орудия 5-й батареи, а поставил его под удар начальник разведки. Двигаясь впереди колонны, он не проверил дорогу, идущую в лес, не выставил на ней наблюдателей.

Этот горький случай вспомнился мне и теперь.

Около часу ночи я вернулся в штабную машину, где были комиссар полка Радченко, капитан Соломин (он теперь командовал 1-м дивизионом вместо Добросердова, отозванного в управление кадров фронта), представитель полевого управления фронта майор Кабанов, врач Холманских и мой новый адъютант лейтенант Володя Читалин, прибывший вместо Брызгалова, назначенного командиром батареи.

В машине топилась маленькая железная печка. Все мирно дремали. Я сел поудобнее и тоже прикорнул. Разбудила нас беспорядочная стрельба из автоматов и пулеметов. Мы выскочили из машины и увидели, что на нас развернутым строем шли немецкие автоматчики. Их цепи были отчетливо видны в холодном голубом свете осветительных ракет, которые фашисты пускали одну за другой. Боевые установки находились в лощине, в недосягаемой для автоматного огня зоне. Мы с комиссаром бросились к ним. Я крикнул ему на ходу:

— Как только заведут моторы, надо рвануть навстречу,смять немецкие цепи и проскочить к штабу 14-й кавалерийской дивизии.

Штаб дивизии находился в деревне Воронцовка, в трех километрах севернее нас.

— Рискованно, командир, — ответил Радченко. — Можем напороться на главные силы. И потом, неясно, в Воронцовке ли сейчас штаб. Надо отходить к Верхней Любовше. Оттуда дадим залп!

Предложение комиссара было разумным и, пожалуй, единственно верным. Подбежав к боевым машинам, я скомандовал командирам батарей отойти на три с половиной километра в сторону Верхней Любовши, развернуть установки и дать залп по атакующим. Пока мы с Соломиным отдавали эти распоряжения, Радченко, как мы и условились, приказал командиру первой установки младшему сержанту Ф. А. Швецову выехать из лощины, развернуть установку и на минимальном прицеле произвести залп.

Огонь боевой машины Швецова был неожиданным для фашистов. Он заставил их отступить. Однако при развертывании установки пулеметной очередью был убит водитель Д. И. Осетров и смертельно ранен младший сержант Ф. А. Швецов. Истекая кровью, он успел выпустить четырнадцать снарядов.

Когда передовой отряд фашистов, испугавшись нашего залпа, отошел и несколько стихла стрельба, я подбежал к телефонному аппарату и связался со штабом 14-й кавалерийской дивизии.

Командир дивизии полковник Белогорский подойти к телефону не смог, трубку взял начальник штаба — старый верный друг майор Шмуйло.

— Докладываю: нас атаковали фашисты! Дорога на Россошное совсем открыта! Передовой отряд противника сбил наше охранение. Атаку отбили, но не исключена новая. Прошу помощи!

— Срочно высылаю эскадрон! — ответил Шмуйло.

Разговор был прерван грохотом залпа нашей отошедшей

батареи. Снаряды легли в полукилометре от нас. Именно там, куда отступили фашисты.

Командиру 1-го дивизиона В. М. Соломину и адъютанту В. И. Читалину было поручено силами взвода управления и взвода разведки полка организовать оборону оставшихся подбитых машин, установить связь с майоромШмуйло и вести наблюдение за противником. Начальнику связи полка старшему лейтенанту Н. Л. Романову я приказал срочно протянуть линию связи от Соломина к огневой позиции. После этого мы с комиссаром выехали в район огневых позиций, откуда наша батарея произвела залп. Установки дивизиона там были уже снова заряжены и развернуты в сторону противника.

Как только появилась связь с Соломиным, мы услышали его встревоженный голос:

— Немцы снова перешли в наступление! Мы прикрываемся машинами и пока сдерживаем их. Подбитая установка и несколько машин со снарядами находятся между нами и фашистами. Срочно дайте по нам залп!

Дать залп — значит погубить своих. Но даже такая жертва могла оказаться напрасной. Не было гарантии, что мы сможем вырвать у противника свои снаряды и установку. Требовалась атака. Мы быстро собрали всех гвардейцев, вооруженных автоматами, посадили их на машины. Взяли с собой счетверенные зенитные пулеметные установки, смонтированные на полуторках. Я передал по телефону Соломину:

— Держись! Идем на выручку.

Через несколько минут наш отряд с потушенными фарами подъехал к району, где сражались разведчики и связисты во главе с Соломиным и Читалиным. За 300–400 метров мы спешились и развернулись в цепь. На флангах поставили пулеметные установки и транспортные машины. Замысел атаки был таков: все машины включают фары и движутся вперед, пулеметные установки на ходу открывают огонь, гвардейцы идут в атаку, короткими очередями бьют по противнику, освещенному фарами.

Если до этого темная ночь была нам помехой, то теперь она стала нашим союзником. Внезапно включенные фары более десятка машин, ураганный огонь счетверенных пулеметных установок на флангах и громкое «ура» сделали свое дело — обратили фашистов в бегство.

В этом бою особенно храбро сражался старший лейтенант Н. И. Королев. В рукопашной схватке он уничтожил пять фашистов. Своей отвагой лейтенант воодушевлял гвардейцев, увлекал их в стремительную атаку. Будучи раненным в руку, Королев до конца боя оставался встрою. Отважный офицер потом был выдвинут на

должность начальника разведки полка. В 1943 году, уже командуя дивизионом, он пал смертью храбрых.

В этом бою мы не только отбили свои машины, но и захватили трофеи — четыре пулемета, десять автоматов, пять мотоциклов и двадцать велосипедов. Но не радовали нас эти трофеи. Мы потеряли убитыми двенадцать человек, среди них представителя полевого управления фронта майора Кабанова и санитарку Эльвиру Плесум.

Подбитые штабные машины и машины со снарядами мы взяли на буксир и отвели в район огневых позиций. Боевая установка Швецова, погибшего в этом бою, получила серьезное повреждение, и отбуксировать ее не представлялось возможным. На поле боя остались и две поврежденные машины со снарядами.

Разведчики и связисты заняли оборону, а боевые расчеты отправились обратно на огневые позиции. Уже когда стих бой, к нам прибыл эскадрон от майора Шмуйло в составе пятнадцати бойцов. Связь со штабом дивизии была восстановлена, и я сообщил майору Шмуйло о ночных событиях. Он обещал с рассветом выслать усиление.

Мы с комиссаром снова выехали к огневым позициям. У подбитых машин и боевой установки, которые не удалось отбуксировать, с группой разведчиков остались капитан Соломин и лейтенант Читалин. Это место служило и наблюдательным пунктом. Отсюда хорошо просматривалась дорога, идущая в сторону противника.

Уже начало светать, когда мы подъехали к боевым машинам. Через несколько минут меня вызвал к телефону Соломин:

— Товарищ командир! Наблюдаю большую колонну фашистов, не менее двух батальонов. Идет из Россошного и спускается в долину реки, что в трех километрах. Головы колонны не видно. Прошу дать залп. Центр залпа — мост.

— Продолжайте наблюдение, — ответил я Соломину. — Будете корректировать огонь. Доложите командиру дивизии или майору Шмуйло о колонне.

Условия стрельбы были невыгодные. Расстояние — почти предельное. Принимаем решение вначале вести огонь отдельными установками, чтобы экономить снаряды.

Проверив исходные данные, даем залп первой установкой. Соломин вносит коррективы. Даем повторный залп. Соломин передает:

— Хорошо! Огонь!

Третий залп.

— Убавьте прицел на километр, — просит Соломин. Даем залп установкой с уменьшенным прицелом. Слышу доклад

Соломина:

— Голова колонны вышла из низины, быстро приближается к нам. Уменьшить прицел. Огонь! — В голосе Соломина чувствуется волнение. — Широким фронтом идут на нас! Давайте огонь!

— Соломин! — кричу я в трубку. — Переключите меня на Шмуйло!

На том конце провода послышался приглушенный голос начальника штаба дивизии.

— Снарядов мало, — докладываю ему, — вынуждены отходить! Прошу атаковать колонну во фланг.

— Будем готовить атаку. Держитесь, гвардейцы! — ответил Шмуйло.

А Соломин все требовал огня и просил уменьшить прицел.

— Володя! Снаряды на исходе. Подорвите установку! Отходите по линии связи и по ходу включайтесь в нее.

— Вас понял, товарищ командир!

Чтобы прикрыть Соломина и дать ему возможность подорвать боевую машину, я подал команду вести огонь по мере готовности. После этого сам поспешил ко второй батарее. Бежал сзади одной установки, и в это время она дала залп. Реактивной струей меня, как щепку, бросило оземь. Падая, инстинктивно рукавами полушубка закрыл лицо. По гололеду меня отнесло метров на пятнадцать. Поднятый воротник полушубка и ушанка защитили лицо от огня. Весь в пыли и копоти я поднялся с земли. Ко мне подбежал Радченко:

— Глаза целы?

— Все в порядке, — ответил я.

— А Соломин, наверное, погиб... Передал, что их обошли... Просил дать по нему залп. Доложил, что кавалерийская атака захлебнулась. На этом связь оборвалась...

Что же произошло с кавалерийской атакой?

К рассвету майору Шмуйло удалось собрать около полка кавалеристов. В развернутом боевом порядке эскадроны из балок выскочили на равнину. Открытым полем с расстояния около двух километров они пошли в атаку. У фашистов оказалось достаточно времени, чтобы изготовиться к ее отражению. Поэтому, как только наши конники приблизились к колонне на дальность пулеметного огня, гитлеровцы открыли ураганную стрельбу. Продолжать атаку в конном строю было безрассудно. Эскадроны повернули обратно и скрылись в балках.

После неудачной атаки командир 14-й кавалерийской дивизии принял решение на отход. Мы со своим дивизионом и штабом полка остались одни на пути отступающих фашистов,

которых неотступно преследовала 1-я гвардейская стрелковая дивизия.

Снаряды у нас были на исходе. Огонь на ближних дистанциях вести было невозможно: местность ровная и установки под уклон в сторону стрельбы поставить нельзя. Фашистские цепи уже вошли в мертвое пространство, и мы не могли поразить их своим огнем. Приняли решение отходить на Павловку и Кривец. Пока организовали вывод на дорогу боевых и транспортных машин, первая снявшаяся с огневой позиции батарея проскочила поворот на Кривец и пошла дальше через Верхнюю Любовшу на запад, прямо в тыл к фашистам.

Уполномоченному особого отдела Я. Г. Оганезову было приказано любой ценой вернуть батарею. После того как Оганезов уехал, я попросил комиссара Радченко выехать в Верхнюю Любовшу к мосту и обеспечить движение отходящих машин по верному маршруту. Сам же решил оставаться на огневой позиции до тех пор, пока не уйдет последняя машина. Оганезов сумел выполнить поручение: вовремя вернул батарею.

На грузовой машине, оставленной для меня, мы с водителем замыкали колонну. Когда наши машины у моста повернули влево на Кривец, фашисты вышли на холм при въезде в Верхнюю Любовшу. Они открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов. К нашему счастью, дорога на Кривец проходила в низине, и пулеметным огнем простреливались лишь верхние части кабин.

По пути в Кривец, в Павловке, мы встретили командира 14-й кавалерийской дивизии полковника Белогорского и начальника штаба майора Шмуйло.

Увидев нас, Шмуйло на лошади быстро подлетел к нам:

— Ну как, гвардейцы, живы, здоровы? Все машины вывели? Потери большие?

— Сергей Трофимович, сами-то мы живы, здоровы, — ответил я. — А вот многих замечательных гвардейцев потеряли. Одна боевая установка и две машины со снарядами остались на поле боя.

— Очень жаль, — сочувственно сказал Шмуйло. — Но не падайте духом. Машины и боевую установку отобьем! Немцы бегут, их здорово жмут наши с фронта. Штаб корпуса идет в Кривец...

В Кривце мы застали генерала Крюченкина и полковника Зубанова с их штабами и подробно доложили о всех событиях ночи и дня.

— Снарядов нет, — сказал генерал. — Тылы наши отрезаны отступающими фашистами.

В Кривце в это время кроме штабов Крюченкина и Зубанова

были 14-я кавалерийская дивизия и 1-й дивизион нашего полка. У нас оставался только неприкосновенный запас снарядов на один-единственный залп.

Через некоторое время разведка донесла, что в Верхней Любовше сосредоточилось большое количество гитлеровцев. По всем признакам там был организован привал. Мы с Радченко выехали в ближайший хутор. С его окраины хорошо наблюдалась Верхняя Любовша. Она действительно была забита немцами. Видно было много машин, обозы, дымящиеся кухни. По всей вероятности, после ускоренного ночного марша гитлеровцам удалось оторваться от преследовавших их наших войск. Цель — лучше не придумаешь.

Я срочно послал офицера к генералу Крюченкину и полковнику Зубанову с просьбой разрешить залп по Верхней Любовше хотя бы одной батареей. Одновременно приказал готовить дивизион к выходу на огневую позицию. Вернувшийся из штаба корпуса офицер сообщил, что генерал Крюченкин и полковник Зубанов категорически запретили вести огонь и приказали, организовав наблюдение за противником, мне и Радченко прибыть в штаб. Когда мы прибыли к генералу, он объяснил нам:

— Большие силы противника идут двумя колоннами по дорогам справа и слева от нас. Мы вынуждены притаитьсяв балках Кривца, занять круговую оборону. Тылы наши отрезаны, в частях очень мало боеприпасов...

Зубанов добавил, что сейчас мы должны все установки поставить в аппарели, организовать круговую оборону Кривца.

К нашему удивлению, фашисты, двигаясь колоннами по дорогам на расстоянии двух — четырех километров от нашего расположения, разведку не выслали и нас не обнаружили. На вторые сутки была установлена связь с Руссияновым, и мы стали проявлять активность. Нам было разрешено дать несколько залпов одиночными машинами по отходящим колоннам. Третий дивизион нашего полка под командованием капитана П. М. Худяка следовал на Кривец через рубеж, где совсем недавно героически сражался первый дивизион. Здесь, около боевой машины, которую так и не удалось захватить врагу, пали смертью храбрых командир дивизиона В. М. Соломин, адъютант В. И. Читалин, командир батареи М. Б. Левит, командир зенитной батареи И. Д. Аристов, командир зенитной пулеметной установки А. Б. Дакулин и другие.

16 декабря в Кривце мы с почестями похоронили героев. Над могилой павших гвардейцев мы поклялись отомстить фашистам.

— Жизнь наших товарищей дорого обошлась врагу! — сказал

комиссар Радченко. — От залпов наших дивизионов только под Россошным противник потерял сотни солдат и офицеров, более трехсот машин и двухсот повозок. Мы должны еще теснее сплотить свои ряды! Смерть фашистским оккупантам!..

Гремит прощальный салют. Руки гвардейцев сжимают скорбную горсть мерзлой земли...

В этот тяжелый для нас день части 1-й гвардейской стрелковой дивизии выбили противника из Россошного и овладели Верхней Любовшей. Часов в двенадцать к нам в Кривец прибыли тылы полка, ранее отрезанные противником. Нам было доставлено 8 тонн горючего, продовольствие и 770 снарядов М-13.

Наши войска, принимавшие участие в разгроме елецкой группировки врага, выходили на рубеж Нижняя Любовша, Ливны. За десять дней было освобождено свыше четырехсот населенных пунктов, в том числе города Елец и Ефремов. Фашисты потеряли здесь двенадцать тысяч убитыми и ранеными. За эти десять дней наш полк, поддерживаядивизии корпуса, прошел с боями по тылам немецких войск более двухсот километров. Елецкая группировка фашистов была разгромлена.

Подвижной группе генерала Костенко и другим войскам северного крыла командующий Юго-Западным фронтом поставил новую задачу: выйти на рокаду Тула — Орел; 61, 3, 13-й армиям и группе Костенко с утра 18 декабря перейти в общее наступление и завершить разгром 34-го и 35-го армейских корпусов гитлеровцев; к исходу 26 декабря главным силам выйти на рубеж Плавск, Чернь, Новосиль, Колпа, а группе Костенко — в район Мценска; впоследствии выйти на рубеж Белев, Поныри.

С 25 по 31 декабря 1941 года 4-й и 7-й гвардейские минометные полки залпами своих дивизионов и батарей обеспечивали продвижение дивизий 5-го кавалерийского корпуса и 1-й гвардейской стрелковой дивизии.

В дивизиях было мало артиллерии, и непосредственную огневую поддержку пехотных и кавалерийских полков осуществляли гвардейские минометные батареи. Так, только 26 декабря 1-й дивизион нашего полка, поддерживая кавалерийскую дивизию, дал пять батарейных залпов по скоплению противника и его минометным позициям в районе Высокое, Труды-Меряево, Трудки, которые затем и были заняты нашими войсками.

27 декабря при поддержке наших дивизионов 14-я кавалерийская дивизия овладела Усть-Лесками, 31 декабря 1-й и 3-й дивизионы нашего полка произвели пятнадцать батарейных залпов по скоплению пехоты, автомашин и танков противника в районе Березовец, Холопово, Веречка. Были израсходованы

последние 711 снарядов М-13.

Мы не знали, когда и сколько получим снарядов. Поэтому 31 декабря дивизионы М-13 из Усть-Лесков пришлось отправить в Труды-Меряево. Сам я со штабом полка и дивизионом М-8 (7-го полка), которым командовал капитан П. И. Вальченко, остался в Усть-Лесках. Этот дивизион имел еще два залпа. В Усть-Лесках находился и штаб 14-й кавалерийской дивизии.

В эту тревожную новогоднюю ночь я был вызван в штаб дивизии. Начальник штаба майор С. Т. Шмуйло сообщил мне, что противник подтянул большое количество танков, имеет превосходство в силах и, очевидно, с утра перейдет в наступление.

— Рубеж к обороне не подготовлен, — сказал Сергей Трофимович, — противотанковые средства, по существу, отсутствуют, наши кавалерийские полки против танков вести борьбу не могут. Между нами и 1-й гвардейской стрелковой дивизией образовался большой разрыв. Ракетчикам надо быть готовым к отражению атаки противника и к отходу.

Вернувшись в свой штаб, я дал указание командиру дивизиона капитану Вальченко занять огневые позиции и держать дивизион в полной боевой готовности, а самому находиться на наблюдательном пункте.

Отдав необходимые распоряжения штабу, я тоже отправился на наблюдательный пункт. Около двух часов ночи меня снова вызвали в штаб дивизии. Сергей Трофимович сразу подвел меня к карте:

— Ну, дорогой Алексей Иванович, плохой у меня новогодний подарок. Чтобы не поставить нашу дивизию под танковый удар врага, принято решение до рассвета оставить Усть-Лески и оторваться от противника. Уходим оврагами и балками. Дорога для автотранспорта непроходима. Вам надо отходить обратно на Труды-Меряево. Не теряйте времени, действуйте самостоятельно. Оказать вам помощь, к сожалению, не можем.

После этого далеко не радостного сообщения я распорядился по телефону все машины срочно выводить на дорогу и двигаться на Труды-Меряево. Дивизиону Вальченко был дан «отбой».

С рассветом мы подошли к большаку, идущему на Труды-Меряево. В голове колонны шли автомашины штаба полка, затем транспортные машины дивизиона, за ними боевые машины, которые прикрывал взвод управления дивизиона. А к развилке дорог в это время уже подходили фашистские танки. Отрезая нам путь отхода, они открыли огонь из крупнокалиберных пулеметов по головным машинам. Слева из лощины двигались еще около десяти немецких танков. В голове нашей колонны загорелась

машина. Путь отхода был отрезан. Спереди и слева — вражеские танки, справа — глубокий овраг с крутыми склонами. В снегу развернуть машины обратно было невозможно.

Что делать? Дать залп по атакующему противнику мы не могли, несмотря на то что машины были заряжены: вражеские танки и пехота находились уже на расстоянии600–700 метров. Противотанковых средств мы, как и кавалеристы, не имели.

Наши воины с автоматами и гранатами залегли вдоль дороги, заняли оборону. Но что они могли сделать против танков? Комиссар Радченко, чекист капитан Жарновский встревоженно спрашивали:

— Что будем делать, командир?

— Выход один, — ответил я, — выпустить снаряды в сторону противника на минимальном прицеле, боевые машины подорвать, а остальные — поджечь. Затем отходить через овраг на Труды-Меряево.

— Да, иного выхода нет, — подтвердил Радченко.

— В таком случае держите с гвардейцами оборону, не подпускайте вражескую пехоту, а я побегу к боевым машинам...

Когда я подал команду произвести залп на минимальном прицеле, а затем подорвать боевые машины, послышались тревожные крики: «Танки с тыла!» Положение создавалось критическое...

Бойцы и офицеры залегли вокруг машин. И тут послышался уже не тревожный, а радостный крик:

— Танки наши!.. Свои!..

И действительно, обходя боевые машины справа на полном ходу, с открытым люком шел Т-34.

На броне сидели два танкиста и громко кричали:

— Дайте дорогу... Сейчас мы покажем гадам, где раки зимуют!..

Мимо меня прогромыхала стальная громада. Это было какое-то чудо! Всех нас охватила неописуемая радость. Откуда взялся наш танк? Прикрываясь колонной машин, незаметно для врага он переместился на левую сторону дороги. Танкисты закрыли люк и почти в упор открыли пушечный огонь по машинам противника. От первого же снаряда загорелся головной фашистский танк. Затем запылал второй. Остальные стали давать задний ход, скрываться в лощинах, уходить в лес. Наш танк взобрался на холм и оттуда подбил еще две немецкие машины.

Дорога на Труды-Меряево была свободна... Танк, наш спаситель, остановился у перекрестка, как могучий страж, развернув в сторону противника свою грозную пушку. Под его прикрытием гвардейцы убрали с пути горящие автомашины и

двинулись на Труды-Меряево.

Мы с комиссаром сердечно поблагодарили танкистов.

— Не нас надо благодарить, — ответил, улыбаясь, командир экипажа, — а хозяйку, у которой мы ночевали... Мы из 129-й танковой бригады. Она поддерживала 1-ю гвардейскую стрелковую дивизию. Вчера вечером, когда мы шли на участок дивизии, забарахлила ходовая часть. Пришлось завернуть в Усть-Лески. Отремонтировали танк и легли отдохнуть. Ночью нас разбудила хозяйка: «Ребята, наши уходят!» «Катюши» и в самом деле уже покидали деревню. Мы завели свой танк и пошли вслед за вами...

Да, танкисты нас здорово выручили. Отойдя километра на три, мы дали залп по лесу, куда отошли фашисты.

Итак, благодаря появившемуся танку нам удалось выйти из, казалось бы, совершенно безвыходного положения. Потеряли мы трех человек убитыми, пятеро были ранены. После залпа снова двинулись на Труды-Меряево. Там находился штаб кавалерийского корпуса генерала Крюченкина.

Мы доложили генералу обо всем случившемся, о героических действиях танка Т-34. Выслушав наш доклад, Крюченкин сказал:

— Ну что ж, дорогие гвардейцы, пришло время нам снова расставаться. Приказано ваши части отправить в Воронеж. Жаль, но что поделаешь? Спасибо за боевую работу. Желаю дальнейших успехов! А о танкистах, ваших спасителях, мы не забудем, представим к награде.

Наступил новый, 1942 год, а с ним и новые бои, новые испытания.

Глава седьмая.
Последние дни в родном полку

2 января 1942 года 4-й и 7-й гвардейские минометные полки расставались с героически сражавшимися частями 5-го кавалерийского корпуса и 1-й гвардейской стрелковой дивизии. В соответствии с приказом наш полк отправлялся в тыл, в район села Русский Брод, откуда должен был убыть в Воронеж. В этот день в десяти километрах юго-восточнее Труды-Меряево нам пришлось форсировать небольшую речку с крутыми обледеневшими берегами.

Воины буквально на руках, при помощи канатов, спускали к реке и поднимали на другой берег каждую машину. Опасности подвергались водители, да и не только они. Были случаи, когда машина срывалась, скатывалась вниз, увлекая за собой людей. Тогда подавалась команда: «Бросайте канаты! Уходите в сторону!»

Чтобы создать упоры для ног, воины топорами, ломами, кирками выдалбливали канавки и лунки. Но как обеспечить сцепление колес с грунтом? Не взрыхлять же ледяные спуски и подъемы? На это требовалось много времени, а его у нас не было.

По звукам канонады чувствовалось: фронт неумолимо приближается. Участились налеты вражеских самолетов. Но благодаря огню наших зенитных батарей и рассредоточению машин мы почти не имели потерь. На переправе поддерживался строгий порядок. Установки подходили сюда по сигналу.

Тревожила мысль: а вдруг в нашем направлении прорвутся вражеские танки? Без снарядов, без противотанковых средств мы со своими машинами были беспомощны...

К концу дня нам удалось переправить все машины. Мы с комиссаром, облегченно вздохнув, сели в пикап и помчались догонять свой полк.

Русский Брод оказался большим селом, где в теплых домах уже разместились на отдых наши гвардейцы. Хотелось отдохнуть и нам. Но нас уже ждал офицер штаба оперативной группы гвардии майор Макеев с письменным приказанием срочно представить выводы и предложения по боевому применению частей РС, основанные на опыте полка. Пришлось засесть за докладную. В ней я писал:

«Дивизионы ГМЧ являются мощным огневым

средством массированного артиллерийского огня, могут успешно применяться в обороне, наступлении и преследовании. Они являются наиболее эффективным средством уничтожения и подавления минометных и артиллерийских батарей и живой силы в местах ее сосредоточения.

Дивизионы, как правило, должны придаваться дивизиям, в исключительных случаях — полкам на особо ответственных направлениях. Пристрелка должна вестись 4–6 снарядами.

В особых случаях боевые машины могут применяться для стрельбы прямой наводкой с быстрым выездом на огневые позиции и немедленным уходом после залпа в укрытие.

В штат дивизиона надо ввести отделение связи с пехотой и увеличить на 10 километров проводную линию связи.

В штат полка необходимо ввести отделение метеослужбы. Желательно в составе полка иметь 76-миллиметровую батарею и отряд прикрытия огневых позиций.

Заводы-изготовители должны устранить конструктивные недостатки боевых машин — уменьшить минимальный угол возвышения и увеличить горизонтальный угол поворота, а также проверить на полигонах снаряды на фугасное действие».

Надо сказать, что некоторые из выдвинутых нами предложений в дальнейшем были подтверждены другими командирами частей, введены в практику боевых действий ГМЧ, учтены при усовершенствовании боевых машин.

Рождалось новое оружие, рождалась и тактика его боевого применения.

3 января 1942 года рано утром майор Макеев с моей докладной запиской уехал в Воронеж, а наш полк в этот же день передислоцировался сначала в Архангельское, а потом тоже в Воронеж. Не успели мы еще полностью разместиться на окраине города, как было получено распоряжение полковника Зубанова срочно отправить неисправные боевые установки с их командирами и водителями на ремонтный завод, а неисправные транспортные машины — в механические мастерские одного из гаражей города. Одновременно были вручены наряды на ремонт техники.

Нам тогда впервые посчастливилось вплотную столкнуться с тружениками тыла. Рабочие этих предприятий в течение двух суток сделали, казалось, невозможное...

Вечером 9 января я с комиссаром был вызван в штаб оперативной группы. Мы ожидали взбучки за несвоевременное представление выводов о боевом применении «катюш», за вспышку эпидемии гриппа в полку, за большое количество неисправных машин... Да мало ли за что еще достается командирам и комиссарам частей. Однако в штабе нас встретили тепло, предложили раздеться и пройти в просторную комнату с большим столом, накрытым кумачом. Здесь уже были командир и комиссар 7-го полка, офицеры штаба и тыла опергруппы. В комнату вошли полковник Зубанов, майор Вознюк, полковой комиссар Жуков и старший батальонный комиссар Киселев. Зубанов зачитал Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении ракетчиков. Этим указом наряду с другими были отмечены и мы с комиссаром полка. Это была наша вторая высокая правительственная награда. Орден Ленина мы получили в Лисичанске за бои под Диканькой и Харьковом, а сейчас были удостоены ордена Красного Знамени за бои вместе с 5-м кавалерийским корпусом генерала Крюченкина.

Тепло и сердечно поздравили всех награжденных члены Военного совета Ф. Н. Жуков и А. К. Киселев. Поздравили и мы друг друга.

После вручения орденов Зубанов объявил приказ командующего фронтом, в соответствии с которым частям группы 12 января 1942 года предписывалось убыть на усиление 38-й армии, 3-го гвардейского кавалерийского корпуса и 6-й армии.

3-й дивизион 4-го полка и 5-й дивизион 7-го полка подмоим командованием убывали в 38-ю армию, 1-й и 2-й дивизионы нашего полка под командованием комиссара Радченко — в 6-ю армию. Остальные дивизионы 7-го полка — в 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Но так как 1-й дивизион нашего полка имел наибольшие потери, он временно оставался на ремонте в Воронеже. Получалось, что полк разрывался на три части.

Разбросанность дивизионов затрудняла обеспечение их боеприпасами, горючим, продуктами питания, вещевым и финансовым довольствием, а также авторемонтными средствами.

Особенно усложнилось ведение учета и отчетности. Трудно было своевременно списывать имущество, пришедшее в негодность или утраченное в боях. Командиры частей и соединений, которых мы поддерживали, не могли нам ничем помочь, так как мы не входили в их штаты.

В феврале 1942 года два наших дивизиона поддерживали

одну из дивизий 38-й армии, оборонявшую подступы к станции Булацеловка. Зима 1942 года выдалась на редкость суровая. Снежные бураны замели дороги. Боевые установки стояли на основных огневых позициях в снежных аппарелях, в полной боевой готовности. Недалеко от них в глубоких траншеях находились машины с боеприпасами. Из-за частых снегопадов и поземок мы были прикованы к огневым позициям. С большим трудом гвардейцам удавалось расчищать пути подъезда для доставки продовольствия, снарядов и горючего.

Когда я прибыл в район Булацеловки, то сразу же явился к начальнику артиллерии армии полковнику М. И. Горбунову. Это был знающий артиллерист, спокойный и рассудительный человек.

— Я очень рад вашему прибытию, — сказал он, — знаю, что ваша артиллерия секретная, знаю ваши строгие инструкции. Однако дивизии наши обороняются на широком фронте. Вы своими залпами должны отбрасывать противника. Не приказываю, а прошу держать дивизионы на огневых позициях в полной боевой готовности. С выжидательных позиций из-за заносов они не смогут вовремя прибыть для открытия огня.

Мне и без этой просьбы было ясно, что маневр невозможен. Поэтому дивизионы и заняли боевой порядок, зарывшись в снег, так же, как и вся ствольная артиллерия.

Находясь на огневых позициях, боевые установки и машины со снарядами были в готовности к движению. Не сливалась вода из радиаторов и периодически включались моторы. Гвардейцы непрерывно расчищали пути подъезда. Это выматывало людей, приводило к перерасходу горючего, к преждевременному износу машин. Но иного выхода не было...

Мы зорко следили за врагом. Как только замечали на том или ином участке подозрительное оживление, давали залпы. Правда, экономя снаряды, огонь большей частью вели батареями. Лишь на отдельных участках производились кратковременные артиллерийские налеты и дивизионные залпы, после которых передовые стрелковые батальоны атаковали врага. Большого успеха от таких частных операций мы не имели, но наши действия расстраивали планы противника.

Командиры дивизионов и я постоянно находились на наблюдательном пункте или огневой позиции. Сообщение со штабом было затруднено. Лошадей мы не имели, а на машине добраться до Булацеловки было невозможно. Подвоз боеприпасов, продовольствия и горючего обеспечивался только колоннами в пять — десять машин с командами «толкачей» и расчисткой дорог.

В дивизионах появилась туляремия (заразная болезнь грызунов, переходящая на человека) и простудные заболевания. Сказались большие физические перегрузки и переохлаждение. Я вынужден был дать разрешение своему помощнику по материально-техническому обеспечению капитану М. Д. Демяненко на закупку продовольствия у местного населения.

В тяжелые для нас дни февральских метелей на двух подводах в Булацеловку приехал полковник Зубанов с группой офицеров. Об их прибытии мне доложил по телефону майор Р. Р. Василевич, ставший теперь начальником штаба полка вместо капитана И. И. Громова. Он сообщил, что будет проверяться состояние хозяйства полка, работа служб обеспечения. Василевич сообщил также, что полковник Зубанов приказал мне срочно прибыть в Булацеловку.

От НП до Булацеловки — около двенадцати километров. Дороги занесло. Нечего было и думать о том, чтобы проехать на автомашине. Уже вторую неделю я путешествовала на лыжах. Это самый быстрый способ передвижения от наблюдательных пунктов к огневым позициям.

Для меня лыжи — родная стихия. Еще в 1935 году я возглавлял тысячекилометровый пробег отряда курсантов Томского артиллерийского училища. Расстояние в 1070 километров мы прошли за 11 ходовых дней. Средний суточный переход составил 97 километров. На старт прибыли без единого отставшего. Этот переход был отмечен приказом Наркома обороны К. Е. Ворошилова. А через две недели я участвовал в окружных соревнованиях на дистанции 50 километров, в полном снаряжении, со стрельбой на 48-м километре. Мною тогда был установлен всеармейский рекорд. Лыжный спорт я не бросал до самой войны. Поэтому преодолеть 12 километров, даже в полном снаряжении, не представляло для меня труда. К тому же моим попутчиком стал полковой врач Коля Холманских — отличный лыжник. Его служба подлежала проверке, и он тоже спешил в Булацеловку.

В Булацеловку мы пришли поздно. Зубанов и приехавшие офицеры уже спали, бодрствовали лишь офицеры нашего штаба, готовившие справки, материалы. Василевич доложил, что намечена проверка состояния автотранспорта, финансовой и продовольственной служб, медико-санитарного состояния полка.

— А что было сказано относительно боевой деятельности дивизионов? — спросил я.

— Нас обвиняют в невыполнении указаний штаба группы, — ответил Василевич. — Наш штаб должен быть не в Булацеловке, а в Купянске при штабе армии, чтобы можно было ежедневно в

установленные часы докладывать в Москву о действиях дивизионов и информировать об обстановке на участке армии.

«Да, предстоит крупный разговор», — подумал я.

Утром, как я и предполагал, у нас с Зубановым и Вознюком состоялся серьезный разговор относительно места расположения штаба полка. Я доказывал, что командир полка и его штаб не могут находиться в тридцати километрах от боевых порядков, в глубоком тылу.

— Нужно руководить боем, управлять огнем, увязывать взаимодействие с пехотой и артиллерией, наилучшим образом использовать мощь огня своих дивизионов, — горячился я. — Командир обязан не только знать, но и видеть, как его дивизионы, батареи выполняют боевые задачи.

Меня убеждали, что наша артиллерия особая. Полк действует подивизионно на больших расстояниях, поэтому его командир все равно не может быть одновременно на НП каждого дивизиона. Да он и не должен подменять командиров дивизионов. Мне доказывали, что, находясь при штабе армии, командир полка сможет лучше организовать обеспечение всеми видами довольствия и следить за правильным использованием своих дивизионов, а штаб полка будет своевременно информировать штаб группы о боевой работе и нуждах полка.

— Может быть, вы и правы, но я этого не понимаю, — отвечал я Зубанову. — Я артиллерист и к тому же командир полка, а не офицер штаба. А если какой-нибудь дивизион попадет в беду и оставит врагу материальную часть, то кто будет нести ответственность? Очевидно, командир и комиссар полка...

— Если вы свои дивизионы будете ставить в самое пекло и держать постоянно на огневых позициях, не имея к ним дорог, как это делаете сейчас, то за потерю боевой техники судить будем вас, где бы вы ни находились, — ответил Зубанов.

Через три дня проверка деятельности служб полка и дивизиона Вальченко закончилась. В ведении полкового хозяйства было обнаружено много серьезных недостатков, но умышленных злоупотреблений не отмечалось.

Лучше всего дело обстояло в дивизионе Вальченко — этой самостоятельной в боевом и хозяйственном отношении воинской части, всегда действующей компактно. Отдельный дивизион не разрывался на части, как наш полк. Находясь в моем подчинении, дивизион через тыл полка получал горючее, продовольствие, снаряды. Дивизионы же полка, не имея хозяйственных и технических служб, переживали большие трудности. Опыт показывал, что наши дивизионы надо переводить на штаты отдельных.

К концу работы комиссии утихла и пурга. Усилиями дивизии и армейских саперных частей была расчищена дорога от передовой до Булацеловки. Зубанов приказал отвести дивизионы в Булацеловку и хутор, что в трех километрах южнее ее, держать их на выжидательных позициях.

Ночью дивизионы снялись с огневых позиций и с большим трудом начали продвигаться в район выжидательных. Когда колонны уже подходили к Булацеловке, внезапноснова разразилась пурга невиданной для этих мест силы.

Дивизион Вальченко, следовавший впереди, успел подтянуть машины на северо-восточную окраину Булацеловки, а дивизион Худяка, который должен был сосредоточиться в хуторе, пробиться туда не смог. В километре от хутора колонна застряла в снегу. Дорогу занесло мгновенно. Любые усилия расчистить путь были безрезультатными. За несколько часов машины дивизиона занесло снегом. К середине дня пурга стихла так же внезапно, как началась.

В штаб полка пешком пришел Худяк, мокрый, уставший, осунувшийся. Он доложил:

— Дивизион засыпало совсем.

— А где люди? Все ли живы?

— Люди в хуторе отдыхают, все живы, но не все здоровы. Есть больные этой проклятой туляремией.

— Как организовано питание? — поинтересовался я.

— Теперь проще: продовольственный склад полка рядом. Принесли продукты, а готовить будем по хатам...

Свой отъезд Зубанов отложил на сутки. Утром сильный ветер настолько утрамбовал сугробы, что по ним можно было не только пройти, но и проехать на лошади. Путь группы проверяющих лежал через хутор, вблизи которого застрял дивизион Худяка. До этого хутора я сопровождал Зубанова. Увидели мы невероятную картину. Хаты были занесены до самых крыш. Торчали одни трубы и верхушки деревьев. На дороге вместо колонны боевых установок чернели крыши кабин да что-то похожее на шалаши. Это виднелись из сугробов концы ферм направляющих боевых машин, покрытые брезентовыми чехлами. Когда мы увидели все это, Зубанов удивленно сказал:

— Ну и пурга... Повезло, что мы не уехали в ту ночь... Как только люди отдохнут, начинайте отрывать машины и подтягивайте их к хутору. Штабу переехать в Купянск.

Тепло простившись, как будто никаких споров между нами и не было, Зубанов и члены комиссии поехали по своему маршруту, а мы с Худяком пошли в хутор к гвардейцам...

Вернувшись в штаб, я почувствовал сильное недомогание,

кружилась голова, тошнило... Скрутила и меня туляремия. Пришлось пролежать в постели пятеро суток.

Дней через десять дорога была расчищена, и мы со штабом и тылами полка двинулись в Купянск. О прибытии я доложил начальнику штаба армии полковнику С. П. Иванову. С Семеном Павловичем мы вместе учились в Академии имени М. В. Фрунзе, на одном факультете, в одной учебной группе. Вначале он был у нас командиром учебного отделения, а потом старшиной курса. Учился С. П. Иванов отлично, особенно блестяще он успевал по военной истории, тактике. У нас с ним сложились добрые отношения. Я уважал его за прямоту, требовательность и человечность. Бывали времена, когда вместе готовились к экзаменам. Дружили и наши семьи.

Иванову я представился строго по уставу. Увидев меня, он тепло поздоровался и приветливо сказал:

— А ну-ка садись да расскажи о себе, где и что делал в эти годы...

Вспомнили учебу в академии, однокурсников и преподавателей... Поговорили о делах насущных. Семен Павлович поинтересовался состоянием полка, а затем сообщил, что принято решение целиком сосредоточить его на правом фланге армии в районе населенного пункта Белый Колодезь. Нам отводилось два-три дня на подготовку к маршу.

На третий день штаб полка из Купянска, а дивизионы из Булацеловки двинулись в Белый Колодезь. В это время правофланговые части 38-й армии готовились к бою за населенные пункты Рубежное и Старый Салтов, что раскинулись на высоком западном берегу Северского Донца. Взять их было крайне необходимо, чтобы обеспечить захват плацдарма на подступах к Харькову. В трех — пяти километрах южнее Белого Колодезя в усадьбе совхоза разместилось полевое управление 38-й армии. Через несколько дней с севера, с участка 21-й армии, через Волчанск в Белый Колодезь прибыли два дивизиона нашего полка во главе с комиссаром Радченко. Наконец-то наш полк собрался вместе. Мы были рады этому «воссоединению». Не теряя ни минуты, командный и политический состав дивизионов включился в работу: наводился порядок в учете и отчетности, организовывался ремонт и профилактический осмотр боевых машин, пополнялся запас снарядов и горючего.

Мы подводили итоги боевых действий дивизионов, делилисьопытом. Радченко поведал мне историю о том, как его подвела Курская магнитная аномалия.

— После этого случая, — сказал Радченко, — я убедился, что она существует...

А дело было так.

Командующий артиллерией 6-й армии полковник Д. И. Турбин поставил перед Радченко задачу уничтожить скопление противника в одном из населенных пунктов. Но Турбин забыл предупредить комиссара о магнитной аномалии...

Радченко сам проверил исходные данные и был абсолютно уверен в успехе. Доложили о готовности дивизиона к открытию огня. Радченко подал команду:

— Проверить установки! Огонь! — Все напряженно смотрели в цель.

— Каким способом ты наводил боевые машины? — неожиданно спросил Турбин.

— Как обычно, при помощи артиллерийской буссоли, — ответил Радченко.

Турбин схватился за голову:

— Что ты наделал! Магнитная аномалия! Здесь буссолью пользоваться нельзя! Надо стрелять только по угломеру!

Радченко закричал:

— Стой! Огонь отставить!

Но было уже поздно. Раздался дружный залп... Прошли секунды... По шуму летящих снарядов комиссар и все присутствующие на наблюдательном пункте поняли, что случилось непоправимое. Снаряды летели в другом направлении. К счастью, залп лег все-таки на территории врага, вблизи деревни, находившейся в полутора километрах от переднего края.

С участка соседней дивизии Турбину по телефону вскоре доложили, что из района, куда был дан залп, противник отошел и оставил населенный пункт, который без боя заняла разведка передовых батальонов. Доложили также о больших потерях врага в живой силе и технике, о том, что захвачены пленные.

Турбин приказал артиллерийской батарее, находившейся недалеко от огневой позиции дивизиона, произвести пристрелку цели и передать данные Радченко.

Новый мощный залп нанес гитлеровцам огромный урон и вынудил их отойти. Наши части продвинулисьвперед на несколько километров, захватили выгодный рубеж и приступили к усовершенствованию обороны. Правда, для дальнейшего наступления у нас не было ни сил, ни средств. Однако и противник в этом направлении наступать не решался.

Вскоре к нам в Белый Колодезь приехал командующий артиллерией фронта генерал-майор Н. В. Гавриленко — энергичный, смелый человек, очень опытный артиллерист. Генерал привез нам радостную весть. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1942 года за успешные

боевые действия полк награждался орденом Красного Знамени. Наш полк был первым гвардейским минометным полком, удостоенным высокой правительственной награды.

Генерал побывал во всех дивизионах, беседовал с гвардейцами, интересовался боевой готовностью батарей, давал практические советы. Своим вниманием и чуткостью он располагал к себе, хотя внешне казался несколько суровым и резким.

После знакомства с полком он рассказал мне и комиссару о замысле готовящейся частной операции по захвату плацдарма на западном берегу Северского Донца. Так как артиллерии не хватало, особую надежду в этой операции Гавриленко возлагал на наш полк и дивизион Вальченко.

Мы беседовали в бараке во время обеда. Вдруг наблюдательные посты передали:

— Воздух!

Я сидел напротив генерала за столом и ждал его команды уходить в укрытие. Гавриленко, как ни в чем не бывало, спокойно ел. Глядя на него, мы с Радченко тоже продолжали обедать... Через несколько секунд раздался душераздирающий свист летящих авиабомб, за которым последовала серия мощных взрывов. Задрожала земля. Ветхий барак зашатался. Со стен и потолка посыпалась штукатурка, а взрывной волной выбило все стекла. Метрах в пятидесяти от барака появились две громадные воронки, обрамленные по краям глыбами мерзлого грунта.

— Узнайте, есть ли пострадавшие, — попросил Гавриленко и невозмутимо добавил: — Без стекол холодновато, надо бы завесить чем-нибудь...

Штукатурку и битые стекла убрали, принесли светильник, окна завесили одеялами, а мы надели шинели... Гавриленко хитро посмотрел на меня:

— Ну что ж, командир, самолеты улетели, продолжим обед.

Вошел адъютант:

— Товарищ генерал, повреждено несколько бараков. Убитых нет, есть раненые.

Выслушав доклад, генерал спросил:

— А щели у вас отрыты?

— Конечно, — ответил я.

— Почему же вы не скомандовали нам уйти в укрытие?

— Товарищ генерал, я не находил возможным это сделать, ждал вашей команды.

— Мне, генералу, не годится бежать в укрытие первым, — ответил он и шутя добавил: — Впредь к вам не приеду — не бережете начальство!

Уезжая от нас, Гавриленко рекомендовал срочно подыскать место и вывести полк из Белого Колодезя.

На другой день было получено боевое распоряжение штаба армии сосредоточить дивизионы полка в лесу, что в восьми километрах северо-восточнее Рубежного.

В тот день поступила телеграмма от полковника Зубанова. В ней мне предписывалось немедленно убыть в Москву. В телеграмме говорилось, что до прибытия майора Воробьева, который должен заменить меня, полком будет командовать Радченко.

Я терялся в догадках о причине вызова. К тому же тяжело было расставаться с боевыми товарищами и родным полком.

Командующий армией генерал К. С. Москаленко по телефону приказал мне прибыть на его командный пункт, который находился недалеко от Белого Колодезя. Как только я появился на пороге, он спросил меня:

— Вы знаете о вызове в Москву?

— Да, знаю, товарищ генерал.

— Ну и прекрасно. В таком случае, сдавайте полк и — с богом. За боевую работу большое вам спасибо...

Но сразу уехать мне не пришлось. Когда я прибыл в полк, чтобы попрощаться, мне передали, что в Рубежном идет бой. Там сражалась 1-я гвардейская дивизия генерала Руссиянова, которую поддерживали дивизионыВальченко и Худяка. Я выехал к месту боев. На северозападной и северной окраинах Рубежного шли уличные схватки. Фашистское командование, стремясь снова овладеть этим важным населенным пунктом, подтянуло свежие резервы. Враг перешел к яростным контратакам из прилегающего леса. Ему удалось захватить западную и северо-западную окраины Рубежного. Непрерывная ружейно-пулеметная стрельба сопровождалась вспышками осветительных ракет. И вдруг наступила кромешная тьма, которую прорезали лишь яркие линии трассирующих пуль.

Расчеты противотанковых орудий, выведенных на прямую наводку, не знали, куда стрелять. Дать залп по окраине села и прилегающему лесу нельзя: вечером там стояли свои. С передовыми батальонами связь была нарушена.

Во время вспышки осветительной ракеты я увидел стоявших посреди улицы генерала Руссиянова и начальника политотдела дивизии батальонного комиссара Филяшкина, которого я знал еще с финской кампании.

— Товарищ генерал! Что же вы не в укрытии? — закричал я.

— Пока не выбьем врага из Рубежного, никуда не уйду, — твердо заявил Руссиянов, вглядываясь в темноту. — Дивизия

Руссиянова не отступает!

— Уговорите его зайти хотя бы за угол, — тихо сказал мне Филяшкин.

Наконец нам удалось убедить генерала уйти за ближайший дом. К счастью, здесь оказался каменный полуподвал, из которого можно было вести наблюдение не хуже, чем с улицы.

Генерал Руссиянов объявил, что в этом доме будут его наблюдательный и командный пункты, штаб, и приказал срочно организовать связь с передовыми батальонами.

— Вы знаете генерала Родимцева? — спросил меня Руссиянов.

— Знаю. Мы учились с ним на одном курсе в академии, — ответил я.

— Его дивизия идет к нам на. помощь. Прошу встретить ее и попросить Родимцева ускорить выдвижение. Тяжело придется ему и нам, если запоздает.

Мы с адъютантом выскочили из подвала и побежаливниз по улице к своей машине. Колонну дивизии встретили примерно в пяти километрах от Рубежного. В голове ее ехала на лошадях группа офицеров. Среди них был и Родимцев.

— Товарищ генерал, вам необходимо ускорить выдвижение полков, развернуть их с ходу и нанести удар во фланг атакующему врагу. Это просьба генерала Руссияпова.

При свете фар нашей машины Родимцев посмотрел на карту и отдал приказ ускорить движение, а мне показал рубеж развертывания головного полка и направление его атаки. Я вернулся в Рубежное, доложил Руссиянову, что дивизия Родимцева на подходе.

— Подполковник, твои «катюши» сейчас нам могут оказать помощь, — повеселел Руссиянов.

— Два дивизиона в готовности на огневых позициях, — ответил я, — но нам надо точно знать, где наша пехота, чтобы не накрыть своих.

— Понятно, — пробасил генерал.

И вот по мере уточнения позиций пехоты стали включаться в действие наши батареи. Минут через сорок мы дали залп батарей М-8 по роще, откуда контратаковали фашисты, затем по подступам к западной окраине Рубежного. Снарядов у нас, как всегда, не хватало, и мы были вынуждены вести огонь весьма экономно.

Дивизия А. И. Родимцева подоспела вовремя, и к рассвету положение было восстановлено, фронт стабилизировался. Простившись с Руссияновым и Филятшкиным, я выехал на выжидательные позиции дивизионов.

Там я простился с гвардейцами, горячо поблагодарил их за отличную боевую работу и пожелал успеха в предстоящих боях. Затем на полуторке отправился в Белый Колодезь, в штаб полка, а оттуда поездом в Воронеж, в штаб оперативной группы гвардейских минометных частей Юго-Западного фронта. В штабе первым меня встретил майор Макеев.

— Зайдите-ка в секретную часть, — сказал он. — Сегодня получен приказ, вас касающийся.

Приказом Народного комиссара обороны от 25 марта 1942 года мне было присвоено воинское звание «гвардии полковник».

Через час, попрощавшись с полковником Зубановым, я отбыл в Москву.

Глава восьмая.
В Инспекции

Прибыв в Москву, я остановился в гостинице ЦДКА. Стоял март 1942 года. Столица жила напряженной жизнью военного времени. Четко работали заводы и фабрики. С раннего утра до позднего вечера по улицам двигались машины — грузовые, черные и камуфлированные эмки, а иногда и колонны автомобилей. С наступлением темноты в небо поднимались аэростаты, а весь город погружался во тьму. Строжайше соблюдалась светомаскировка.

Штаб гвардейских минометных частей Ставки Верховного Главнокомандования размещался во 2-м доме Народного комиссариата обороны на Красной площади. Туда я прибыл часов в одиннадцать дня. Адъютант доложил обо мне командующему гвардейскими минометными частями Ставки Верховного Главнокомандования заместителю Наркома обороны генерал-лейтенанту В. В. Аборенкову. Я был приглашен в просторный кабинет командующего. Там кроме Аборенкова, подвижного, высокого, русоволосого генерала с быстрым проницательным взглядом, находились члены Военного совета генерал-лейтенант П. А. Дегтярев, генерал-майор Л. М. Гайдуков и секретарь Московского городского комитета партии Н. П. Фирюбин. Аборенков познакомил нас.

— Мы решили назначить вас начальником инспекторского отделения, — сказал Аборенков. — Боевой опыт вы получили достаточный. Самое время его передавать вновь формируемым полкам и частям на других фронтах. Так что не беспокойтесь, в Москве не засидитесь...

— Постараюсь оправдать ваше доверие, — ответил я.

Затем Аборенков пригласил всех выпить чаю с сухарями.Во время чаепития в маленькой комнате, смежной с кабинетом, командующий расспрашивал меня об обстановке на Юго-Западном фронте, о состоянии полка, о трудностях, с которыми нам приходилось встречаться.

Я доложил о последнем бое дивизии Руссиянова за Рубежное и, пользуясь случаем, высказал соображение, что штаты полка надо менять.

— Дивизионы все время действуют отдельно, а органов снабжения не имеют, — сказал я. — Их надо перевести на штаты отдельных дивизионов, иначе слишком трудно службам полка обеспечивать их всеми видами довольствия.

— Об этом мы думали, — живо перебил меня Аборенков. — Готовим Генеральному штабу расчеты и обоснованные предложения.

Генералы Дегтярев и Гайдуков тоже задали мне немало вопросов. Их интересовали и морально-политическое состояние личного состава полка, и партийно-политическая работа в бою, и мои взаимоотношения с комиссаром, и многое другое.

Дегтярев говорил громко, четко. Его типично русское лицо с чуть вздернутым носом было очень оживленным.

Гайдуков казался моложе других. Однако держался он, как и все, уверенно, строго и с достоинством.

Когда закончился легкий завтрак, командующий, встав первым из-за стола, сказал мне:

— Ну что ж, желаю удачи. В первую очередь советую ознакомиться со структурой нашего аппарата. Изучите штаты, по которым идет формирование частей. Ну и, конечно, задачи инспекторского отделения. А потом — за работу. Время не ждет, война.

Знакомясь со структурой органов управления командующего гвардейскими минометными частями, я узнал, что первые батареи и полки полевой реактивной артиллерии были непосредственно подчинены Ставке. Материально-техническое обеспечение и руководство их боевой подготовкой в августе 1941 года было возложено на начальника Главного артиллерийского управления, а 8 сентября 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение о создании специальных органов управления полевой реактивной артиллерией во главе с командующими Военным советом гвардейских минометных частей.

Командующий гвардейскими минометными частями, он же заместитель Наркома обороны, подчинялся непосредственно Ставке Верховного Главнокомандования. На него возлагалась ответственность за формирование, боевую подготовку частей, за обеспечение их вооружением, автотранспортом и боеприпасами. Он контролировал и боевое применение этого нового вида артиллерии, отвечал за сохранение боевой техники и боеприпасов.

Командующему гвардейскими минометными частями подчинялось также Главное управление вооружения. Его возглавлял инициативный и эрудированный специалист генерал-майор инженерно-технической службы Н. Н. Кузнецов, исключительно заботливый и внимательный человек. В дальнейшем, когда мне пришлось командовать оперативными группами гвардейских минометных частей фронтов, я особенно

ощущал его заботу о наших частях и внимание к их нуждам.

Начальником штаба командующего ГМЧ был генерал А. А. Быков, человек завидного спокойствия и рассудительности. Он всегда имел исчерпывающие данные о гвардейских минометных частях: количестве полков, их состоянии и местонахождении.

Оперативно-инспекторский отдел штаба возглавлял полковник П. Г. Любимцев. Он сразу же ввел меня в курс дела, рассказал об особенностях работы штаба и инспекторского отделения.

Запомнился мне общительный и внимательный офицер штаба майор И. П. Тронев. Он имел незаурядную память и прекрасно знал офицерский состав частей. С 1944 года Тронев командовал 66-м гвардейским минометным полком.

Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин лично утверждал распределение гвардейских минометных частей по фронтам, планы производства боевых машин и боеприпасов, а также план формирования новых полков. Поэтому деятельность штаба командующего ГМЧ и Главного управления вооружения была очень напряженной. Командующий и члены Военного совета должны были в любое время суток иметь исчерпывающие сведения по всем вопросам. В штабе, управлении и отделах устанавливалось непрерывное дежурство. Место нахождения любогонашего работника всегда было точно известно оперативному дежурному.

Только после того как я узнал характер и особенности работы аппарата командующего гвардейскими минометными частями, мне стало понятно, почему В. И. Вознюк так упорно требовал, чтобы штаб полка находился при штабе армии. Правда, опыт дальнейших боевых действий показал, что для своевременной передачи в Москву необходимых данных не обязательно весь штаб полка держать при штабе армии. Для этого достаточно вовремя высылать подготовленных офицеров связи в штабы армий и фронтов.

Еще в сентябре 1941 года постановлением Государственного Комитета Обороны были созданы оперативные группы гвардейских минометных частей фронтов. На командование этих групп возлагалось руководство боевой деятельностью всех гвардейских минометных частей, находившихся в распоряжении фронта, обеспечение их боеприпасами, вооружением, организация ремонта боевых и транспортных машин. Эти группы контролировали боевую подготовку и отвечали за боеготовность частей, несли ответственность за сохранение боевой техники и боеприпасов. Начальники оперативных групп подчинялись непосредственно командующим фронтами, в распоряжении

которых они находились, одновременно тесно взаимодействуя с командующими артиллерией.

Первые оперативные группы были созданы на Северо-Западном, Юго-Западном, Южном, Брянском и Ленинградском фронтах. В октябре 1941 года, во время битвы под Москвой, ленинградская опергруппа была переформирована в опергруппу Западного фронта.

Штаты опергруппы состояли из командующего и одного-двух членов Военного совета, штаба, отделения артиллерийско-технического снабжения, артиллерийского склада, автопарка, санчасти и передвижной ремонтной мастерской. В других родах войск во фронтовом звене военных советов не было. Наличие военных советов в опергруппах гвардейских минометных частей фронтов свидетельствовало об особом внимании со стороны ЦК и Ставки Верховного Главнокомандования к этому новому роду войск.

Из всего состава инспекторского отделения в то время в штабе находились только мой заместитель подполковникА. А. Московцев и майор И. П. Любимов. Остальные были в командировках.

Однажды утром подполковник Московцев прямо-таки ошарашил меня неожиданным предложением:

— Товарищ полковник! Есть возможность достать билеты в Театр Красной Армии. Не хотите ли?..

В театре я был очень давно. Так складывалась жизнь. После окончания академии служил в городе Речица, воевал на Карельском перешейке, позже — пограничный городок Вяртсиля и снова Белоруссия. С первого дня войны на фронте...

В тот же вечер с разрешения начальника штаба мы с Московцевым отправились в театр. Но увы! Не суждено мне было и на этот раз насладиться игрой артистов. Возле нашего четвертого ряда стоял офицер штаба. Он тихо сказал мне:

— Товарищ полковник, вас срочно вызывает командующий.

Пришлось распрощаться с Московцевым.

Через двадцать минут я был в кабинете командующего гвардейскими минометными частями. Там уже находились члены Военного совета Дегтярев и Гайдуков.

Генерал Аборенков сразу же приступил к делу:

— Товарищ Нестеренко, вы должны завтра утром выехать в штаб Северо-Западного фронта, в оперативную группу генерала Бажанова. Он туда прибыл недавно, ему надо помочь. Полки его раздерганы подивизионно, разбросаны на большие расстояния и перемешаны. Из-за распутицы затруднено снабжение. Разберитесь и доложите, что можно и нужно сделать.

Командующий встал из-за стола, прошелся по кабинету:

— Вот что еще. О своем прибытии обязательно доложите командующему фронтом генералу Курочкину и члену Военного совета Булганину. Просите их помощи в обеспечении полков горючим и продовольствием. Убедите их, что дивизионы надо собрать в свои полки и отвести в безопасное место.

...В четвертом часу утра с водителем из опергруппы Ю. П. Бажанова на юрком «газике» мы уже мчались по Ленинградскому шоссе на Северо-Западный фронт. Весна в сорок втором выдалась ранняя. До Калинина дорогабыла сравнительно хорошая, но чем дальше, тем она становилась хуже. Места вокруг были низменные, болотистые. Покрытие шоссе не выдерживало большого потока тяжело груженных машин. В асфальте сплошь и рядом образовались провалы, а кое-где он вспучился. Когда грузовая машина попадала колесами в провалы, она тут же садилась на дифер. Вытянуть ее было труднее, чем из самой густой и вязкой грязи. Приходилось еще больше разрушать асфальт. Тогда только трактор мог вытащить машину. Многие участки дороги были покрыты толстым слоем хвороста, засыпанного землей, а обочины изрыты поперечными дренажными канавками. Все это затрудняло движение. В некоторых местах легче было проехать вне дороги — по раскисшему грунту.

В пути у нас случилась неприятность. Водитель заметил, что мотор стал быстро нагреваться. Оказалось, что потерялась пробка картера и все масло из него вытекло. Запасной пробки не было. Решили попытаться найти утерянную. Для этого пришлось пешком идти обратно по следу вытекавшего масла. Примерно через километр масляный след оборвался. В этом месте мы начали искать маленькую металлическую пробку, руками осторожно перебирая каждый прутик настила. К нашему счастью, мы все же нашли ее. Снова налили масло в картер и двинулись в путь.

На второй день мы прибыли в штаб фронта. Командующий фронтом генерал П. А. Курочкин и генерал Ю. П. Бажанов в это время находились на левом крыле фронта. В штабе опергруппы гвардейских минометных частей я застал вновь назначенного начальника штаба полковника А. П. Ярового. Мы с ним учились в академии на одном курсе. Прибыл он на Северо-Западный фронт несколько дней тому назад. Перед этим в Москве мы встретились с ним случайно: Яровой был вызван в отдел кадров гвардейских минометных частей на переговоры. Тогда он меня расспрашивал, что это за войска и следует ли соглашаться на новое назначение.

— Я же артиллерист-корпусник, а тут предлагают в какую-то

неизвестную артиллерию, — говорил он.

Я ему тогда порекомендовал дать согласие не раздумывая. И вот мы снова встретились. Яровой первый рассказал мне о том, что снабжение частей прервано, что поступают тревожные радиограммы об отсутствии снарядови продовольствия. В то же время противник, контролируя шоссейную дорогу, идущую с запада на Демянск, активизировал свои действия. Замкнуть кольцо окруженной фашистской группировки в районе Демянска нашим войскам не удалось. Гвардейские минометные полки П. В. Шутова, А. А. Налбандова и Г. И. Мартынова оказались без снарядов.

После разговора с Яровым я тут же отправился на доклад к члену Военного совета фронта Н. А. Булганину. Он принял меня дружелюбно. Посетовал на раннюю весну и отсутствие дорог, рассказал о мерах, которые принимались и принимаются, чтобы помочь полкам, находящимся за рекой Ловать. Помощь эта заключалась в том, что им на парашютах сбрасывали продовольствие и боеприпасы — в основном патроны к винтовкам и автоматам. Делались попытки на парашютах сбрасывать и ящики с реактивными снарядами, но многие из них падали в болота и озера. А те, которые удавалось разыскать в лесу, стоило большого труда дотащить до огневых позиций. К тому же снаряды, попадая в воду, приходили в негодность. В день моего приезда также готовилась операция по сбрасыванию боеприпасов и продовольствия войскам, находившимся на передовой линии и отрезанным от своих тылов из-за внезапно наступившей распутицы.

К концу беседы Булганин спросил меня, что я намерен делать. Я доложил, что хочу пробраться к полкам, находящимся за Ловатью.

— Думаю, что надо постараться переправить полки на восточный берег реки, — сказал я. — Без снарядов держать их на прежних позициях опасно.

Мое решение Булганин одобрил и попросил ежедневно радировать обо всех трудностях. От Булганина я направился в штаб артиллерии фронта. Командующий артиллерией генерал П. Н. Ничков находился на левом крыле фронта. Меня встретил начальник штаба генерал-майор Владимир Иосифович Брежнев. Он тоже посетовал на отсутствие дорог.

— Кто в этих болотах не бывал, — пошутил генерал, — тот и горя не видал.

На другой день, получив продукты, горючее, пилу, трос, домкрат, лом, траковые цепи к колесам, мы двинулись в путь. Офицера штаба для сопровождения мне не выделили, так как

почти все они были в разъездах.

К счастью, наступили солнечные дни. Кое-где на возвышении дороги стали просыхать, и мы уже сравнительно легко преодолевали еще вчера не проходимые места. Всего лишь два раза за весь путь пришлось прибегнуть к посторонней помощи, чтобы вытащить машину.

На вторые сутки, измученные, грязные, мы наконец добрались до штаба полка Шутова. В штабной машине сидели майоры Шутов, Налбандов и Мартынов. Вид у них был унылый. На столе стоял чайник, над которым поднимался пар, кружки и консервная банка, доверху наполненная окурками. Я громко сказал:

— Здравствуйте, гвардейцы. Вид у вас что-то неважный... Что носы повесили?

— Повесишь носы, когда вот уже вторые сутки ничего не ели, — сказал майор Налбандов. — А вы кто будете?

— Представитель командующего гвардейскими минометными частями полковник Нестеренко.

— Это хорошо, будете знать, в каких условиях мы здесь воюем. Снарядов нет, продовольствия нет, горючего в машинах осталось по четверти бака... Мы собираем из болот подмоченные сухари и снаряды, — с горечью сказал майор Мартынов.

— Товарищи командиры, это же временные затруднения. Дороги уже подсыхают, и скоро пройдут грузовые машины с продовольствием и снарядами. Вы лучше доложите, можно ли ваши дивизионы снять с огневых позиций и перевести на восточный берег Ловати.

— Боевые и транспортные машины стоят на деревянных настилах. Но вытянуть их по этим болотам трудно, — ответил Налбандов.

— А если фашисты перейдут в наступление? — спросил я. — Ведь у них лучше условия. Они пользуются шоссейной дорогой. Что тогда будем делать?

— Придется вытягивать...

— А вы пробовали стелить жердевый настил, чтобы вывести дивизионы?

— Нет... Не было команды отступать...

— Давайте пройдем на огневые позиции. Я хочу посмотреть, в каких условиях находятся дивизионы. Начнем с ближайших.

Минут через двадцать мы с майором Налбандовым пришли на огневую позицию ближайшего дивизиона. Боевые установки действительно стояли на жердевом настилепод чехлами, тщательно замаскированные еловыми ветками. Транспортные машины были укрыты в лесу и тоже стояли на настилах. Бойцы

размещались под большими деревьями в шалашах. Налбандов объяснил, что, поскольку с питанием плохо, ракетчикам приказано экономить силы.

Я попросил собрать всех бойцов возле боевой машины, где было посуше. Представился им, рассказал, что об их тяжелом положении знает Москва, что распутица помешала окружить и ликвидировать демянскую группировку врага, поэтому боевую технику нужно переправить в безопасное место на восточный берег Ловати.

— Там места повыше и посуше, — сказал я, — продовольствие и снаряды туда доставить будет легче. Наша с вами задача — как бы это ни было тяжело — настелить жердевую дорогу от позиции до переправы. Вокруг мелкий ельник. Он-то и нужен для настила. Думаю, что за двое суток можно все сделать. А через два-три дня подойдут и первые машины с продовольствием.

Гвардейцы с подъемом восприняли такое решение. С командирами полков мы побывали и в стрелковых частях, которые держали оборону на этом направлении. Из бесед с командирами и бойцами стрелковых подразделений выяснилось, что фашисты делают тщетные попытки расширить коридор в кольце окружения.

Напрягая все силы, ракетчики за двое суток построили лежневые дороги, через болотистые места проложили фашинные настилы. Первые батареи были выведены на восточный берег Ловати уже на второй день. А через двое суток все три полка переправились через Ловать и сосредоточились в более сухих и безопасных местах. Сюда продовольствие доставлять было легче — его приносили в вещевых мешках. В продовольственные команды подобрали наиболее выносливых и сильных бойцов. Каждый доставлял пятнадцать — двадцать килограммов продуктов от ближайших тыловых складов.

Вскоре наступили теплые и солнечные дни, и к концу апреля дороги подсохли. Из фронтовых тылов двинулись автоколонны. 26–27 апреля полки получили продовольствие, горючее, боеприпасы.

Но в эти же дни участились налеты фашистской авиации. И чем погожее стоял день, тем больше была опасность нападения с воздуха.

Много лет прошло с тех пор, а я все вижу одну деревушку, затерянную в лесах. Волею судеб находилась она на пути, по которому я пробирался к полкам. Ее бревенчатые просторные хаты гостеприимно раскрывали двери перед утомленными солдатами. Однажды и мне с водителем пришлось там

переночевать.

26 апреля 1942 года, уже возвращаясь в штаб армии, мы ехали тем же путем. Нашему взору предстала печальная картина: вместо деревни — огромное пепелище, а на нем полуразрушенные печные трубы. Среди пожарищ бродили убитые горем жители. Мы остановились возле остатков дома, в котором прежде ночевали. Я вышел из машины и подошел к одиноко стоящему возле небольшого холмика старику:

— Здравствуй, отец! Горе-то у вас какое.

— Вот видишь, — отвечал он, — похоронил последнего внука. А жена чуть жива, обгорелая лежит в погребе. Сноха Настенька и внучка Анютка сгорели. Бомбежка была на рассвете. Дети и женщины еще спали. А мы со старухой были на дворе. Вот поэтому и спаслись. Ой, сынок, что тут было...

Больше старик говорить не мог. По его щекам покатились слезы. Ну как можно было утешить этого убитого горем человека, как помочь ему и другим таким же обездоленным не только из этой деревни, а из многих тысяч деревень и городов? Я тихо сказал:

— Крепись, отец, мы отомстим за ваше горе, за ваши слезы, за Настеньку и Анютку, за внука.

С болью в сердце покидали мы деревушку. Наш путь лежал в штаб 22-го полка, которым командовал полковник Я. А. Кочетков. Этот полк находился в лучших условиях, а главное, он имел хорошую связь со штабом армии, а через него и со штабом группы.

Как только в войска стали прибывать боеприпасы и продовольствие, командование фронта начало готовить частную операцию по окончательному окружению демянской группировки врага. Во время подготовки операции разгорелись споры о методе артиллерийского обеспечения наступающих войск. Выдвигалось два предложения. Артиллеристы настаивали на классическом методе артподготовки — с пристрелкой, с разрушением обнаруженных дзотов, блиндажей, с огневым сопровождением. Представителигвардейских минометных частей настаивали на внезапном огневом налете всеми артиллерийскими средствами, и главным образом гвардейскими минометными частями. Артиллерии предлагалось наносить удар по переднему краю с широким применением стрельбы прямой наводкой, а гвардейским минометным частям — по узлам сопротивления, расположенным в первой полосе обороны. Затем предполагался перенос огня в глубину и на фланги с немедленной атакой пехоты.

Так как наступление готовилось с двух участков, но в одном

общем направлении, спор об артподготовке был решен «третейски»: на одном участке решили проводить артподготовку по классической схеме, а на втором — методом внезапного огневого удара.

3 мая началась операция. В итоге оказалось, что там, где артподготовка проводилась по классической схеме, наша пехота успеха не имела и осталась на прежних позициях. На участке же, где был применен внезапный огневой удар, передовые батальоны продвинулись на 1,5–2 километра. Но так как на другом участке атака наших войск захлебнулась, противник имел возможность перебросить резервы туда, где обозначился успех наших войск. В результате врагу удалось приостановить нате наступление и на этом направлении. Стало очевидно, что в условиях лесисто-болотистой местности с ограниченной видимостью и совершенно непросматриваемой глубиной обороны противника лучший метод артиллерийского обеспечения — внезапный огневой удар на узком фронте прорыва с высокой плотностью огня, надежное обеспечение флангов огнем артиллерии и гвардейских минометных частей, а также стремительная атака пехоты сразу же после огневого налета. Преимущество такого артиллерийского обеспечения прорыва обороны противника неоднократно потом подтверждалось и на других фронтах.

Из Москвы я получил распоряжение выехать на левое крыло фронта, где находились другие гвардейские минометные части. Дороги уже достаточно подсохли, и через двое суток я прибыл в полк, которым командовал Герой Советского Союза гвардии майор Казбек Дриссович Карсанов. Это был высокий статный мужчина с красивой черной бородой. Волевое лицо, спокойные, уверенные движения, рассудительность внушали уважение и симпатию к этому человеку. Забегая вперед, скажу, чтоКазбек Дриссович окончил войну в звании генерал-майора, командуя 7-й гвардейской минометной дивизией.

После беглого ознакомления с дивизионом, который был расположен недалеко от штаба части, мне стало ясно, что полк боеспособен. Вместе с Карсановым мы наметили план проверки дивизионов и тылов полка. Но осуществить эту проверку не пришлось, так как я вскоре получил приказ выехать в Москву. Прежде чем вернуться в столицу, я заехал в штаб фронта, чтобы увидеть генерала Ю. П. Бажанова, с которым мне до сих пор не удалось встретиться, и члена Военного совета опергруппы гвардейских минометных частей фронта полковника Г. С. Должикова. Я доложил им о результатах проверки, передал свое впечатление о полках и в целом о группе. Оно было хорошим. Несмотря ни на что, полки остались боеспособными, моральное

состояние их — высоким.

Временные затруднения в обеспечении частей продовольствием и боеприпасами Юрий Павлович объяснял тем, что они не ожидали такого внезапного и раннего наступления весенней распутицы, поэтому не успели своевременно завезти все необходимое на период бездорожья.

Расстались мы друзьями. Осенью 1943 года и в 1944 году мы с Юрием Павловичем были на соседних фронтах: он на 1-м, а я на 2-м Прибалтийском. Оба командовали гвардейскими минометными частями. Когда обстановка позволяла, мы навещали друг друга, обменивались боевым опытом. Юрий Павлович был замечательным товарищем, требовательным и заботливым военачальником. Наша дружба сохранилась и после войны.

Последний раз с маршалом артиллерии Ю. П. Бажановым мы виделись 8 августа 1974 года в Диканьке, во время встречи ветеранов 4-го гвардейского минометного полка.

Глава девятая.
На Южном фронте

Как только я вошел в кабинет к генералу Аборенкову и доложил о возвращении, он вызвал к себе членов Военного совета П. А. Дегтярева и Л. М. Гайдукова. Я доложил им о результатах проверки.

— Да, у Бажанова все приходит в норму, — сделал вывод Аборенков. — А вот на Южном фронте далеко не все благополучно. Вам придется выехать туда. Поедете в опергруппу, где начальником Герой Советского Союза полковник Л. М. Воеводин. Он храбрый офицер, имеет боевой опыт, но ему надо помочь. В составе оперативной группы три полка и два отдельных дивизиона. Не исключена возможность, что вам придется вступить в командование группой, поэтому внимательно изучайте обстановку, состояние частей. О ходе проверки информируйте меня. Когда прибудете в Старобельск, в штаб фронта, сразу явитесь к командующему фронтом.

Через сутки я был в Старобельске у командующего фронтом генерала Р. Я. Малиновского. Он любезно принял меня, поинтересовался моим боевым опытом. После короткой беседы сказал:

— Приступайте к работе. Если будут обнаружены серьезные недостатки, сообщайте немедленно, а подробный доклад сделаете после окончания проверки.

Осенью 1941 года после тяжелого отхода из Харькова Старобельск показался мне серењким и скучным городишком. Сейчас, в разгар весны, он выглядел почти празднично. Уже знакомыми улицами я отправился в штаб опергруппы. Самого Воеводина в Старобельске не было.

Он находился в войсках, но где точно, никто в штабе не знал.

Свое предписание я предъявил начальнику штаба подлолковнику Г. В. Осмоловскому, который производил впечатление энергичного и волевого командира. Он позвонил члену Военного совета группы полковнику П. А. Лапаеву и доложил, что прибыл инспектор. Через некоторое время пришел Лапаев.

— Когда прибудет Воеводин? — поинтересовался я.

Он этого точно не знал.

— В таком случае не будем терять времени, — сказал я. — До его возвращения вы меня познакомьте с делами на фронте, расскажите, где находятся полки и в каком они состоянии. После

этого составим план проверки частей. Прошу выделить мне для сопровождения офицера, машину и, разумеется, хорошего водителя.

Членами Военного совета этой группы были полковник П. А. Лапаев, полковой комиссар М. И. Дрожжин и полковой комиссар И. Н. Ломаковский. К моменту моего прибытия Дрожжин и Ломаковский также находились в войсках.

По плану проверки частей я должен был начать с артсклада, расположенного на окраине Старобельска, а затем выехать во 2-й полк и 48-й дивизион, которые находились на правом крыле фронта, на участке 9-й армии, недалеко от Изюма. Однако дела на фронте сложились так, что пришлось срочно выехать во 2-й полк.

18 мая 1942 года около 12 часов дня мы прибыли во 2-й гвардейский минометный полк. Его командир полковник И. С. Шенкер доложил, что противник прорвал фронт и наши войска отступают. Со штабом армии нет связи...

— Где ваши дивизионы? — спросил я.

— Дивизионы на этом берегу, на выжидательных позициях в лесу, — ответил полковник. — Переправить их на западный берег Донца нельзя: половодье. Есть небольшой паром, но он очень медленно ходит.

Северский Донец широко разлился, вода затопила многие деревья и кусты. Верхушки их выступали над серебряной гладью зелеными островками. Вдали слышалась артиллерийская канонада, в воздухе непрерывно кружились вражеские самолеты. Горизонт заволакивало дымом.

Было ясно, что основной бой разгорится за переправу через Донец. Поэтому я приказал полковнику Шенкеру один дивизион развернуть для прикрытия переправы, а два направить в Изюм.

Через некоторое время Шенкер доложил, что два дивизиона отправлены к Изюму, а слева, в пяти километрах, развернут 2-й дивизион капитана С. Д. Дорохова и 48-й отдельный дивизион старшего лейтенанта П. В. Логинова, там находится и командующий опергруппой.

Полковника Воеводина я нашел на наблюдательном пункте командира 48-го дивизиона.

В это время передовые немецкие части уже кое-где подходили к Северскому Донцу. Артиллерии здесь было мало, и залпы гвардейских дивизионов, возглавляемых Воеводиным, сыграли решающую роль. Продвижение гитлеровцев было приостановлено. Воеводин четко и уверенно управлял огнем. Под артиллерийским обстрелом и во время налета авиации вел себя мужественно. Видно было, что этот человек обладает большой

силой воли.

Разгоряченный боем, Воеводин сказал:

— Здорово мы дали фрицам прикурить. Форсировать Донец им теперь не удастся.

— Серьезная опасность нависла сейчас над нашими частями в районе Изюма, — подчеркнул я. — Фашисты будут стремиться захватить мост. Считаю целесообразным выехать в Изюм, установить связь со штабом 9-й армии.

— Это правильно, — согласился Воеводин. — Поезжай туда и помоги Шенкеру. Да, вот еще что имей в виду: завтра утром в Изюм должен прибыть 43-й гвардейский минометный полк. Он сегодня выступил из Ворошиловграда. Постарайся его встретить.

— Непременно.

Попрощавшись с Воеводиным, я помчался в Изюм. До предела напряженный день подходил к концу. Сгущались сумерки...

С капитаном Смирновым в кромешной тьме мы пробирались лесом к Изюму, долго петляли по незнакомым лесным дорогам. У обочины дороги под деревьями увидели темные силуэты боевых машин. Это стоял дивизион 2-го полка. Разыскав командира, я спросил, почему они остановились в лесу, а не вышли к Изюму.

— Товарищ полковник, — ответил командир дивизиона, — разведка доложила, что из Изюма двигаются грузовые машины и подводы.

Я вспылил:

— Вы свою задачу знаете? Ведь вам было приказано сосредоточиться в лесу, в пяти километрах южнее Изюма, связаться с частями, обороняющими город, помочь им огнем! Предупреждаю, на рассвете буду там, где к этому времени должен быть готов к бою и ваш дивизион!

Не доезжая до Изюма километров десять, мы встретили поток машин и подвод. Некоторые тыловые подразделения и население покидали город.

Севернее Изюма в лесу мы наткнулись на артиллерийский склад оперативной группы гвардейских минометных частей Юго-Западного фронта полковника Зубанова. Начальник склада доложил, что в лесу хранятся снаряды в штабелях, вывезти их не на чем, транспорта нет, а связь со штабом группы отсутствует. Он чуть ли не со слезами на глазах умолял помочь ему.

— Отпускайте ваши снаряды 2-му и 43-му полкам Южного фронта, — сказал я.

— Да как же можно другому фронту без разрешения командования? — взмолился начальник склада.

— Всю ответственность за расход снарядов беру на себя!

Начальнику артсклада я оставил письменное распоряжение

отпускать снаряды 2-му и 43-му полкам по их требованию, Зубанову написал записку, объясняющую мое решение.

Вскоре в этом же лесу мы нашли штаб 9-й армии, вернее, пока место, где он сосредоточивался. Под развесистой березой прямо на земле сидел крайне усталый командующий армией генерал-майор Ф. М. Харитонов.

Вместе с двумя офицерами он склонился над развернутой на земле картой. Я представился генералу, предъявил документы, сказал, что знаю тяжелую обстановку на участке армии и тем не менее прошу помочь вывезти снаряды.

Командующий, выслушав меня, вздохнул и проговорил с укоризной:

— Полковник, нам орудия нечем возить... — Но, подумав, сказал: — Действительно, что делать?! Не можем же мы оставить врагу секретное оружие...

Командарм вызвал начальника тыла и приказал ему весь автотранспорт тыла и штаба срочно отправить на вывозку снарядов.

— Спасибо за помощь, товарищ генерал! — обрадовался я. — Рад сообщить вам, что в район Изюма прибыло два дивизиона 2-го полка и подходит 43-й гвардейский минометный полк М-13.

— Вот это дело! Ваша помощь нам сейчас нужна до зарезу! Наши части с трудом сдерживают противника, он рвется к мосту. С минуты на минуту ждем его нового наступления...

— Задача мне ясна, — ответил я. — Разрешите действовать? К вам в штаб пришлю офицера связи. Сейчас еду встречать 43-й полк. Он на подходе к Изюму.

— Ну что ж, еще раз спасибо за добрую весть. А мы здесь никак не можем связаться со штабом фронта. От бомбежки пострадали наши радиостанции. Прошу как можно скорее поставить задачу своим дивизионам, и пусть они сами свяжутся с передовыми батальонами. Мы, к сожалению, точно не знаем, где сейчас находятся командные пункты дивизий и их штабы.

Оба дивизиона 2-го полка прибыли в указанное место и заняли боевой порядок. Вперед были высланы офицеры для поддержания связи с передовыми стрелковыми частями, занимающими оборону по западному берегу Северского Донца. Каждый дивизион выделил по десять машин для переброски снарядов.

Примерно в пятнадцати километрах юго-восточнее Изюма мы с капитаном Смирновым встретили колонну 43-го гвардейского минометного полка во главе с его командиром подполковником М. П. Гороховым. Перед ним была поставлена задача ускорить выдвижение полка и быть готовым к боевым действиям. На карте

я указал Горохову районы огневых позиций и наблюдательных пунктов, а также место штаба 9-й армии, куда следовало выслать офицера связи, показал положение наших обороняющихся частей, районы, по которым, возможно, придется вести огонь, предупредил, что освободившиеся машины из-под снарядов надо немедленно направлять в артсклад группы Зубанова и в дальнейшем снаряды получать с этого склада.

Пока мы встречали 43-й полк, на западном берегу реки начался бой. Противник рвался к переправам. Надмостом и нашими передовыми позициями непрерывно кружили «юнкерсы».

Фашистские цепи двигались к мосту. Дивизионы 2-го полка произвели по два залпа. Но с их наблюдательных пунктов местность на противоположном берегу просматривалась плохо, и им не было видно, что главная опасность нависла над правым флангом, на западной окраине Изюма. С высоты же, что находилась в трех километрах юго-восточнее города, хорошо просматривался не только западный берег, но и дальние подступы к нему. Поэтому мы со Смирновым выехали к высоте.

С гребня высоты в бинокль были видны атакующие цепи гитлеровцев, подтягиваемые из глубины резервы в ротных колоннах, движущиеся танки и автомашины. Противник теснил наши части. У моста передовые цепи врага захватили правобережные высоты и спускались к реке. Назревала угроза захвата переправы. Дать огонь по атакующим гитлеровцам с закрытых позиций на этой дальности было невозможно, так как противник узким клином врезался в нашу оборону в направлении моста. Эллипс рассеивания снарядов будет вытянут по фронту. Открыть огонь — значило нанести поражение и своим частям. К сожалению, нашей артиллерии на этом участке фронта было очень мало. Она своим редким огнем уже не могла сдержать натиск врага. Что делать? Как помочь нашим частям?

— Товарищ полковник, смотрите! — закричал капитан Смирнов. — Показалась колонна Горохова.

И правда. Сзади нас, примерно в двух километрах, шел дивизион 43-го полка. Решение созрело мгновенно: вывести дивизион на высоту и дать залп прямой наводкой через Изюм.

Расстояние до противника — три-четыре километра. Его передовые цепи, танки, отдельные машины спускаются по пологому склону к мосту. Условия для стрельбы прямой наводкой идеальные. Мы помчались навстречу нашим. Впереди увидели Горохова и командира дивизиона.

— Товарищ подполковник! — обратился я к Горохову. — Зарядите боевые машины и выводите их вон на ту высоту. Враг идет в атаку, дайте по нему залп прямой наводкой!

Горохов смотрел на меня с удивлением:

— Товарищ полковник, нас тут немедленно накроют артиллерийским огнем и разбомбят сверху! Посмотрите, что делается вокруг.

Я повторил распоряжение тоном, не допускающим возражения:

— Немедленно выводите один дивизион на высоту! Остальные разверните, как вам было указано раньше.

Я понимал душевное состояние командира полка: не успели прибыть на фронт, как прямо с марша в бой, да еще огонь с открытой позиции. Но иного выхода не было. Требовалось во что бы то ни стало остановить врага перед мостом.

Заряженные машины развернутым строем вышли на гребень высоты. Командирам батарей мы показали на местности общую точку прицеливания, точно определили по карте положение цели, огневой позиции, а также дальность стрельбы. Чтобы не допустить ошибки и не поразить свои войска, произвели четыре пристрелочных выстрела. Снаряды легли хорошо. И вот подается команда:

— По врагам нашей Родины, огонь!

Через несколько секунд склоны высоты на том берегу окутались серым дымом, а боевые машины одна за другой ушли в лес.

Дивизиону было приказано снова зарядить установки и быть готовому к повторному залпу. Результат оказался отрадный. Склоны высоты, обращенные в нашу сторону, способствовали сокращению рассеивания снарядов. Наклон значительно увеличил плотность огня. В районе удара горели танки, валялись трупы фашистов...

Уцелевшие гитлеровцы в панике побежали обратно. Наступление немцев было приостановлено. Подходящие из глубины вражеские колонны стали расчленяться и скрываться в лощинах. Огонь, видимо, оказался неожиданным и для наших войск. Не имея приказа, они не перешли в наступление, как это обычно бывало вслед за удачными залпами наших «катюш». Между тем самолеты противника над нами не появлялись, да и артиллерия не била по высоте. Нельзя было упускать удобный случай. Мы повторили залп, но положили его дальше, в глубину, по вторым эшелонам противника.

Только мы успели отвести в лес боевые машины, как на высоте стали рваться снаряды, а еще через несколько минут над ней появились пикирующие бомбардировщики. Но высота уже опустела. Дивизион 43-го полка, оказавший большую помощь оборонявшимся войскам 9-й армии, уже успел отойти на

несколько километров в глубь леса. Остальные дивизионы занимали боевые порядки и устанавливали связь с общевойсковыми и артиллерийскими начальниками этого направления.

Итак, на участке 9-й армии в районе Изюма было сосредоточено пять дивизионов «катюш». Еще два дивизиона действовали южнее, там, где находился Воеводин.

За 19 и 20 мая фронт стабилизировался. Все снаряды артсклада группы Зубанова были переброшены на 30–40 километров в тыл Юго-Западного фронта.

22 мая, будучи у командующего 9-й армией, я поблагодарил его за оказанную помощь в эвакуации снарядов, а он в свою очередь поблагодарил гвардейцев за огневую поддержку.

На обратном пути я побывал во 2-м и 43-м полках, а также в 48-м отдельном дивизионе. Знакомство мое с дивизионами было кратким: проверка их боеспособности произошла в бою.

Я был вынужден выехать в штаб фронта, не повидав Воеводина — он был в частях, — хотя мне очень хотелось поделиться с ним своими оценками и выводами.

В штабе фронта в присутствии члена Военного совета дивизионного комиссара И. И. Ларина и начальника штаба генерала А. И. Антонова, я доложил командующему фронтом генералу Р. Я. Малиновскому о событиях, происшедших в районе Изюма, о действиях гвардейских минометных частей, о распорядительности командующего 9-й армией, который помог эвакуировать артсклад, о храбрости полковника Воеводина.

В конце нашей беседы генерал Малиновский сказал, обращаясь ко мне:

— Вы теперь достаточно хорошо ознакомились с состоянием частей опергруппы нашего фронта. Предлагаю вам вступить в командование группой. Об этом я уже говорил с генералом Аборенковым. Слов нет, Воеводин храбрый офицер и грамотный артиллерист, но это еще не все...

Я поблагодарил командующего фронтом за оказанное доверие и принял его предложение.

— Вот и хорошо, — заключил Малиновский, — с завтрашнего дня вступайте в командование гвардейскими минометными частями фронта. Об этом решении Воеводин будет мною поставлен в известность. Прошу представиться членам Военного совета фронта товарищам Корнийцу, Сыромолотному, командующему артиллерией генералу Жуку и начальнику тыла генералу Щебунину.

Так кончилась моя короткая инспекторская служба.

Глава десятая. Командую оперативной группой

В конце мая 1942 года штаб Южного фронта, а вместе с ним и штаб оперативной группы гвардейских минометных частей переместились из Старобельска в Ворошиловград.

Штаб группы был укомплектован способными и грамотными офицерами. Особенно выделялись четкостью в работе помощник начальника штаба майор В. В. Русанов и начальник оперативного отделения капитан М. А. Якушев. Завделопроизводством лейтенант П. В. Шамов имел изумительную память. Он помнил номера приказов и директив, номера дел, в которых они подшиты, знал на память численность личного состава полков, наличие в них боевых машин и снарядов. Я часто брал его с собой в войска и был уверен, что он запомнит все необходимые сведения и аккуратнейшим образом нанесет обстановку на карту. Приятное впечатление производили и остальные офицеры штаба: капитан Н. А. Смирнов, старший лейтенант И. С. Щучка, старший лейтенант М. Г. Парамонов и другие.

Вскоре в Москву был отозван член Военного совета группы П. А. Лапаев. С М. И. Дрожжиным и И. Н. Ломаковским у меня установились самые добрые деловые отношения.

В мае из Москвы к нам прибыла подвижная ремонтная мастерская (ПРМ-6) во главе с опытным ремонтником и хорошим организатором военным инженером 3 ранга А. Ф. Алферовым и комиссаром капитаном Ф. Новосадом. ПРМ-6 была отлично оснащена станочным оборудованием, силовыми агрегатами и запчастями. Потом, во время тяжелых оборонительных боев и отхода войск Южногофронта, она сыграла очень большую роль в деле ремонта и восстановления подбитых боевых и транспортных машин.

Тылы нашей группы состояли из артиллерийского склада, который с большим запасом снарядов перебазировался в Белую Калитву, отделения ГСМ, ПРМ и санитарной службы. Эти тыловые подразделения возглавлял начальник отделения артиллерийско-технического снабжения майор И. А. Евсюков, волевой, инициативный офицер. В тяжелых оборонительных боях он обеспечивал части боеприпасами, горючим и своевременно организовывал эвакуацию артсклада и ремонтных средств вместе с подбитыми и неисправными машинами.

После переезда в Ворошиловград свое знакомство с частями группы я начал с 8-го гвардейского минометного полка, который

находился недалеко от Дзержинска. В то время им командовал подполковник А. М. Лобанов. Знающий артиллерист, рассудительный и требовательный командир, он пользовался большим уважением у всего личного состава. Комиссаром полка был батальонный комиссар Б. С. Хохлов, окончивший перед войной Военно-политическую академию имени В. И. Ленина. Это был исключительно внимательный, тактичный человек. Хорошее впечатление производил и начальник штаба полка майор Х. А. Макарьян.

Я был приятно удивлен, встретив в этом полку капитана Н. В. Скирду, одного из артиллеристов, которых я отобрал под Ельней для укомплектования первых полков реактивной артиллерии. В 8-м гвардейском минометном полку он командовал 1-м дивизионом.

Разумеется, знакомство с полком я начал с этого дивизиона. Туда мы прибыли вместе с подполковником Лобановым. В ходе знакомства выяснилось, что Скирда требовал от всего личного состава отличного владения не только техникой, но и приемами рукопашного боя. Каждый боец и командир должны были уметь стрелять из автомата, метать гранаты, преодолевать разного рода препятствия, совершать быстрые перебежки, ползать по-пластунски. Вокруг позиций были отрыты щели и глубокие ячейки для одиночных бойцов.

— Ну что ж, хорошо, что вы учите гвардейцев всему, что нужно в бою, — сказал я Скирде, — однако надо проверить, как вы их научили главному делу.

Мы подняли дивизион по тревоге, вывели его в поле и развернули в боевой порядок. Были тщательно проверены исходные данные для стрельбы по заданным целям. Личный состав дивизиона показал хорошую слаженность и натренированность.

— Капитан Скирда, — сказал я старому товарищу, — нравится мне ваш метод. Вы учите именно тому, что нужно на войне. Но скажите, стрельбе прямой наводкой дивизион обучен?

— Нет.

— А почему?

— Да ведь наши установки не позволяют вести огонь ближе двух километров, какая же тут прямая наводка?

— Прямая наводка для противотанковой артиллерии — одно, для наших же систем — совсем другое. Это мощный огневой шквал на минимально допустимой дальности стрельбы.

Услышав такое, Скирда развел руками:

— Товарищ полковник, мы до этого не додумались.

— Ну что ж, будем думать вместе. Сегодня проведем учебно-

показательную стрельбу одной батареей. В условиях нашего фронта мы должны быть готовы к стрельбе именно прямой наводкой.

Во второй половине дня на специально выбранной местности в присутствии командиров батарей и дивизионов полка мы провели учебно-показательную стрельбу прямой наводкой. Из-за большого рассеивания по дальности стрельба одиночными снарядами не произвела сильного впечатления, особенно на тех, кто видел стрельбу прямой наводкой ствольной артиллерии. Но зато залп установки был впечатляющим. Выпущенные за шесть — восемь секунд шестнадцать снарядов начали почти одновременно рваться в узкой полосе сектора огня. Первые разрывы легли в четырехстах метрах от огневой позиции. Для уменьшения дальности стрельбы установка была поставлена под уклон. Прямых попаданий в расставленные щитовые мишени не было, но почти все они были поражены осколками. Все поняли, что этому способу стрельбы надо учиться.

...Через несколько дней я познакомился с 14-м отдельным гвардейским минометным дивизионом моряков. С офицерами штаба капитаном Смирновым и старшимлейтенантом Щучкой мы прибыли в село Почтовый Яр, где располагался этот дивизион.

В штабе нас встретили два флотских офицера. Один из них был капитан-лейтенант Москвин — командир, второй — батальонный комиссар Юровский — комиссар дивизиона.

Москвин доложил мне о состоянии дивизиона, дал характеристику командному составу. Дивизион был укомплектован моряками Краснознаменного Балтийского флота. Это были мужественные люди, испытанные в боях.

В дивизионе свято сохранялись флотские традиции. Например, через каждые полчаса дежурный отбивал склянки так же, как это делалось на военных кораблях. Когда я спросил Москвина, не мешают ли колокольные удары отдыхать морякам, он удивленно посмотрел на меня:

— Что вы, товарищ полковник, когда моряки слышат склянки, они спят спокойнее.

Обращала на себя внимание и традиционная морская терминология: «камбуз», «кок», «рапорт», «склянки».

Командир дивизиона Арсений Петрович Москвин в 1937 году окончил Севастопольское училище береговой обороны. Его направили на Краснознаменный Балтийский флот. На эсминце «Гневном» он командовал БЧ-2, был старпомом, участвовал в боях с белофиннами, затем служил в Управлении кадров ВМФ. Как только началась Великая Отечественная война, Москвин подал рапорт об откомандировании в действующий флот. Получил

отказ. Но во время тяжелых боев под Вязьмой его назначили командиром батареи, входившей в артиллерийскую группу ВМФ. Его батарея была тогда вооружена самыми современными орудиями крупного калибра, способными наносить врагу большой урон. Когда под Вязьмой наши части оказались окруженными, орудия пришлось взорвать. Под командованием Москвина моряки пробились к своим.

Батальонный комиссар Евгений Яковлевич Юровский в первые дни Великой Отечественной войны был комиссаром батареи под Ржевом. После выхода из окружения его так же, как и Москвина, назначили в 14-й отдельный гвардейский минометный дивизион моряков.

В этот же дивизион пришли командирами батарейвыпускники Севастопольского училища береговой обороны лейтенанты Н. М. Павлюк и Д. Н. Бериашвили.

Москвину и Юровскому посчастливилось и на суше возглавить боевой коллектив моряков.

Познакомившись с командным составом дивизиона, мы пошли обедать в офицерскую столовую, которая была устроена во дворе штаба под навесом. Моряки называли ее «кают-компанией». В дни затишья офицеры дивизиона обедали в «кают-компании» все вместе. Надо ли говорить, что это еще больше сближало их.

Во время обеда я спросил Москвина, обучен ли дивизион стрельбе с открытых позиций прямой наводкой. Оказалось, что и моряки впервые слышали об этом.

Я приказал провести показательную стрельбу прямой наводкой. Для сокращения дальности огня под передними колесами боевых машин вырыли канавки с таким расчетом, чтобы минимальный угол возвышения был около пяти — десяти градусов. Командиров батарей предупредили, что при нулевом угле возвышения на ровной местности снаряды ложатся недалеко от боевых машин. Это может привести к их поражению. В данном случае опасности не было: перед огневой позицией имелась лощина, а мишени были расставлены за ней, на склоне. Залп одной боевой установки оказался удачным: имелось прямое попадание в «танк», остальные мишени были поражены крупными осколками.

В последних числах июля и начале августа в боях под Ростовом и в Сальских степях 14-й дивизион широко применил этот способ стрельбы.

На Южном фронте с 20 мая по 15 июля 1942 года стояло затишье. Однако оперативные сводки Генерального штаба, агентурные данные и данные авиационной и войсковой разведок свидетельствовали, что это затишье перед бурей. Гитлеровское

командование, стремясь захватить стратегическую инициативу, решило на юге страны сосредоточить крупные силы, овладеть Кавказом с его нефтью, выйти к Волге, захватить Сталинград. К 5 июля ценой больших потерь противнику удалось преодолеть оборону советских войск на стыке Брянского и Юго-Западного фронтов и выйти к Дону. Ожесточенные бои завязались в районе Воронежа.

17 июля 6-я, а затем и 4-я танковая армии гитлеровцев были повернуты на юго-восток и начали развиватьнаступление вдоль правого берега Дона на Кантемировку и Миллерово, пытаясь окружить и уничтожить советские части на правобережье.

Войскам фронта пришлось срочно создавать глубоко эшелонированную оборону. Для строительства оборонительных сооружений привлекались не только войска, но и местное население. Создавались противотанковые рвы, надолбы, доты и дзоты.

Наши части занимались боевой подготовкой, накапливали боеприпасы, горючее, продовольствие. Проводилось доукомплектование людьми и боевой техникой.

Командование предупредило нас, что гитлеровцы против нашего фронта имеют численное превосходство в танках, моторизованных войсках и авиации.

В эти дни протяженность Южного фронта составляла около трехсот километров. В его составе было пять армий. Однажко гвардейских минометных частей имелись всего четыре полка — 8, 43, 49 и 67-й и два отдельных дивизиона — 101-й и 14-й. 2-й полк и 48-й дивизион были переданы в состав Юго-Западного фронта. Вместо них из Москвы прибыл 67-й полк.

Решением командования фронта гвардейские минометные части были выдвинуты на наиболее ответственные направления. На правый фланг 37-й армии — 43-й и 49-й полки, в центр, западнее Дзержинска, — 8-й. На участке 56-и армии находились два отдельных дивизиона; 67-й гвардейский минометный полк был в резерве.

Учитывая условия степной местности и превосходство противника в танках и моторизованных войсках, мы готовили свои части к маневренным боям. При подготовке батарей и дивизионов большое внимание уделялось обучению стрельбе прямой наводкой. Штабом группы была разработана временная инструкция для такой стрельбы.

Хорошо подготовленной и обученной стрельбе прямой наводкой батарее нужно было три — пять минут на то, чтобы выехать из укрытия, произвести залп и уйти в укрытие. За такое короткое время ни артиллерия, ни авиация противника накрыть

ее огнем не успевали.

Исключительно большая работа проводилась в частях по выбору и оборудованию запасных огневых позиций и наблюдательных пунктов в полосах действий поддерживаемых армий, по разведке и рекогносцировке дорог, накапливанию боеприпасов.

15 июля 1942 года началось наступление немецко-фашистских войск на юге нашей страны. Преодолев сопротивление частей Юго-Западного фронта, 4-я танковая и 6-я армии гитлеровцев подходили к Миллерово. Создалась угроза левому флангу и тылам Южного фронта. В это же время 1-я танковая армия противника перешла в наступление на правом крыле Южного фронта. Главный удар гитлеровцы наносили на участке Изюм, Лисичанск, в стык Южного и Юго-Западного фронтов. При мощной авиационной поддержке 1-я и 4-я танковые армии врага прорвали фронт и устремились к Сталинграду и Кавказу.

Наиболее тяжелые бои на правом крыле Южного фронта пришлось вести 37-й армии. Танковые и механизированные колонны противника форсировали в нескольких местах Северский Донец. Правофланговые дивизии и штаб 37-й армии вынуждены были отходить. Во время отхода связь штаба армии со штабом фронта нарушилась.

Командующий фронтом генерал Малиновский приказал мне срочно выехать в 37-ю армию, разыскать штаб, уточнить положение армии и проверить, как используются 43-й, 49-й гвардейские минометные полки, находившиеся в ее оперативном подчинении.

16 июля 1942 года мы с капитаном Смирновым на вездеходе по временному мосту переправились через Северский Донец. Недалеко от переправы, на опушке леса, встретили дивизион 43-го гвардейского минометного полка. Командир дивизиона доложил, что части армии, в том числе и наши полки, отходят. Мы поехали дальше. В одной из деревень, расположенной в долине небольшой речки, к нам подъехал начальник разведки дивизиона 43-го полка. Он взволнованно доложил, что с северо-востока идут фашистские танки и мотоколонна, расстояние до них шесть — восемь километров.

Справа от нас находилась возвышенность. Мы решили выехать туда. Я приказал начальнику разведки следовать навстречу дивизиону и срочно вывести его на огневую позицию, на западную окраину деревни, протянув оттуда телефонную связь к нам на высоту.

— Товарищ полковник, — обратился ко мне начальник

разведки, — разрешите тянуть связь прямо от вас в район огневой позиции. Со мною в машине связисты, а у них есть катушка с проводами, телефонные аппараты.

— Отлично, это ускорит дело, — ответил я.

Не успели связисты проложить линию, как боевые машины заняли огневую позицию. За это время Смирнов по карте подготовил исходные данные для стрельбы. Как только подключили телефонные аппараты, мы передали эти данные на огневую позицию.

После контрольных выстрелов прогремел залп. Слева от нас прошумели снаряды, а через несколько секунд танки и мотоколонну противника заволокло сплошной пеленой дыма. На этой дальности стрельбы эллипс рассеивания снарядов приближался к кругу, поэтому все танки врага, шедшие развернутым фронтом, и значительная часть мотоколонны были накрыты залпом.

Когда дым рассеялся, мы увидели, что уцелевшие танки и машины, изменив направление, быстро уходят на северо-восток.

После залпа нас разыскал офицер из штаба 37-й армии. Он и указал нам его месторасположение.

Прибыв в штаб армии, я доложил командующему армией генерал-майору П. М. Козлову и командующему артиллерией генерал-майору М. И. Неделину, что прибыл от командующего фронтом, и сообщил о произведенном залпе.

— Мы слышали ваш залп. Он для нас был неожиданным, — озабоченно сказал Козлов.

Я объяснил причины. Козлов и Неделин попросили передать благодарность командиру дивизиона и всем гвардейцам.

Вскоре от дивизиона «катюш» к штабу армии была проложена телефонная линия. Генерал Неделин принимал энергичные меры для установления связи с артиллерийскими частями, которые должны были отходить на этот рубеж. По рации мне удалось связаться со штабами 43-го и 49-го полков. Их командиры М. П. Горохов и И. А. Сухушин сообщили, что они поддерживают дивизии, которые ведут арьергардные бои.

Получив от генерала Козлова сведения о положении армии и последующих рубежах отхода, поздно вечером мы со Смирновым выехали в Ворошиловград.

Ночью 16 июля 1942 года Военный совет утвердил план отхода войск, разработанный штабом фронта во исполнение директивы Ставки. 16 июля войска Южного фронта начали отход на Новочеркасск, Ростов.

На основании того же плана штаб нашей оперативной группы разработал план обеспечения боевых действий гвардейских

минометных частей фронта в оборонительных боях. При этом главное внимание обращалось на поддержание устойчивой связи с частями. В плане особое место занимали вопросы обеспечения боеприпасами и горючим. Наиболее сложной задачей была своевременная эвакуация накопленных в частях боеприпасов, а также боеприпасов, имевшихся на артскладе группы в районе Белой Калитвы. К началу эвакуации на складе было 7320 снарядов М-8 и 11 450 снарядов М-13. О быстрой переброске такого количества снарядов на дальнее расстояние силами автотранспорта склада не могло быть и речи. Рассчитывать на помощь фронта и армии тоже не приходилось. Единственно возможным способом эвакуации боеприпасов являлась последовательная переброска их от рубежа к рубежу на 50–60 километров транспортом артсклада и частей. Кроме того, надо было обеспечивать эвакуацию подвижной ремонтной мастерской с неисправными боевыми и транспортными машинами. Зная направления отхода армии, мы соответственно намечали рубежи последовательной переброски снарядов, горючего и ремонтных средств. Одновременно отрабатывались и запасные варианты на случай изменения обстановки. Были намечены и пункты сбора в глубоком тылу при потере связи и отрыве частей при отходе. Эти запасные варианты нам потом очень пригодились. Они помогли отыскать многие отставшие, заблудившиеся подразделения и отдельные машины. И, конечно, неоценимую услугу гвардейским минометным частям оказал единый опознавательный знак «V», который был установлен моим приказом, как только я вступил в командование оперативной группой.

Все наши части — полки и отдельные дивизионы — были обеспечены радиостанциями и имели прямую связь со штабом группы, который всегда находился при штабе фронта или при его временном полевом управлении (ВПУ). Кроме того, была налажена взаимная информация частей и передача распоряжений через офицеров связи. Это позволяло своевременно ориентировать командиров частей, где и когда они могут получить боеприпасы и горючее, куда отправить неисправные боевые и транспортные машины, а также правильно и своевременноопределять направление и рубежи переброски боеприпасов с артсклада.

На правом крыле Южного фронта, где сражалась 37-я армия, 19 июля плановый отход войск был нарушен. На отдельных участках образовались большие разрывы между отходящими частями и соединениями. Нарушилось управление войсками и их взаимодействие.

Меня беспокоило большое количество реактивных снарядов,

скопившихся на артскладе, и я решил выехать в Белую Калитву.

Оказалось, что по инициативе комиссара артсклада Г. С. Козлова, решительного и энергичного человека, большая часть снарядов была погружена на баржи, буксируемые пароходом, и отправлена вниз по Северскому Донцу к Ростову. Остальные снаряды пока оставались на восточном берегу Донца.

В это время передовые танковые группы и механизированные части противника уже вышли к Белой Калитве с востока, создавая угрозу артскладу. Снаряды можно было спасти, лишь перебросив их на западный берег реки по железнодорожному мосту и далее в сторону городов Шахты и Новочеркасск. Но в Белой Калитве не оказалось ни вагонов, ни паровозов. Тогда мы решили переправить снаряды по железнодорожному мосту автотранспортом. Чтобы не сломались рессоры при движении по шпалам, машины не догружались. Был установлен строгий график движения, организована быстрая загрузка и выгрузка автомашин. Железнодорожный мост неоднократно подвергался жестокой бомбежке. К счастью, не было ни одного прямого попадания. В течение ночи все снаряды удалось перевезти на западный берег Северского Донца, затем партиями их стали доставлять сначала в город Шахты, а потом в Малый Мишкин, что западнее Новочеркасска.

Эта срочная эвакуация потребовала от водителей и работников артсклада полной отдачи сил. Инициативу и находчивость проявили капитан А. П. Конуров, старшие лейтенанты И. И. Васин и М. Л. Мальцев.

Убедившись, что снаряды перевезены на западный берег, я выехал на станцию Лихая. Нужно было отыскать 8-й полк и узнать о судьбе 67-го полка, с которыми была прервана связь.

Недалеко от Лихой, на полевой дороге, я встретилвездесущего майора И. А. Евсюкова, который, по существу, выполнял обязанности заместителя начальника группы по тылу. От него я узнал, что он уже побывал в Лихой и средствами 8-го полка перебросил оттуда снаряды в Малый Мишкин, часть их передал дивизиону моряков. Евсюков доложил также, что 8-й полк распоряжением штаба фронта переброшен в Новочеркасск, а с 67-м полком связи нет.

День был на редкость жаркий. Ярко светило солнце. Дорогу обступали нивы созревающих хлебов. В хуторах зеленели сады. И вдруг сразу все изменилось. Пикирующие бомбардировщики врага налетели на станцию Лихая. Загорелись железнодорожные составы и привокзальные здания. Черные дымовые облака поднялись вверх, закрывая солнце. Вдали слышался гул артиллерийской стрельбы и рвущихся снарядов.

Мы, не останавливаясь, двигались к станции Лихой. Вскоре нам встретились несколько машин 43 гмп. Офицер, возглавлявший колонну, доложил, что их полк сосредоточивается в деревне Грушовка. Я решил ехать вместе с ними туда, а для розыска 67-го полка послал старшину С. Н. Бальцева на вездеходе.

На окраине деревни Грушовка, у обрывистого берега реки Кундрючья, мы разыскали 43-й полк. Командир полка подполковник М. П. Горохов и командир тяжелого артиллерийского полка подполковник А. И. Ратов решили здесь развернуть свои части, чтобы огнем прикрыть отход войск армии.

— Что известно о противнике? Какие наши стрелковые части обороняют этот рубеж? — спросил я.

— Стрелковых частей здесь нет. По решению командарма, войска 37-й армии должны отойти на рубеж реки Кундрючья, — доложил Ратов.

С Ратовым мы встретились впервые. Он производил впечатление спокойного, умного человека, опытного артиллериста.

Итак, 20 июдя 1942 года на подступах к городу Шахты, у деревни Грушовка, занимали оборону тяжелый артиллерийский полк 152-миллиметровых орудий во главе с подполковником Ратовым и 43-й гвардейский минометный полк подполковника Горохова.

Пользуясь правом командующего ГМЧ фронта, я приказал Ратову часть его орудий поставить на прямую наводку.Условия местности позволяли это сделать. 43-му полку было приказано подготовить огни по участкам возможного сосредоточения противника и по переправам на реке Кундрючья.

Через два часа 152-миллиметровые орудия были поставлены в аппарели на прямую наводку, 43-й полк занял основные огневые позиции. Командиры дивизионов готовили исходные данные для стрельбы по указанным участкам.

Около трех часов дня в Грушовку на автомашинах с сопровождающими офицерами прибыли командующий 37-й армией генерал П. М. Козлов и командующий артиллерией армии генерал М. И. Недедин.

37-я армия в течение этих пяти дней вела тяжелые бои и приняла на себя первый мощный удар врага. Когда генералы П. М. Козлов и М. И. Неделин узнали, что здесь организована оборона силами двух артиллерийских полков, они сразу приняли решение усилить ее отходящими стрелковыми частями и противотанковой артиллерией. Меня же попросили возглавить оборону этого участка до подхода пехоты. На местности Козлов

указал нам район, где предполагалось организовать наблюдательный пункт армии.

Разведка 43-го полка вскоре донесла, что с правого фланга в нашем направлении движутся вражеские танки. Я приказал Горохову выслать на правый фланг дивизион «катюш» и сам выехал вслед за ним.

На марше дивизион атаковали пикирующие бомбардировщики. Батареи быстро рассредоточились. Чтобы не опоздать с открытием огня по танкам и не дать им форсировать речку Кундрючья, по приказу командиров батарей боевые машины на больших интервалах одна за другой выходили на возвышенность и вели огонь прямой наводкой. После залпа установки уходили в лощину, перезаряжались и снова вели огонь. Продвижение вражеских танков было остановлено. Несмотря на налеты бомбардировщиков, гвардейцы действовали самоотверженно.

Дивизион понес сравнительно небольшие потери. Были ранены пять человек, повреждены три боевые машины и одна грузовая.

Через некоторое время другая группа немецких танков пошла в атаку в направлении Грушовки. По нимударили 152-миллиметровые орудия. Ведя огонь прямой наводкой, они подбили три танка, остальные отошли и скрылись в лощине. Но на правом фланге снова появились фашистские танки. Их встретили залпы «катюш» и огонь орудий поолка Ратова.

В то же время артиллеристам приходилось отбиваться и от пикирующих бомбардировщиков. Зенитные батареи подбили один вражеский самолет. С длинным хвостом черного дыма, быстро снижаясь, он скрылся за горизонтом.

Как бы в ответ на это восемь «юнкерсов» один за другим стали пикировать на зенитную батарею полка Ратова. Это была жестокая дуэль. Зенитчики вели огонь, несмотря на рвущиеся на позициях бомбы. Ни один расчет не ушел в укрытие. Вот выведено из строя одно орудие... Второе... Третье... Уцелевшее орудие продолжало стрелять...

Фашистские танки снова пошли в атаку, но и эта попытка врага форсировать реку Кундрючья не удалась. Потеряв еще несколько машин, гитлеровцы отошли.

Наша пехота и противотанковая артиллерия так и не появились на этом рубеже. А разведка между тем доносила, что танковые группы противника обходят наши фланги. Надо было отвести полки на следующий рубеж.

Наступила ночь. Мы начали отходить к городу Шахты. С флангов наш отход прикрывался последовательными залпами

отдельных установок. Ночные залпы «катюш» задержали продвижение вражеских танков. Угроза окружения была ликвидирована. Подбитые установки 43-го полка взяли на буксир тракторы артполка Ратова.

В эту ночь разведка донесла, что в городе Шахты противника нет, а штаб 37-й армии временно разместился в поселке Кадамовском, в пяти километрах юго-восточнее города. Мы решили полки отвести в окрестности поселка Маркин и на южную окраину города Шахты.

В штаб армии я прибыл около двух часов ночи. Генерал Козлов сообщил мне, что частям армии не удалось вовремя отойти на рубеж реки Кундрючья: опередили танки противника — и он принял решение занять оборону на участке северная окраина Шахт, Керчь, устье реки Кундрючья.

— Мы принимаем все меры, чтобы остановить противникана этом рубеже, — сказал Козлов. — Прошу вас, доложите об этом командующему фронтом.

На полуторке 43-го полка с водителем Григорьевым и лейтенантом того же полка (фамилии его, к сожалению, не помню) я выехал в штаб фронта, который по плану отхода в это время должен был находиться в Большом Мишкине, в пяти километрах западнее Новочеркасска. Недалеко от штаба фронта размещались штаб нашей опергруппы ПРМ и часть артсклада.

21 июля рано утром я доложил командующему фронтом генералу Р. Я. Малиновскому о положении дел на участке 37-й армии, о состоянии гвардейских минометных частей, а также о том, что значительная часть снарядов эвакуирована баржами.

Командующий приказал мне снова выехать в штаб 37-й армии, проинформировать командарма об обстановке на участках других армий фронта и обеспечить переправу 43-го и 49-го гвардейских минометных полков на левый берег Дона.

Глава одиннадцатая. Гроза над Новочеркасском

Часов в шесть утра, проскочив Новочеркасск, я снова подъезжал к поселку Кадамовский, где этой ночью находился штаб 37-й армии. Но каково же было мое удивление, когда я увидел, что мост через речку взорван, а штаба армии в поселке уже нет. По разрушенному мосту пешком мы с лейтенантом перешли реку Кадамовская. На юго-восточной окраине поселка увидели боевые и транспортные машины одного дивизиона и штаба 49-го полка во главе с начальником штаба полка майором М. Я. Якушевым, который раньше работал в штабе нашей оперативной группы старшим офицером. Он доложил, что дивизион без снарядов, а машины без горючего.

— Как же так получилось, товарищ Якушев, что вы не смогли обеспечить горючим не только дивизион, но и штаб полка? — строго спросил я.

Вид у Якушева был усталый, впалые щеки и воспаленные глаза говорили не об одной бессонной ночи. Вытянувшись по стойке «смирно», он доложил:

— Товарищ полковник, шестые сутки ведем непрерывные бои. Нас все время перебрасывают туда, где противник прорывает оборону.

— Срочно организуйте поиски горючего в поселке, в МТС и колхозах. Перехватывайте и останавливайте все машины, которые будут появляться. В первую очередь заправляйте боевые установки.

К нашему счастью, вскоре удалось остановить автоцистерну с горючим, которая вторые сутки разыскивала свою танковую часть. Гвардейцы заправили все машины дивизиона и штаба полка.

— Немедленно ведите колонну через поселок Маркин, а затем по Шахтинскому шоссе на Новочеркасск, — приказал я Якушеву.

Машины дивизиона и штаба полка стали вытягиваться на дорогу, а мы с лейтенантом из 43-го полка вернулись к своей полуторке. По западному берегу реки Кадамовская мы двигались также к поселку Маркин, наблюдая за колонной Якушева. Когда она переправлялась на западный берег реки, над ней начали кружиться вражеские самолеты, а с юго-восточной окраины города Шахты показалась группа фашистских танков. Она шла в направлении поселка Маркин, навстречу колонне Якушева. По дороге на Новочеркасск тоже двигались танки противника.

Никто из гвардейцев колонны Якушева не видел танков врага, никто не слышал и наших сигналов, предупреждавших об опасности.

Преодолеть на машине крутые овраги и болотистые ручьи, чтобы предупредить Якушева, не было никакой возможности. Объезжать овраги по Шахтинскому шоссе — значило напороться на танковую колонну фашистов, которая полным ходом шла на Новочеркасск.

Что может быть обиднее, чем видеть и сознавать, какая угроза нависла над боевыми товарищами, и не быть в состоянии им помочь?

— Володя, дорогой, — сказал я, обращаясь к лейтенанту, — сколько есть сил беги через овраги наперерез Якушеву, предупреди его. Пусть развернется и движется к Мелиховской переправе. Сам оставайся с Якушевым, а мы с Григорьевым постараемся обогнать танки и предупредить Новочеркасск.

Лейтенант выпрыгнул из кузова полуторки и побежал наперерез колонне «катюш». В это время она была атакована пикирующими бомбардировщиками и стала рассредоточиваться в лощинах, движение замедлилось. Это позволило Володе вовремя добежать до машины Якушева и предупредить его об опасности. Колонна развернулась и быстро пошла назад.

Между тем вражеские танки, идущие на Новочеркасск, продвинулись далеко вперед. Я знал, что появление их с этого направления явится полной неожиданностью для города.

Параллельными полевыми дорогами на расстоянии полуторакилометров от фашистских танков, обгоняя их, мы мчались к Новочеркасску. На восточной окраине города, в Хутунке, я встретил еще один дивизион 49-го полка, который после ночного марша остановился здесь на привал. Дивизиону было приказано огнем встретить вражеские танки. Мы же помчались дальше.

Въезжаем в город. В нем пока все спокойно. Наша машина останавливается у здания горкома партии. Вбегаю в кабинет секретаря. В это время там шло заседание комитета обороны города во главе с секретарем горкома Алексеем Георгиевичем Кобелевым.

— К городу с востока подходят фашистские танки, — с ходу сообщил я.

Через несколько минут в Новочеркасске была объявлена тревога, выслана охрана к мосту, приведены в боевую готовность части гарнизона и отряды народного ополчения, которые возглавлял доцент индустриального института Иван Федорович Руденко.

Новочеркасск уже длительное время готовился к обороне. На его подступах были сооружены доты, дзоты, вырыты окопы, противотанковые рвы, изготовлены и расставлены ежи и бетонные надолбы. Эти работы проводились под руководством комитета обороны города, горкома партии и горсовета. На строительстве оборонительных сооружений ежедневно работало от 12 до 15 тысяч жителей.

К тому времени эвакуация населения, а также заводов, фабрик, учебных заведений, госпиталей была закончена. В городе из 125 тысяч жителей осталось лишь 43 тысячи.

На заводе имени С. М. Буденного было организовано производство минометов, ликеро-водочный завод выпускал бутылки с горючей жидкостью.

Еще 20 июля линия фронта находилась от Новочеркасска на расстоянии 35–40 километров. Однако в ночь на 21 июля войска 37-й армии были вынуждены оставить город Шахты, и танки противника внезапно подошли к Новочеркасску с востока, что явилось для всех полной неожиданностью.

Меня беспокоила судьба колонны Якушева и готовность к бою дивизиона 49-го полка, и я поспешил в Хутунок. Когда мы переехали мост, то, к своему огорчению, увидели, что дивизион еще не успел занять боевойпорядок. Время было упущено. Я приказал дивизиону немедленно переправиться через мост на западную окраину города и подготовить огонь по Хутунку, а сам решил проскочить на Мелиховскую переправу, куда направилась колонна Якушева.

Навстречу нам, по дороге, идущей из Шахт, бежали люди, мчались машины и подводы, а вслед за ними двигались фашистские танки, поливая пулеметным огнем беженцев.

«Поздно! К Якушеву не попасть», — с горечью подумал я. Мы развернули машину и вернулись в Новочеркасск. Поднимаемся к городской арке. И вдруг видим — в гору медленно ползут два наших танка Т-26. Один тащит на буксире другого. Я выпрыгнул из машины, подбежал к головному танку, вскочил на броню и в смотровую щель крикнул:

— Сзади идут фашистские танки! Они сейчас будут на мосту! Разворачивайтесь!

Танки остановились. Но разворот с буксиром быстро не выполнишь. Когда головная машина развернулась, первые танки врага были уже на мосту. Выстрелом из 76-мм пушки нашим ребятам удалось подбить один немецкий танк на самой середине моста, затем загорелся второй... Ответным огнем гитлеровцы подбили нашу неисправную машину, которая, развернув назад башню, стреляла по противнику. Горящие немецкие танки

образовали на мосту пробку. Танковая колонна фашистов была остановлена. С ходу ворваться в Новочеркасск ей не удалось.

К этому времени на северо-западной окраине города развернулись два дивизиона 8-го гвардейского минометного полка, переброшенного накануне к Новочеркасску.

— Дивизионы готовы открыть огонь по противнику, находящемуся в Хутунке, — доложил мне командир полка подполковник Лобанов, когда я прибыл на его наблюдательный пункт.

«Катюши» дали два дивизионных залпа. Они оказались результативными. Снаряды накрыли живую силу и технику врага.

После наших залпов на наблюдательный пункт командира 8 гмп прибыли командующий артиллерией фронта генерал-майор И. Я. Жук и начальник ростовского укрепрайона генерал-майор П. В. Черняев. В дальнейшем кобороне Новочеркасска были подключены и артиллерийские части, которые под руководством генерала Жука вели огонь по подходившим колоннам врага.

В обороне Новочеркасска принимал участие и дивизион 49 гмп, который из Хутунка успел отойти на западную окраину Новочеркасска. Штаб же 49-го полка и его другой дивизион во главе с майором Якушевым переправились через Дон в районе Мелиховской.

Вечером 21 июля я получил приказ штаба фронта отвести гвардейские минометные части из Новочеркасска в Ростов.

А бои за Новочеркасск продолжались. Стрелковые и артиллерийские части, отряды народного ополчения более четырех суток героически отстаивали каждую улицу, каждый дом. Но силы были слишком неравные, 25 июля 1942 года город пришлось оставить.

Глава двенадцатая. Тревожные дни Ростова

Итак, наш путь лежал к Ростову. 8-й гвардейский минометный полк перебрасывался на усиление частей 56-й армии. Артсклад предписывалось перебазировать на левый берег Дона, а штаб опергруппы — в район Мечетинской.

Прежде чем выехать в Ростов, я решил заехать в хутор Малый Мишкин: хотел убедиться, что штаб опергруппы, артсклад и подвижная ремонтная мастерская (ПРМ) эвакуированы.

На пути в Малый Мишкин мне пришлось стать свидетелем ракетного залпа двух боевых установок. Когда я подъехал к ним, то, к своему удивлению, увидел, что возле машин стоят воины родного мне 4-го гвардейского минометного полка. Гвардейцы очень обрадовались нашей неожиданной встрече, окружили меня.

Я недоумевал, как они очутились у нас, в войсках другого фронта.

— Опознавательные знаки подвели, — ответил командир боевой установки. — На ваших машинах такие же знаки, как и на машинах нашего полка — римская пятерка. Вот мы и примкнули во время отхода к одной из ваших колонн. Спасибо военинженеру 3 ранга за то, что приказал взять нас на буксир.

О дальнейших событиях мне рассказал начальник нашей ПРМ военный инженер 3 ранга А. Ф. Алферов, который тоже был здесь.

Волнуясь и слегка заикаясь, он доложил, что штаб группы, ПРМ и артсклад эвакуированы, а две боевые машины 4 гмп, взятые на буксир еще под Белой Калитвой, задержались, так как своим ходом двигаться не могли.

На марше их обстреляли вражеские самолеты. Пули попали в головки блоков цилиндров и пробили их. От этого в системе охлаждения возник гидравлический удар и водой выдавило технологические заглушки блоков цилиндров. Двигатели нужно было сменить, но запасных в ПРМ не было. За ночь головки блоков отремонтировали. Осталось зачеканить технологические отверстия, но для этого требовалось снимать моторы, иначе к ним нельзя было подобраться. Когда фашистские танки подошли к Новочеркасску, подполковник Евсюков приказал ПРМ срочно отходить к Ростову, а там переправиться через Дон. Только две машины 4-го гвардейского минометного полка не могли двигаться своим ходом, а буксировать их было нечем. Алферов дал команду расчетам подготовить боевые установки к подрыву.

Но легко сказать — подорвать машины, каждая из которых за

восемь — десять секунд могла обрушить на голову врага 16 смертоносных снарядов! Ведь это залп целого ствольного дивизиона! Поэтому, подумав, Алферов приказал строгать пробки, чтобы закрыть технологические отверстия.

Вместе с неисправными установками остались летучка и полуторка. Остальные машины ремонтной мастерской во главе с комиссаром старшим политруком Ф. Новосадом отправились на Ростовскую переправу.

Командиры боевых машин открыли ящики со взрывчаткой и на всякий случай подготовили установки к подрыву.

Но вот первые пробки готовы. Их стали примерять и подгонять, а потом забивать. Пробки нужно было забивать туго, чтобы они не пропускали воду двигателя. Наконец вставлена последняя пробка. Заливают воду, но одна из пробок пропускает ее. Пробку подбивают, но она дальше не идет — уперлась в стенку блока. Ее заменяют другой. Снова заливают воду, уровень ее в горловине радиатора не понижается. Под одобрительные возгласы водитель заводит машину. Алферов дает мотору полные обороты, не спуская глаз с горловины радиатора. На радость всем, пробка выдержала испытание. То же повторили и со второй машиной. Обе боевые установки по команде Алферова вышли на дорогу и произвели залп через Новочеркасск по танкам врага, спускавшимся по склону горы к городу.

И вот после произведенных залпов передо мной стояли боевые машины славного 4-го гвардейского минометного полка.

В этой части у меня осталось много хороших друзей, верных товарищей. Вспомнился один из лучших офицеров полка, помощник начальника штаба капитан В. С. Архипов (он погиб в Сталинграде), начальник полковой разведки майор Николай Королев, командир дивизиона майор Борис Овчуков-Суворов. Борис был изумительный человек — отважный, находчивый, волевой, энергичный. Его никогда не покидал оптимизм, для всех он находил душевное слово. Овчуков-Суворов был не только одним из лучших командиров дивизионов, но и пламенным агитатором, вдохновенным поэтом.

Позже из писем друзей я узнал, что после подполковника Н. В. Воробьева полком командовал И. Н. Радченко, а Р. Р. Василевич стал начальником штаба оперативной группы Зубанова. Я с радостью узнал, что за бои под Сталинградом 4 гмп был награжден орденом Ленина. Ведь этот полк я формировал, командовал им, когда он давал первые залпы под Диканькой и участвовал во многих боях на Юго-Западном фронте.

В период боев под Сталинградом над 4-м гвардейским минометным полком взяли шефство комсомольцы и трудящиеся

Новосибирска. В организации этого шефства большую роль сыграли бывшие комсомольцы города Борис Овчуков-Суворов и Николай Королев. Они находились в Новосибирском госпитале после ранения. А поправившись, выступали перед рабочими заводов и молодежью, рассказывали о боевых делах своего полка, о боях под Сталинградом. Вот тогда-то Новосибирский обком партии и обком комсомола приняли решение взять шефство над 4-м краснознаменным гвардейским минометным полком.

Выполняя это решение, новосибирцы во время Сталинградской битвы прислали в полк 138 коммунистов-добровольцев. Они привезли полушубки, валенки и другую теплую одежду, а также много подарков от трудящихся города и области.

Делегацию города возглавлял видный художник Сибири В. В. Титков. Художник не вернулся в Новосибирск, а остался в полку. Это был бесстрашный человек. Он не упускал случая в самом пекле боя делать наброски своих будущих картин.

В 1944 году, когда полк находился на ремонте под Москвой, ему вручили 24 боевые машины с надписью «Новосибирский комсомолец». Это был подарок от трудящихся и комсомольцев Новосибирска и области.

В 4 гмп регулярно выпускалась многотиражная газета «Гвардеец», которую очень любили воины. Одним из ее активнейших военкоров был майор Борис Овчуков-Суворов. Почти в каждом номере полковой многотиражки появлялись его страстные патриотические стихи.

Обо всем этом мне писали мои друзья Р. Р. Василевич и И. Н. Радченко, который с лета 1944 года стал начальником оперативной группы ГМЧ 3-го Прибалтийского фронта.

* * *

Угроза нависла над Ростовом. Не считаясь с большими потерями, фашисты теснили героически сражавшиеся войска 56-й армии и сумели на отдельных участках довольно глубоко вклиниться в ее оборону, В полосе армии из гвардейских минометных частей действовал только один 14-й отдельный дивизион моряков. 19 июля 1942 года он занял боевой порядок на окраине Ростова, который противник подвергал нещадной бомбежке. 22 июля в 12 часов дня распоряжением командующего артиллерией 56-й армии дивизиону была поставлена задача занять огневую позицию вблизи аэродрома.

В 15 часов дивизион был готов к бою. Разведка во главе с

младшим политруком А. С. Абызовым и главстаршиной А. П. Шустовым сообщила, что в поселок Красный Крым входят танки противника. Батарея старшего лейтенанта Д. Н. Бериашвили открыла огонь по наступающим гитлеровцам. Первая атака была отбита. Но тишина стояла недолго.

Ровно в 20.00 Абызов передал радиограмму: «Танки противника подходят к нам». А через несколько минут он уже просил открыть огонь по его наблюдательному пункту. Лавина вражеских танков развернутым строем шла на Ростов. К городу один за другим летели фашистские бомбардировщики. Москвин дал команду дивизиону. И снаряды понеслись навстречу врагу. Вот когда пригодились гвардейцам уроки стрельбы прямой наводкой! Моряки ожидали, что самолеты противника обрушат весьсвой бомбовый груз на позиции дивизиона. Ведь «юнкерсов» летело над ними более трех десятков. Но случилось непредвиденное. Бомбардировщики, видимо испугавшись огненных комет, выпущенных нашими «катюшами», резко изменили курс, улетели и не показывались до следующего утра. А там, где стеной шли танки врага, теперь высоко в небо поднимались клубы черного дыма, полыхали костры горящих машин. Абызов же и его боевые друзья, к счастью, остались живы.

Дивизион отошел на запасные позиции. Батарея Н. М. Павлюка, имевшая запас снарядов еще на один залп, прикрывала отход. А когда отходил Павлюк, его с запасных позиций прикрывала другая батарея.

Фашистские танки остановились и открыли огонь по батареям. В сумерках моряки били по вражеским машинам из противотанковых ружей, ориентируясь по вспышкам выстрелов. Эта дуэль продолжалась до поздней ночи. Командующий 56-й армией приказал гвардейцам отходить за Дон. Однако Москвин и Юровский убедили его, что дивизион еще может продолжать бой. Позднее генерал Рыжов послал Москвину и Юровскому с офицером связи письмо, в котором говорилось:

> «Приветствую в Вашем лице славный гвардейский минометный дивизион моряков. Они решали свои задачи героически. Они — подлинные сыны нашей Родины. В боях за Ростов-на-Дону дивизион положил немало заклятого врага!Деритесь за Родину! Бейте беспощадно гитлеровцев!
>
> Командующий 56-й армией генерал-майор Рыжов».

За этот и последующие бои под Ростовом-на-Дону, за бои в Сальских степях и горах Кавказа дивизион моряков был награжден орденом Красного Знамени.

Восьмой гвардейский минометный полк подполковника Лобанова своим огнем тоже оказал поддержку отходящим к Ростову войскам. 22 июля 1942 года я прибыл в этот полк. Штаб полка с одним дивизионом находился на северо-восточной окраине Ростова, в роще. Меня встретил начальник штаба майор Х. А. Макарьян, высокий смуглый офицер с орденом Красной Звезды на вылинявшей гимнастерке. Тбилисское артиллерийское училище он окончил в 1931 году. В том же году стал коммунистом. Боевое крещение Макарьян получил еще в боях с японскими захватчиками у озера Хасан.

Не успел я осмотреться, как на рощу, где мы находились, налетели фашистские самолеты. Гвардейцы еще не вырыли щели и аппарели для боевых машин, и все мы, конечно, подвергались большой опасности. «Юнкерсы» с ревом пикировали над расположением штаба полка и дивизиона.

С самых первых дней войны мне не раз приходилось бывать под бомбежками, под артиллерийским и минометным огнем. Казалось бы, пора привыкнуть. Но привыкнуть к этому невозможно. Кто утверждает, что привык, что ему неведомо чувство страха, кривит душой. Страх может быть у каждого человека, независимо от чинов и званий. Главное — уметь преодолеть его.

Раздался пронзительный свист, который заставил всех стоящих броситься на землю и прижаться к ней как можно плотнее. Кто-то упал на меня, распластавшись. «Кого-то отбросило взрывной волной», — мелькнула у меня мысль. Подняв тяжелую голову, я узнал майора Макарьяна.

— Вы ранены?

— Лежите, товарищ полковник, со мной все в порядке, — ответил он спокойно.

Налет кончился. Нас всех засыпало землей, выброшенной силой взрыва из самой близкой воронки. В ушах шумело. Мы встали, отряхнулись и были по-человечески счастливы, что остались целы и невредимы.

— И все же, что с вами случилось? — спросил я Макарьяна.

— Товарищ полковник, — несколько смущенно сказал он, — если мы не успели вырыть окопы, наш долг — грудью закрыть своего командира.

Я крепко пожал руку майору.

23 июля фашисты ворвались в Ростов. Завязались жестокие уличные бои. Над городом непрерывно кружили вражеские самолеты, бомбившие железнодорожный мост и понтонную переправу возле элеватора, ведущую через Зеленый остров на левый берег Дона. В эти знойные июльские дни город был окутан

дымной мглой пожарищ. Дышать было нечем. Улицы, ведущие к понтонному мосту, были забиты беженцами, обозами отступающих частей. Людской поток двигался сурово, настойчиво, молча.

Приказом войскам фронта в первую очередь предписывалось переправлять на левый берег Дона гвардейские минометные части. 43, 49, 67-й гвардейские минометные полки и 101-й отдельный дивизион 22 и 23 июля переправились на левый берег Дона через Аксайскую, Багаевскую и Мелиховскую переправы. С левого берега эти части прикрывали отход и переправу наших войск. В течение трех суток (23, 24 и 25 июля) два дивизиона 49-го гвардейского минометного полка задерживали противника возле поселка Сусатский. Дивизионы залпами уничтожили до батальона пехоты, разрушили три наведенные врагом переправы, подбили и сожгли сотни автомашин.

23 июля в городе оставался еще 8-й гвардейский минометный полк и 14-й дивизион моряков.

Штаб фронта и штабы 56-й и 12-й армий находились в движении, установить с ними связь не удавалось. Понтонная переправа, хотя и подвергалась налетам вражеской авиации, но еще не была повреждена.

С большим трудом к концу дня 23 июля 8-й полк был переправлен на левый берег. В соответствии с боевым распоряжением командующего фронтом он поступил в оперативное подчинение 18-й армии.

Колонну оставшихся машин нашего штаба по переулкам к берегу Дона повел офицер 8-го полка, уроженец города Ростова. Двигаясь затем вдоль берега, мы вышли к понтонному мосту. На переправе встретили Москвина и Юровского.

— В бою израсходованы все снаряды, дивизион пробивается к переправе, — доложил Москвин.

Через некоторое время показались первые машины дивизиона. Благодаря дружным и организованным действиям моряков колонна автомашин и боевых установок переправилась сравнительно быстро. Теперь все наши части были на левом берегу. Об этом я доложил члену Военного совета фронта дивизионному комиссару И. И. Ларину, находившемуся у понтонного моста.

— Это хорошо, — сказал Ларин. — Теперь вам, товарищ Нестеренко, придется возглавить переправу. А Ломаковский будет комиссаром.

Прямо скажу, задание меня не обрадовало, Ведь мне надо было заняться организацией боевых действий минометных частей. Но Ларин решительно повторил:

— Переправу возглавите вы! В ваше распоряжение скоро прибудут на катерах моряки Азовской флотилии. Встречайте их и ставьте им задачу.

Итак, мне и Ломаковскому пришлось возглавить Ростовскую переправу.

Командиру 14-го дивизиона моряков Москвину было приказано выделить группу из десяти человек во главе с лейтенантом Е. М. Бискупским в мое распоряжение. Минут через тридцать на катерах прибыло около шестидесяти матросов Азовской флотилии. Их возглавлял главстаршина Я. Ф. Блинов. Как только моряки выгрузились и построились на песчаном берегу, я обратился к ним с короткой речью.

— Товарищи матросы, член Военного совета фронта поставил перед нами задачу в кратчайший срок ликвидировать пробку, обеспечить непрерывное движение на переправе. Для этого мы должны перекрыть все боковые улицы и переулки, не допускать вклинивания в центральный поток.

Я отобрал пять рослых матросов и приказал им строго следить за порядком у входа на переправу. Минут через двадцать пробка была ликвидирована, по понтонному мосту возобновилось непрерывное движение. Так продолжалось всю ночь.

Как мы и предполагали, с рассветом начались групповые налеты «юнкерсов». Они пикировали на переправу, сбрасывали бомбы на беззащитных людей, скопление машин и боевой техники. Горели цистерны с горючим, рвались снаряды на машинах с боеприпасами.

Матросы героически тушили полыхавшие автомашины, оттаскивали их в сторону тракторами и танками, расчищая путь. Чтобы хоть как-то прикрыть понтонный мост от пикирующих бомбардировщиков, мы решили поджечь склад с семенами подсолнечника, что находился вблизи на берегу. Сразу же поднялось огромное черное облако дыма, которое на несколько часов закрыло мост плотной дымовой завесой.

Переправа работала непрерывно. Во время дымовой завесы не было ни одного прямого попадания в понтоны. Однако склад сгорел, и дым рассеялся. Бомбы стали рваться все ближе и ближе. Осколками одной из них были убиты три матроса и смертельно ранен главстаршина Блинов. Получил легкое ранение и я. Осколкомбомбы мне перебило указательный палец на правой руке и рассекло скулу.

На мосту снова образовалась пробка. Дорогу преградил пылающий грузовик ЗИС-5. Мы решили танком столкнуть его в сторону. Но это оказалось не так просто. Как только танк наехал на горящую машину, у него неожиданно заглох мотор. Танкист

растерялся и не знал, что предпринять. Ему на помощь пришли моряки. Помогли советом и делом.

Наконец танк дал задний ход. Потом стремительным рывком двинулся вперед, протаранил машину, потащил ее в сторону. Все, что осталось от горящего грузовика, матросы затушили. Переправа возобновилась.

Тяжелораненый главстаршина Я. Ф. Блинов попросил лейтенанта Бискупского позвать меня. Я подошел к нему (это было уже на элеваторе). Ослабевшим голосом Блинов проговорил:

— Товарищ полковник! Я умираю, разрешите вас обнять... Отомстите за меня... — У него бессильно упала рука. — Передайте моим матросам... пусть... бьют их... ненавистных гадов. Отомстите за горе моей матери...

Я наклонился к нему, обнял и поцеловал, еле сдерживая слезы.

А в это время у переправы продолжали рваться бомбы, стены элеватора содрогались от взрывов. При самом въезде на мост дорога была разрушена. Здесь образовались громадные выбоины и глубокая колея, залитая водой. С большим трудом нам удалось закрыть выбоины листами котельного железа, сложенными у элеватора.

Движение людей и боевой техники по понтонному мосту продолжалось до шести часов вечера 24 июля.

Благодаря героическим усилиям моряков Азовской флотилии переправа работала почти без перерывов, несмотря на налеты «юнкерсов». Самоотверженность, решительность и мужество проявили многие моряки. Среди них были главстаршина Блинов, мичман Бобров, старшина 1-й статьи Овечкин, лейтенант Бискупский, старший техник-лейтенант Костылев и многие другие.

Около шести часов вечера во время массированного налета «юнкерсов» понтонный мост был разрушен в нескольких местах. Восстановить его теперь было невозможно. Движение прекратилось. Всем ожидавшим мыобъявили, что переправляться теперь надо на подручных средствах.

В 19 часов 24 июля от командующего фронтом генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского прибыл на катере офицер. Он передал мне такую записку: «Товарищ Нестеренко! Оставить переправу, прибыть в Мечетинскую. Малиновский. 24.VII.42 года».

Мы погрузили на катер тяжелораненых, находившихся в элеваторе, и отправили их через Дон. Полковник Ломаковский, лейтенант Бискупский и я по обломкам моста с огромным трудом перебрались на Зеленый остров, а затем на левый берег Дона.

Недалеко от переправы среди убитых мы опознали генерала Черняева. Взяли его документы и ордена, а тело в сопровождении лейтенанта Бискупского отправили в Мечетинскую.

Утром 25 июля на попутных машинах мы добрались до Жуково-Таврического, где находился штаб 8-го гвардейского минометного полка. Оттуда на машине командира полка выехали к командующему фронтом, находившемуся в станице Мечетинская.

Глава тринадцатая. ГМЧ в подвижной группе

Во второй половине дня 25 июля 1942 года мы с И. Н. Ломаковским наконец-то добрались до своего штаба, который, как и штаб фронта, разместился в станице Мечетинской.

Начальник штаба подполковник Г. В. Осмоловский показал нам на карте, где к тому времени находились 8, 43, 49-й полки, 14-й и 101-й отдельные дивизионы, артсклад и ПРМ, доложил о состоянии частей и их обеспеченности снарядами и горючим. С 67-м полком связь не была установлена, и штаб о нем не имел никаких данных.

Получив необходимые сведения, мы с Ломаковским немедленно отправились на доклад к командующему.

Р. Я. Малиновский, члены Военного совета И. И. Ларин и Л. Р. Корниец и начальник штаба фронта А. И. Антонов с большим вниманием выслушали наш доклад о событиях на переправе и о состоянии гвардейских минометных частей фронта.

Генерал Малиновский кратко ввел нас в обстановку на фронте:

— Противник танковыми и моторизованными частями форсирует Дон, выходит на оперативный простор в стыке нашего и Юго-Западного фронтов. У нас нет механизированных и танковых резервов, мало артиллерии, авиации, танков...

Понимая серьезность создавшегося положения, я высказал предложение, которое мы дорогой обсуждали с Ломаковским. Суть его заключалась в следующем. Танковым и моторизованным колоннам противника я предлагал противопоставить подвижные войска, и в первую очередь гвардейские минометные части. Своим маневроми массированным залповым огнем они смогут задерживать и рассеивать колонны противника в этой равнинной местности, уничтожать его в районах сосредоточения. Из наших полков можно быстро собрать группу в шестьдесят боевых машин, один залп которых составит около тысячи снарядов. По Манычскому каналу нам удалось вывезти к Сальску более десяти тысяч снарядов М-13 и шесть тысяч снарядов М-8.

— Части боеспособны, — закончил я, — для прикрытия им надо придать стрелковые подразделения, посаженные на автомашины, противотанковые и зенитные средства, если такие найдутся.

— Ваше предложение мы обсудим, — немного подумав, сказал командующий. — А пока будет решаться этот вопрос,

перекусите и отдохните в соседней комнате.

Часа через два нас разбудили, и генерал А. И. Антонов вручил мне боевое распоряжение, в соответствии с которым должна была сформироваться подвижная группа, а я назначался ее командующим. В состав группы входили 176-я стрелковая дивизия, 8, 43, 49-й гвардейские минометные полки, 14-й отдельный гвардейский минометный дивизион, отдельный танковый батальон, зенитная артиллерия, автотранспорт.

Напутствуя меня, Р. Я. Малиновский сказал:

— Не теряйте времени, действуйте. Сообщайте нам о ходе формирования подвижной группы. Желаю успеха.

Генерал А. И. Антонов добавил, что распоряжения начальнику тыла и командиру 176-й стрелковой дивизии полковнику И. А. Рубанюку уже даны.

Отдав необходимые распоряжения, поздно вечером мы с Ломаковским, капитаном Смирновым, мичманом Бобровым, начальником радиосвязи старшим лейтенантом Лисо-Иваном, с радистами и радиостанцией РБ выехали на двух машинах в штаб 176-й стрелковой дивизии, в поселок Дачный, расположенный в сорока километрах северо-западнее Мечетинской. К нашему приезду в штаб дивизии прибыли командиры и комиссары частей, входивших в состав подвижной группы согласно боевому распоряжению.

Собравшимся было зачитано боевое распоряжение штаба фронта. Затем заслушали краткие доклады командиров о состоянии и обеспечении частей. Эти доклады былинеобходимы и для взаимного знакомства командиров, которое способствовало лучшему взаимодействию в бою.

При постановке задачи я подчеркнул, что от командиров требуются инициативные и самоотверженные действия, взаимная выручка, непрерывная связь между частями и штабом дивизии. Для облегчения управления мотоколоннами на марше и в бою я потребовал, чтобы к утру на бортах всех машин был нанесен единый условный опознавательный знак — римская пятерка, то есть такой же знак, какой имели все гвардейские минометные части нашего фронта. Потом, в динамике боя, это нам очень помогло.

Функции штаба подвижной группы должен был выполнять штаб 176-й стрелковой дивизии. Своим заместителем я назначил командира этой дивизии полковника Рубанюка.

В течение короткой июльской ночи нам предстояло посадить на машины два стрелковых полка дивизии и службы обеспечения, доукомплектовать автотранспортом артиллерийский полк дивизии.

В два часа ночи 26 июля мы сообщили в штаб фронта, что 8-й, 49-й гмп, 14-й огмдм и два зенитных дивизиона (113-й и 240-й) сосредоточились в указанных им районах, на автомашины посажены два стрелковых полка. Через несколько минут в ответ по радио получили приказ: «Подвижной группе немедленно выступить по маршруту: Мечетинская, Целина, Сальск, Пролетарская. Прикрыть переправу через Манычский канал в районе Пролетарская».

На правом крыле фронта сложилась очень тяжелая обстановка. Противнику удалось форсировать Дон в нескольких местах (в Семеновской, Константиновской, Николаевской). Его танки и механизированные колонны стремительно двигались в направлении Большая Орловка, Буденновская, Пролетарская. Создавалась угроза тылам и штабу Южного фронта, тылам и штабу 9-й армии.

Выполняя приказ, подвижная группа в составе двух стрелковых полков на автомашинах, двух полков и одного дивизиона ГМЧ, артполка дивизии и двух зенитных дивизионов в 6 часов утра 26 июля 1942 года выступила по указанному маршруту.

Предстоял тяжелый марш. Противник имел абсолютное господство в воздухе. Чтобы уменьшить потери от налетов авиации, мы двигались несколькими параллельными дорогами, соблюдая дистанции между машинами.

Несмотря на частые массированные налеты, подвижная группа, прикрываясь огнем зенитных дивизионов, уже к исходу дня 26 июля переправилась через Манычский канал, прошла станицу Пролетарская и вышла на рубеж хуторов Привольный, Поливанов, Донской. Высланные в направлении станицы Буденновская и хутора Бекетный два передовых отряда к утру 27 июля завязали бой с разведкой и авангардами противника.

Движение вражеских авангардов было остановлено. Наша разведка установила сосредоточение танков и мотопехоты противника в балках и лесных посадках юго-восточнее станицы Буденновская и южнее хутора Бекетный. Было ясно, что с рассветом немцы перейдут в наступление. Уточнив на картах места сосредоточения гитлеровцев, мы решили до рассвета дать массированный залп. Чтобы осуществить этот внезапный удар, огневые позиции «катюш» необходимо было расположить на линии нашего боевого охранения.

Дивизионы вышли на позиции ночью, машины двигались без фар, в полной темноте, соблюдая строжайший порядок и тишину.

Мы наметили скрытые и наиболее удобные подъездные пути и пути вывода машин с огневых позиций после залпа. Перед

выходом батарей на огневые позиции выставили боевое охранение с пулеметами и противотанковыми ружьями.

Не менее сложно в ночное время было осуществить наводку боевых машин по целям в непосредственной близости от противника.

В огневом налете участвовали 28 установок от 8-го гмп, 20 установок от 49-го гмп и 10 установок от 14-го огмдм. Всего 58 боевых машин. Их залп составил 928 снарядов М-13. Примерно по равному количеству установок было нацелено на каждый район сосредоточения гитлеровцев.

Командиры частей подполковники Лобанов, Сухушия, капитан-лейтенант Москвин успешно выполнили поставленную задачу.

В 3 часа 30 минут 27 июля 1942 года был дан залп одновременно всеми 58 установками. Внезапный и мощный удар ошеломил противника. В районах огневых налетов вспыхнули очаги пожаров. Фашисты стали беспорядочно отступать.

Было принято решение преследовать врага и выйти на рубеж станица Буденновская, хутор Бекетный. О результатах огневого налета и своем решении радировали и штаб фронта. Но в ответ получили такой приказ: «Приостановить преследование. Для прикрытия переправы в районе Пролетарской оставить усиленный батальон. Группе немедленно выступить по маршруту: Сальск, Целина, Хлебодарный, Мало-Кузнецовка. Занять оборону на рубежеБезводный, Красный Луч, Попов». Это означало, что подвижная группа должна была срочно вернуться в район Мечетинской.

Как выяснилось позже, с утра 27 июля противник крупными танковыми и механизированными силами отбросил части 37-й армии, оборонявшие переправу через Маныч в районе Веселый, форсировал Манычский канал и развивал наступление в направлении Мечетинская, Целина, снова создавая угрозу тылам и штабу фронта. Поэтому командование фронта приняло решение частями подвижной группы закрыть образовавшийся разрыв между 12-й и 37-й армиями на рубеже Ново-Кузнецовка, Попов. Для этого подвижная группа должна была совершить обратный 120-километровый марш и выйти на указанный рубеж.

Чтобы выиграть время и обеспечить выход частей подвижной группы на рубеж обороны, мы решили в качестве отрядов прикрытия выслать вперед 14-й дивизион А. П. Москвина и 58-й дивизион В. Д. Сидорова (8-й гмп) с усиленной разведкой. Им ставилась задача залповым огнем дивизионов задержать продвижение противника.

Высланная от дивизионов разведка к исходу дня 28 июля

установила, что рубеж обороны, указанный в боевом распоряжении штаба фронта, занят противником, В Ново-Кузнецовке обнаружено 10 танков и 15 машин, в Попове — около 20 танков и 20–25 машин с пехотой.

Батарейными залпами с открытых позиций прямой наводкой дальнейшее продвижение танков и мотопехоты противника на юг было приостановлено.

Вот что рассказывал об этом бое А. П. Москвин:

«Разведка донесла, что по дороге движется колонна танков и мотопехоты противника. Мы выбрали позицию у поворота дороги с таким расчетом, чтобы наши батареи могли одновременно вести огонь по вражеской колонне. Появились мотоциклисты, а за ними машины и танки. По сигналу все батареи открыли огонь. Батарейными залпами колонна была накрыта на всю ее глубину. Подбитые и дымящиеся машины остановились, на них с ходу налетали, словно слепые, танки, подминали их под себя и сами загорались. Из облаков дыма и пыли выбегали уцелевшие фашисты. В дымящейся колонне врага вдруг произошло два мощных взрыва. Возможно, это взорвались цистерныс горючим или машины с боеприпасами. Дальнейшее движение противника по этой дороге было приостановлено».

Так же дивизионы «катюш» останавливали вражеские колонны и на других дорогах. Действия 14-го и 58-го дивизионов позволили нашей подвижной группе выйти на рубеж Мало-Кузнецовка, Новостройка и в течение 29 июля сдерживать натиск противника. За этот день гвардейские дивизионы пополнили запас снарядов, а полки дивизии подтянули отставшие подразделения.

В 19 часов Москвин донес, что колонна противника до сорока танков движется на Мечетинскую. По колонне был произведен залп. Пять танков запылали, остальные отошли в северо-западном направлении.

30 июля, как только взошло солнце и рассеялся туман, в воздухе появились фашистские самолеты. Они кружились над нашими боевыми порядками, пикировали и бомбили. Дружным огнем зенитных дивизионов было сбито два пикирующих бомбардировщика. Это заставило самолеты врага летать на больших высотах, эффективность бомбометания резко снизилась.

Лобовые атаки противника прекратились. Но его танки пошли в обход наших флангов.

30 июля около тридцати танков противника с запада подошли к Мечетинской. Подразделения 18-й армии стали отходить на юг. Для нас создавалась угроза окружения.

Мы приняли решение: с наступлением темноты (в ночь на 31)

отойти и занять оборону на рубеже Хлеборобный, Хлебодарный, Михайловка, 14-м и 58-м дивизионами прикрыть левый фланг, 49-м полком — правый фланг, двумя дивизионами 8-го полка прикрыть отход с фронта.

Ночью из штаба фронта прибыл офицер с приказом командующего об отходе нашей подвижной группы на новый рубеж обороны, именно на тот, который мы сами наметили. И хотя мы получили теперь право на отход, настроение было тревожным. Всю ночь лил дождь, грунтовые дороги размокли, и наши мотоколонны не могли сдвинуться с места.

К счастью, под утро дождь прекратился, подул свежий степной ветерок, дороги стали подсыхать. Загудели моторы. Начали двигаться, правда с трудом, отдельные машины, а затем и вся колонна. Однако к рассветустрелковые полки дивизии не успели занять рубеж обороны.

В воздухе снова появились вражеские самолеты, а на флангах — группы фашистских танков. Они двигались из Егорлыкской на Целину.

Загремели залпы «катюш». Гвардейские минометные дивизионы, прикрывающие фланги, вступили в бой.

Отважно, четко, решительно действовал дивизион моряков. Командир дивизиона капитан-лейтенант А. П. Москвин и комиссар — батальонный комиссар Е. Я. Юровский обладали какой-то удивительной интуицией. Они прекрасно чувствовали обстановку и ритм боя. Умело и дерзко действовали командиры батарей этого замечательного дивизиона Н. М. Павлюк, Д. Н. Бериашвили, А. Ф. Збоев.

В дивизионе была прекрасно организована подвижная разведка, быстрая, хорошая маскировка. Скрываясь в лощинах, балках, кустах, кукурузных или подсолнечных полях, в нужный момент боевые установки выскакивали на открытую позицию, прямой наводкой производили залпы и немедленно уходили в укрытие.

Москвин применил свой способ корректировки огня, который скоро стал достоянием других дивизионов. Однажды, подъезжая к огневой позиции 14-го дивизиона, я увидел такую картину. У левофланговой боевой машины ферма была поднята до отказа, а на самой вершине направляющих, подложив под себя брезентовый чехол, сидел Москвин.

Комиссар дивизиона Юровский доложил мне, что командир лично ведет наблюдение и корректирует огонь дивизиона по танкам и мотопехоте противника.

Через некоторое время Москвин, загорелый, возбужденный, слез с направляющих, быстро подошел ко мне и четко доложил:

— Товарищ полковник! Атака отбита. Мы подожгли пять машин и три танка, которые двигались в колонне по дороге. — Затем с сожалением добавил: — Обидно, что у наших снарядов большое рассеивание, а установки не позволяют подпускать противника на близкое расстояние. Жаль, что в дивизионе мало снарядов. Приходится вести огонь отдельными установками. Вот если бы дать дивизионный залп, был бы другой результат.

Я поблагодарил Москвина за отважные действия и просил передать мою благодарность всем воинам части.

Моряки заставили гитлеровцев отойти и прикрыли дорогу из Егорлыкской на Целину. До получения приказа из штаба фронта мы должны были во что бы то ни стало удержать оборону на рубеже Целины и не допустить противника к Сальску.

...Непрерывные бои, длительные марши и бессонные ночи сильно утомили личный состав частей подвижной группы, особенно водителей.

Под нажимом фашистских танков, преследующих подвижную группу, полки 176-й стрелковой дивизии не смогли удержаться на подступах к Целине и отошли к реке Средний Егорлык.

Основную тяжесть обороны Целины приняли на себя 8-й и 49-й гвардейские минометные полки и 14-й дивизион моряков. Огонь дивизионов 49-го полка корректировал с крыш зданий, расположенных на северо-западной окраине Целины, начальник штаба майор Якушев. Огнем дивизионов 8-го полка руководили командир полка подполковник Лобанов и начальник штаба майор Макарьян. Стреляя с закрытых позиций, дивизионы отбили атаку вражеских танков с севера. А в 15 часов 31 июля до двадцати танков атаковали нас с юго-запада, от хуторов Пролетарский и Самарский. Гитлеровцы пытались отрезать пути отхода на юг 8-му и 49-му полкам. Переброшенный на юго-западную окраину Целины дивизион 8-го полка под командованием капитана Н. В. Скирды залпом с открытой позиции подбил три танка. Остальные резко изменили направление, развернулись и быстро отошли назад к хуторам. Бой под Целиной длился в течение нескольких часов. Радиосвязь со штабом фронта и штабом группы ГМЧ была прервана. Мы ожидали прибытия офицеров связи капитана А. П. Бороданкова и капитана Н. А. Смирнова. У того и другого были пакеты с боевым распоряжением, в котором указывалось направление отхода нашей группы.

Капитана Бороданкова мы так и не дождались. Самолет У-2, на котором он летел, был сбит возле совхоза «Гигант» и горящий упал на территорию, занятую противником. Об этом мне доложил начальник штаба 49-го полка майор Якушев. Капитан Смирнов, выехавший на автомашине, тоже не появлялся. Между тем

противникавсе активнее атаковал с разных сторон, стремясь обойти нас с флангов и прорваться к Сальску.

В 17 часов 31 июля вражеские танки, скрываясь за посадками, незаметно вошли в зону, не поражаемую огнем наших дивизионов. Одиночные танки прорвались на северо-восточную окраину Целины и стремились перерезать дорогу на Сальск. Пришлось 49-му полку дать команду отходить на юг, переправиться через реку Средний Егорлык, поддержать оборону 176-й стрелковой дивизии и прикрыть отход дивизионов 8-го полка.

Наконец прибыл офицер связи Смирнов и сообщил, что штаб фронта из Сальска выехал, артсклад ГМЧ эвакуирован. Нам предлагалось немедленно отходить на рубеж Средний Егорлык, Лапанка, Тацин.

Покидая последними Целину, мы с Лобановым прямо на дороге развернули замыкающую батарею и прямой наводкой дали залп по фашистским танкам. Расстояние до места сосредоточения гитлеровцев оказалось меньше минимального прицела, и большая часть снарядов легла с перелетом, но некоторые из них все же разорвались в районе цели.

Развертывая батарею на прямую наводку, мы не заметили, как два немецких танка, прикрываясь железнодорожной насыпью, подошли к нам на расстояние 300–400 метров. Они открыли пулеметный огонь. Водители наших машин проявили исключительную выдержку. После залпа они развернули установки на 180 градусов и быстро вывели их из-под обстрела. Мы с Лобановым находились на подножке последней машины.

Когда подъехали к переправе у Тацина, дивизион 49-го полка дал залп по юго-восточной окраине Целины, откуда выходили вражеские танки. Огнем 49-го полка дальнейшее продвижение фашистских танков было остановлено.

Однако вскоре противнику удалось захватить станцию Средний Егорлык. Создавалась угроза нашему левому флангу.

По радио связываюсь с Москвиным и приказываю ему отбросить врага. Москвин уже выслал вперед разведку на автомашинах, а дивизион по полевым дорогам двинулся следом за ней. Наступала ночь. Путь «катюшам» освещал факел горящего элеватора. Навстречу попадались беженцы, которые говорили, что немецкие танки близко,часть из них якобы пошла на Белую Глину и Развильное. Получалось, что дивизион идет в мешок. Но Москвин не изменил направления движения. Он надеялся на свою разведку, но был готов, как и комиссар Юровский, к любым неожиданностям. Москвин и Юровский ехали на подножке головной машины, держа в карманах бушлатов ручные гранаты.

Наконец появилась разведка. Она уже выбрала боевые позиции и подготовила данные для стрельбы по скоплению танков врага.

Залп дивизиона был положен удачно. Теперь перед моряками стояла задача оседлать дорогу и не допустить танки противника в станицу Песчанокопская. Дивизион расположился в посадках. Для стрельбы прямой наводкой под передними колесами боевых установок моряки подрыли землю. Разведка обосновалась в километре от боевых позиций, на гребне небольшой возвышенности. Связь с разведчиками поддерживалась по радио и морским семафором.

Вот показались танки, идущие развернутым строем. Дали залп одной установкой. Впереди идущий танк окутался дымом, остановился, остальные повернули назад. Минут через сорок танковая атака возобновилась, но снова была отбита. В третий раз танки появились с фланга, замаскированные кустами. Их заметили гвардейцы и открыли по ним огонь. Уцелевшие вражеские танки ушли обратно в балку.

Так дивизион моряков сорвал несколько попыток гитлеровцев пройти в Песчанокопскую. Однако натиск противника не ослабевал. Разведка снова донесла о приближении танков. Они двигались полным ходом по дороге, стреляя по нашим разведчикам, отходившим на машинах.

Батарея Бериашвили дала залп. Но на этот раз он оказался не совсем удачным. Другие батареи из-за отсутствия снарядов вступить в бой не могли. Совершенно неожиданно на помощь морякам пришел 58-й дивизион капитана Сидорова (8-й гмп), который дал залп по атакующим танкам врага. Загорелось несколько машин. Остальные замедлили ход, изменили направление, но продолжали широким развернутым фронтом двигаться на Песчанокопскую.

Нужны были снаряды. За ними в Развильное выслали взвод боепитания. Возвращаться он должен был черезПесчанокопскую. Но туда уже входили вражеские танки. Как быть? Москвин поставил перед лейтенантом Петровым задачу: на полуторке с максимальной скоростью проскочить Песчанокопскую и предупредить взвод боепитания. Через несколько минут Петров с разведчиками как вихрь промчался через станицу на виду у изумленных гитлеровцев. Десять машин с боеприпасами, подходивших к Песчанокопской, свернули на другую дорогу, в обход станицы, и благополучно прибыли в дивизион.

Моряки находились в напряженных боях уже восьмые сутки, и им решено было дать передышку.

В ночь на 2 августа дивизион прибыл к месту отдыха. С утра

приводили в порядок материальную часть и автотранспорт. А чуть позже командир и комиссар дивизиона собрали гвардейцев, чтобы поговорить о прошедших боях, указать на недостатки в действиях батарей, отметить отличившихся.

Были названы имена младших сержантов Н. К. Глинина, И. А. Дранкова, краснофлотца И. И. Исаева, не раз выводивших свои установки на прямую наводку под ожесточенным артиллерийским огнем и бомбежкой противника.

Сержант В. Ф. Россохин, краснофлотцы наводчик П. Д. Шадринов и заряжающий П. Т. Анпилов вывели из-под огня несколько подбитых машин, в том числе и боевую установку. При этом Анпилов подбил из противотанкового ружья немецкий танк. Старший сержант В. В. Гагарин под обстрелом противника исправил повреждение в электропроводке боевой машины и произвел два залпа прямой наводкой. Во всех дивизионах рассказывали о мужестве старшего сержанта Искакова Орумбая Искаковича. Под сильной бомбежкой он перезарядил на выжидательной позиции боевую машину и под артиллерийским обстрелом вывел ее на огневую.

Несмотря на тяжелые бои, настроение у моряков было бодрое, боевое. Они организовали даже концерт художественной самодеятельности. Вальс-чечетку исполнял начальник штаба дивизиона старший лейтенант А. Н. Виноградов, лейтенант Е. М. Бискупский, подражая артисту Хенкину, читал «Ночь на даче», причем, увидев в воздухе «мессера», изменил концовку. Вместо слов «где-то джаз заиграл», он прочитал «мессершмитт» залетал», что вызвало дружный смех. Затем хором спели «Катюшу».

Об этом самодеятельном концерте мне рассказал полковой комиссар Дрожжин, находившийся в то время в дивизионе.

Правый фланг подвижной группы прикрывал 271-й дивизион капитана Л. П. Кашкина (49-й гмп). В бою возле хутора Поливанский, что в семи километрах от Развильного, отважно действовала батарея старшего лейтенанта И. Л. Койфмана. Она заняла огневые позиции южнее хутора. Нещадно палило солнце. Куда ни посмотришь, всюду простиралась безмолвная степь, кое-где пересеченная балками с редким кустарником.

Батарея замаскировалась и замерла. На крышах хуторских домов и стоявших возле них деревьях устроились наблюдатели. Вскоре они заметили, что к станице Николаевская подошли танки и мотопехота противника. Боевые машины были наведены в цель, которая хорошо наблюдалась и находилась в досягаемой зоне. По команде командира батареи установки дали залп по врагу. В раскаленное, белесое небо поднялись столбы черного дыма. А через несколько минут из станицы стали выходить группы танков

и спускаться в лощину. Очевидно, фашисты решили скрытно подойти к батарее и атаковать ее. Этот обходный маневр первый заметил гвардии рядовой Левин. Он крикнул: «Танки обходят нас сзади, они выходят из балки!..» Командир батареи приказал фланговую установку развернуть в сторону танков. Для снижения угла прицеливания машина задними колесами наехала на отлогий скат кургана. Этот маневр быстро и четко выполнили лейтенант Алексей Бартеньев и командир боевой машины Смирнов со своим расчетом.

Танки заметили движение на батарее и резко увеличили скорость. Развернувшись в линию, ведя орудийный и пулеметный огонь, они пошли в атаку. Смертельно раненный, упал лейтенант Бартеньев, был ранен и командир орудия Смирнов... Когда до ближайшего танка оставалось около двухсот метров, гвардейцы Аржанов, Кузнецов, Супрунов, Хилич, водитель Фомин открыли огонь прямой наводкой. Разорвались шестнадцать снарядов. Танки окутало дымом. Два из них остановились, остальные быстро развернулись и на большой скорости отошли в балку. Больше атак не последовало.

После боя в сумерках уходящего дня гвардейцы хоронили Алешу Бартеньева. А было ему всего девятнадцать...

Во время этих боев взаимодействие гвардейских минометных дивизионов, артиллерийских и стрелковых подразделений приобрело новые формы. Так, например, сложилась боевая группа в составе 269-го дивизиона 49-го гмп, зенитной и противотанковой батарей и роты мотопехоты. Возглавлял эту группу командир 269-го гмд капитан П. П. Пузик. Маневренная и мощная в огневом отношении, эта боевая группа в боях под Песчанокопской и Белой Глиной отбила несколько атак противника, уничтожила более 15 танков и около 35 автомашин.

Умело сочетая огонь дивизиона ГМЧ с огнем противотанковой и зенитной батарей, группа Пузика наносила врагу большой урон. Залповый огонь батарей дивизиона ГМЧ расстраивал боевые порядки атакующих танков и уничтожал мотопехоту гитлеровцев, а огонь прямой наводкой противотанковой и зенитной батарей на ближних подступах поражал одиночные танки, которые пытались атаковать боевые порядки группы.

Применяя тактику последовательного отхода на промежуточные рубежи обороны и взаимного огневого прикрытия, эта группа при выполнении боевых задач и при выходе из-под угрозы окружения имела сравнительно небольшие потери.

Здесь нельзя не сказать, что еще в середине июля, отражая

попытки немцев переправиться через Северский Донец возле Каменска, 269-й дивизион, возглавляемый капитаном Пузиком, в течение трех суток сдерживал ожесточенный натиск врага. Боевые расчеты дивизиона подбили и подожгли около двухсот автомашин, пятнадцать танков. Огнем дивизиона было убито и ранено около тысячи гитлеровских солдат и офицеров.

Дивизионы 49 гмп под командованием капитанов Пузика, Смирнова, Кашкина во время действий в составе подвижной группы, так же как и 14-й отдельный гвардейский минометный дивизион моряков, покрыли себя неувядаемой славой.

Продвижение танков и мотопехоты противника было приостановлено. Полки 176-й стрелковой дивизии заняли оборону по гребню возвышенностей на рубеже Белая Глина, Развильное. В станице Белая Глина нам удалось установить связь с частями 12-й армии, занимавшими оборону слева от нас. Фронт временно стабилизировался. Штаб подвижной группы разместился в Жуковском.

Действия подвижной группы имели свои особенности. Из штаба фронта по радио и через офицеров связи мы получали сведения от авиаразведки о направлении движения вражеских колонн. В этих направлениях мы высылали на автомашинах разведку, за которой следовали дивизионы «катюш» с пехотой, посаженной на автомашины, и противотанковые батареи. По обнаруженным колоннам противника «катюши» открывали залповый огонь. Пехота и противотанковые батареи занимали оборону, перекрывая дороги, по которым следовали гитлеровцы, и прикрывали боевые порядки гвардейских дивизионов. Если враг появлялся на флангах, пехота и противотанковые батареи под прикрытием огня дивизионов отходили на следующий рубеж. Там развертывались в боевой порядок и прикрывали отход дивизионов. Этот план взаимодействия был предложен еще в день формирования подвижной группы и успешно осуществлялся в бою.

Ведя арьергардные бои, подвижная группа разделилась на две части. 176-я стрелковая дивизия с 49 гмп и двумя дивизионами 8 гмп под командованием Рубанюка отходила на Нальчик и Орджоникидзе, 14-й дивизион моряков, 58-й дивизион 8 гмп отходили на Армавир, Майкоп, Белореченскую. В этом же направлении с войсками Южного фронта отходили 48-й и 101-й отдельные гвардейские минометные дивизионы М-8, один дивизион 2 гмп, два дивизиона 67 гмп и три дивизиона 25 гмп.

Несмотря на очень малый срок формирования подвижной группы, ограниченное количество боеприпасов в артиллерийских, да и в минометных частях, входивших в ее состав, группа своими

маневренными действиями и залповым огнем сумела задержать наступление немецких танковых и механизированных колонн, вышедших на оперативный простор в образовавшийся разрыв между Южным и Юго-Западным фронтами на рубеже Буденновская, Бекетный, а затем на трое суток задержала противника на участке обороны между 12-й и 37-й армиями.

Ни одна лобовая атака танков противника, а тем более мотопехоты против залпового огня гвардейских минометных частей не достигала цели. Только фланговые обходы и удары вынуждали подвижную группу отходить на другие рубежи.

После залпов «катюш» танки противника, как правило, останавливались, меняли направление движения, начиналиметаться в разные стороны, становясь хорошими мишенями для противотанковой артиллерии.

Гвардейские минометные части, ставшие основой подвижной группы, явились маневренным и мощным артиллерийским средством усиления. Задерживая противника, они снижали темп его наступления. Это был, пожалуй, единственный случай в истории боевых действий, когда основную тяжесть в борьбе с танками и мотопехотой противника взяли на себя гвардейские минометные части, а стрелковые части были подчинены начальнику оперативной группы ГМЧ фронта.

В период тяжелых оборонительных боев войск Южного фронта подвижная группа выполнила возложенную на нее задачу, оказав решительное противодействие моторизованным и танковым колоннам противника.

Глава четырнадцатая. В предгорьях Кавказа

С 25 июля по 2 августа 1942 года, когда я с полковником И. А. Рубанюком и полковым комиссаром И. Н. Ломаковским возглавлял подвижную группу, штаб опергруппы ГМЧ фронта во главе с подполковником Г. В. Осмоловским и членом Военного совета группы полковым комиссаром М. И. Дрожжиным находились при ВПУ фронта и руководили гвардейскими минометными частями, которые не входили в состав подвижной группы. Это были 43-й и 67-й гвардейские минометные полки, 101-й и 48-й отдельные дивизионы и дивизион 2 гмп Южного фронта, 25, 18 и 19 гмп Северо-Кавказского фронта.

Штаб опергруппы поддерживал связь с частями, следил за их боевыми действиями, заботился об обеспечении частей снарядами и горючим. На основании решения командования фронта он отдавал боевые распоряжения о переподчинении. В ходе боевых действий гвардейские минометные части все время перебрасывались с одного участка фронта на другой, более ответственный.

Во время боев в Сальских степях и на Кубани Военный совет оперативной группы ГМЧ фронта одновременно руководил гвардейскими минометными частями и подвижной группой.

Штаб подвижной группы по радиостанции поддерживал связь со штабами фронта и опергруппы ГМЧ. Однако из-за частой передислокации штабов возникали перерывы в радиосвязи, а дублирующих станций не было. Офицеры связи, посылаемые на автомашинах, прибывали, как правило, с большим опозданием. Правда, в распоряжениеподвижной группы было выделено два связных самолета У-2. Один из них быстро вышел из строя. На втором постоянно летал офицер связи капитан А. П. Бороданков. Но и этот самолет гитлеровцам удалось сбить, после чего связь наша со штабом фронта стала еще хуже. Все это приводило к тому, что некоторые приказы и боевые распоряжения мы своевременно не получали. Так, например, о том, что на основании решения Ставки от 28 июля 1942 года Южный и Северо-Кавказский фронты преобразованы в один Северо-Кавказский фронт и что командующим этим фронтом назначен Маршал Советского Союза С. М. Буденный, а генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский и генерал-полковник Я. Т. Черевиченко стали его заместителями, мы узнали только вечером 2 августа. Вот тогда-то для меня особенно стала понятна большая роль офицеров связи.

Офицер связи в бою — это не просто ответственный посыльный, которому поручено к определенному сроку доставить боевой приказ или донесение. Он является доверенным лицом командира, должен обладать широким оперативно-тактическим кругозором, быть способным быстро ориентироваться в обстановке. Офицер связи должен уметь управлять современными средствами передвижения, стрелять из различного вида оружия. Сегодня он под ожесточенным огнем врага ползет на наблюдательный пункт или к передовым частям, завтра летит на самолете, управляет мотоциклом или машиной, скачет на лошади или преодолевает водную преграду. В любую погоду, днем и ночью он обязан к сроку выполнить задание. Особенно велика роль офицера связи в динамике боевых действий.

В мае 1942 года А. П. Бороданков, как лучший командир батареи 2-го гвардейского минометного полка, получил назначение в оперативный отдел опергруппы ГМЧ фронта. В начале июля 1942 года его направили в качестве офицера связи в распоряжение начальника штаба фронта генерала А. И. Антонова. Бороданкову приходилось пользоваться связным самолетом, водить машину. Он дважды переплывал Дон.

С момента создания подвижной группы Бороданков с пилотом Старшиновым летал в Батайск, Сальск и другие пункты, сообщал нашим частям направление движения вражеских танковых и механизированных колонн.

Вечером 30 июля я вручил измученному, не опавшему несколько суток Бороданкову секретный пакет. В нем были специальное донесение и карта действий подвижной группы. Их требовалось передать командующему фронтом, связь с которым была потеряна.

Летчику удалось разыскать штаб генерала Р. Я. Малиновского. Ознакомившись с донесением, Малиновский приказал Бороданкову вылететь обратно и передать мне пакет с боевым распоряжением, в котором указывались направление отхода подвижной группы и последующие рубежи обороны.

В районе совхоза «Гигант» самолет атаковали «мессеры». Один из них зашел со стороны солнца и пулеметной очередью прошил мотор. У-2 вспыхнул, закувыркался. Огонь охватил кабину. Бороданков увидел, как при резком крене летчик выпал за борт. Неуправляемая машина стремительно падала вниз. Бороданков схватил ручку дублированного управления и с большим трудом выровнял самолет. Сажая охваченную пламенем машину, Александр Петрович получил сильные ожоги. К счастью, глаза, прикрытые летными очками, не пострадали.

От сильного удара о землю Бороданкова выбросило из

кабины. Он сбросил горящий китель и тут же увидел, что к самолету бегут гитлеровцы. Бороданков схватился за пистолет, но страшная боль сковала движения: обгоревшая кожа сходила с кистей рук. Превозмогая боль, он стал стрелять. На помощь ему пришли бойцы аэродромной команды. Теряя последние силы, Бороданков успел сказать им, что он офицер связи и должен во что бы то ни стало доставить секретный пакет по назначению. Его привезли в авиационную часть под Белой Глиной, и вскоре самолет с секретным пакетом поднялся в воздух.

О дальнейшей судьбе Бороданкова я узнал уже после войны. Более двух лет Александр Петрович находился в разных госпиталях, перенес несколько пластических операций. После лечения он мог держать изуродованными пальцами карандаш и перелистывать страницы. Хорошая физическая закалка, большая сила воли помогли ему окончить юридический институт. Сейчас Бороданков живет и трудится в Ленинграде. Ему присвоено звание заслуженного юриста РСФСР.

В 1958 году мы встретились с Александром Петровичем в Ленинграде, и вскоре после этого я написал письмоМаршалу Советского Союза Р. Я. Малиновскому, в то время Министру обороны СССР, с просьбой отметить подвиг известного ему офицера связи.

В феврале 1958 года на торжественном заседании трудящихся города Ленинграда и воинов Ленинградского гарнизона, посвященном сороковой годовщине Вооруженных Сил, командующий Ленинградским военным округом Маршал Советского Союза Н. И. Крылов зачитал приказ Министра обороны СССР о награждении Александра Петровича Бороданкова именными золотыми часами. А к двадцатипятилетию победы над фашистской Германией Бороданков был награжден орденом Красного Знамени.

* * *

Около часу дня 2 августа я получил радиограмму следующего содержания: «Начальнику подвижной группы полковнику Нестеренко немедленно явиться к маршалу Буденному».

Вместе с Ломаковским я выехал в Гулькевичи, где находился штаб. Во главе подвижной группы остался командир 176-й стрелковой дивизии полковник Рубанюк, зарекомендовавший себя как очень смелый, волевой, энергичный офицер.

Маршала Советского Союза С. М. Буденного в Гулькевичах мы не застали, он выехал в Армавир. ВПУ фронта и штаб опергруппы

ГМЧ готовились к переезду в Белореченскую. Получив необходимые данные о местах расположения и состоянии своих частей, мы с Иваном Никифоровичем Ломаковским выехали в Армавир.

2 августа противник крупными силами пехоты и до двухсот танков перешел в наступление и овладел Рассыпным, Жуковским и Красной Поляной. С этого рубежа один танковый корпус врага наносил удар на Кропоткин, а второй на Ставрополь.

Для прикрытия Армавира командование фронта спешно перебрасывало с Черноморского побережья 1-й отдельный стрелковый корпус полковника М. М. Шаповалова. Однако он не успел занять оборону и 3 августа под ударами танковых корпусов противника вынужден был на широком фронте отходить за Кубань.

Над Армавиром кружились фашистские самолеты. В центре города рвались бомбы и пылали пожары. У моста арьергардные части 1-го отдельного стрелкового корпусавступили в бой. 14-й дивизион Москвина, 58-й Сидорова, 48-й Логвинова и сводная батарея 43-го гвардейского минометного полка своим огнем прикрывали переправы на реках Синюха и Чамлык.

Танки и мотопехота врага стали обходить их фланги, угрожая окружением. 6 августа дивизионы отошли за реку Лаба.

С помощью штаба 14-го дивизиона нам удалось объединить их действия на участке Лабинск, Курганная. 14-й и 58-й дивизионы огнем срывали все попытки врага форсировать Лабу.

В ночь на 7 августа мы с Ломаковским выехали в Белореченскую, в ВПУ фронта. Там же находился и штаб нашей оперативной группы ГМЧ. Здесь мы узнали, что 18 и 19 гмп с войсками 51-й армии переданы Сталинградскому фронту, 25 гмп и 101 огмд теперь оперативно подчинены 56-й армии и переброшены к Краснодару, 49 и 8 гмп с частями 176-й стрелковой дивизии с тяжелыми боями отходят к Нальчику. Два дивизиона 67 гмп во главе с майором Носаревым и дивизион капитана Кабульникова из 2 гмп отходят к Майкопу. О 43 гмп, находившемся в оперативном подчинении 37-й армии, не было ничего известно.

В Белореченской мы встретились с Р. Я. Малиновским, доложили ему о состоянии своих частей и отданных нами боевых распоряжениях. Как всегда, Родион Яковлевич спокойно и внимательно выслушал нас и рекомендовал выехать в Майкоп, чтобы гвардейскими минометными дивизионами усилить оборону этого очень важного направления.

В своем штабе мы срочно оформили приказ, устно отданный в Лабинске, и выехали в Майкоп. В приказе гвардейским

минометным частям ставилась совершенно самостоятельная задача — держать оборону, прикрывать отход наших войск к Майкопу и вести борьбу с танками противника.

На участке фронта от Курганной до Лабинска вела тяжелые оборонительные бои 40-я механизированная бригада. Она занимала оборону на широком фронте, имея чрезвычайно слабое артиллерийское усиление. В направлении Майкопа отходили подразделения частей 18-й и 12-й армий. Это были мелкие группы без артиллерии и противотанковых средств.

Нам надо было объединить усилия гвардейских минометных дивизионов, чтобы поставить на пути врага мощный огневой заслон. Посоветовавшись с Ломаковским, я решил старшим начальником ГМЧ этого направления назначить капитан-лейтенанта А. П. Москвина, очень храброго и решительного человека, комиссаром — батальонного комиссара Е. Я. Юровского, рассудительного и волевого офицера. В состав подгруппы вошли 14, 58, 48-й отдельные дивизионы и сводная батарея 43 гмп.

Перед Москвиным стояла задача — установить связь с 40-й механизированной бригадой, штаб которой находился в Унарково, совместно с командиром бригады разработать план обороны на реке Лаба и не допустить продвижения противника к Майкопу.

В Майкопе мы разыскали командира 67 гмп майора А. А. Носарева и командира дивизиона 2 гмп капитана И. Л. Кабульникова. Носареву я приказал установить связь с командиром 383-й стрелковой дивизии генералом К. И. Проваловым и группой Москвина, огнем своих дивизионов прикрыть отход наших войск к Майкопу и не допустить прорыва вражеских танков.

В ночь на 8 августа мы прибыли в Белореченскую, в свой штаб. ВПУ фронта и штаб опергруппы готовились к переезду в Хадыженскую. После ознакомления с донесениями из 25-го полка и 101-го дивизиона, артсклада и ПРМ, утомленные непрерывными поездками и бессонными ночами, мы легли отдохнуть. Несмотря на адскую усталость, я не мог спать, меня одолевали тревожные мысли. Командиры 25-го полка и 101-го дивизиона доносили, что под Краснодаром с 6 августа идут тяжелые бои с танками противника. И хотя малочисленные дивизии 56-й армии и бойцы Краснодарского отряда народного ополчения героически отражают натиск врага, положение там остается тяжелым. Артиллерия испытывает недостаток в боеприпасах, из-за чего некоторые артиллерийские полки отводятся за Кубань. В 25-м полку и 101-м дивизионе снарядов

осталось на два-три залпа.

В ночь на 9 августа штаб опергруппы разместился в Хадыженской, на ее северо-западной окраине. Утром мы должны были представиться Маршалу Советского Союза С. М. Буденному. Штаб готовил нам справку о состоянии частей. И вдруг неожиданно появился Москвин. Вид у него был озабоченный.

— Что случилось, Арсений Петрович? — спросил я.

— Танки противника форсировали реку Лаба южнее Лабинска, обходят нас справа, идут на Майкоп. Все попытки гитлеровцев форсировать Лабу на участке Курганная, Лабинск нами отбиты. Прошу разрешения срочно отвести дивизионы к Майкопу.

Москвин был прав: следовало немедленно снимать дивизионы с рубежа реки Лаба и перебрасывать их на оборону Майкопа. Однако для этого нам требовалось разрешение маршала С. М. Буденного. Ломаковский, Москвин и я срочно выехали к нему. Мы ехали с тревожным сообщением и крайне неприятной просьбой... Но другого выхода у нас не было. Если наши части не отойдут к Майкопу, фашистские танки и мотопехота могут ворваться в него и закрыть выход в горы.

Около пяти часов утра мы подъехали к ВПУ фронта. Наше внезапное появление и просьба взволновали Семена Михайловича Буденного. Нам пришлось выслушать немало горьких упреков. Однако обстановка была такова, что нельзя было не согласиться с нашими доводами. Требовалось отвести «катюши» и готовиться к решительным боям в горах.

Получив разрешение, мы вернулись в свой штаб. Начальник штаба по радио дал команду дивизионам отходить к Майкопу.

К вечеру 9 августа танковые подразделения и мотопехота противника ворвались в Майкоп. Наши части успели отойти за реку Белая: 67 гмп — с 12-й армией, а дивизионы Москвина, Сидорова и Кабульникова — с 18-й армией. Из станицы Саратовской мы сумели переправить за Гойтхский перевал большое количество снарядов М-13 и М-8 оперативной группы ГМЧ Северо-Кавказского фронта. В дальнейшем этими снарядами мы обеспечивали свои части.

В боях под Майкопом погиб капитан В. Д. Сидоров, был ранен комиссар Е. Я. Юровский.

Героические действия 383-й стрелковой дивизии генерала К. И. Провалова приостановили дальнейшее продвижение противника на майкопском направлении. Встретив упорное сопротивление под Майкопом, гитлеровцы начали наступление на правом фланге 18-й армии в направлении на Апшеронск и Нефтегорск.

На левом фланге этой армии 13-я танковая дивизиянемцев и моторизованная дивизия СС «Викинг», захватив Белореченскую, рвались к Кабардинской и Хадыженской. Создавалось угрожающее положение для частей и штаба 18-й армии. С захватом Хадыженской противник перерезал бы единственную дорогу, идущую в тыл, к Туапсе.

Принимаем решение: из Майкопа срочно вызвать наши дивизионы. По радио передаю Москвину, чтобы он со своим дивизионом немедленно прибыл в Хадыженскую.

— Вас понял! — ответил Москвин.

Через полтора часа, совершив пятидесятикилометровый марш, дивизион Москвина уже занял огневую позицию на южной окраине Хадыженской. К этому времени с наблюдательного пункта Носарева туда была подана связь. Носарев доложил, что танки и мотопехота врага подходят к Кабардинской, и передал исходные данные для стрельбы.

Вскоре дивизион Москвина дал первый залп вдоль ущелья. Грохот от него прокатился многократным эхом.

— Отлично! — кричал по телефону Носарев. — Надо повторить залп, прибавьте прицел...

Эти первые залпы «катюш» в горах Кавказа оказали неоценимую помощь 18-й армии. Угроза выхода противника ей в тыл была ликвидирована.

Через несколько дней в ущелье Георгиевском я доложил маршалу С. М. Буденному о состоянии частей, о вывезенных из станицы Саратовской снарядах, о 14-м дивизионе и о событиях в Хадыженской. Маршал приказал представить к награде всех отличившихся моряков.

Вскоре 23 моряка 14-го дивизиона были удостоены орденов и медалей. Командир дивизиона А. П. Москвин был награжден орденом Ленина, комиссар Е. Я. Юровский — орденом Красного Знамени. Москвину было присвоено и звание капитана 3 ранга.

К сожалению, этому мужественному человеку и незаурядному командиру не довелось дожить до конца войны. Летом 1943 года А. П. Москвин был тяжело ранен в боях под станицей Крымской и умер в госпитале.

После войны его именем назвали улицу в городе Сочи и океанский теплоход. «Арсений Москвин» ныне бороздит воды Балтийского моря и Атлантики.

Глава пятнадцатая. Горные «катюши»

Вначале августа на участке фронта от Краснодара до Майкопа в горы Кавказа отошли семь дивизионов и одна батарея М-13, а также два дивизиона М-8. В дальнейшем из Нальчика прибыли еще два дивизиона 8-го гвардейского минометного полка.

Теперь оперативная группа ГМЧ Южного фронта стала называться оперативной группой ГМЧ Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта. Командовать группой было приказано мне.

С первых дней боевых действий в горах мы столкнулись с трудностями в боевом применении «катюш». Горные дороги буквально сковали наши дивизионы. Нелегко было отыскать и подходящие площадки для огневых позиций. Нередко приходилось боевые установки располагать вдоль дорог, одна за другой, на больших дистанциях. Это очень затрудняло их наводку. Возникла и проблема определения наименьшего угла прицеливания в горах. Дело в том, что из-за большого рассеивания при стрельбе реактивными снарядами получается довольно широкий сноп траекторий. При стрельбе через гору есть вероятность, что часть снарядов залпа заденет ее вершину. А наши войска, как правило, занимали оборону на вершинах и гребнях перевалов. Пришлось срочно разрабатывать правила стрельбы для горных условий. Мы пришли также к выводу, что для поражения противника на обратных склонах нужно применять мортирный метод стрельбы, то есть вести огонь при углах возвышения более 45 градусов.

Если при залпах прямой наводкой на равнинной местности нам приходилось подрывать канавки под передними колесами боевых машин для снижения угла прицеливания, то теперь, наоборот, надо было поднимать передние колеса.

При углах возвышения более 45 градусов эллипс рассеивания еще больше вытягивался по фронту и сокращался в глубину, что увеличивало эффективность огня по обратным склонам, обращенным в сторону противника. В то же время было установлено, что очень эффективен огонь вдоль ущелий на малых дистанциях, когда эллипс рассеивания вытянут в глубину. Такие залпы хорошо накрывали цели, расположенные вдоль ущелья. А в них, как правило, сосредоточивались войска противника, особенно его вторые эшелоны, тылы, штабы, склады. Условия

местности и ограниченное количество боеприпасов требовали от командиров частей, дивизионов и батарей творческого подхода к стрельбе. Так, например, иногда было целесообразнее давать залпы перед соседним участком фронта, то есть вести своего рода перекрестный огонь. Однако все это не решало еще пока проблемы артиллерийской поддержки нашей пехоты и конников, сражавшихся в горах, где не было дорог для автотранспорта и артиллерии. Требовались подвижные горные установки.

В последних числах августа подполковник И. А. Евсюков сообщил мне, что начальник ПРМ Алферов предлагает своими силами изготовить легкие переносные пусковые установки для снарядов М-8. Эти снаряды мы в достаточном количестве могли получать из Баку. Предложение было стоящее.

Вскоре после вручения наград морякам 14-го дивизиона я рассказал им об идее создания горных «катюш».

— Если у вас найдутся хорошие изобретатели и рационализаторы, — сказал я, — то мы своими силами создадим такие установки...

Не успел я кончить, как раздались голоса:

— Такие товарищи у нас есть. Вот, например, электротехник дивизиона старший лейтенант Суляев или начальник боепитания старший лейтенант Рипс...

Через несколько минут я уже разговаривал с Х. Я. Суляевым и Л. Р. Рипсом. Наша беседа превратилась в своего рода совещание по выработке тактико-технического задания на разработку горной установки.

Мое воображение уже рисовало картины действий наших людей.

Представлялось, как они поднимаются с вьюками пусковой установки по крутым горным тропам, занимают удобную позицию. Горная установка быстро собирается, приводится к бою, и наконец — неожиданные залпы в горах. Но я понимал, что для осуществления этой мечты нужно еще очень многое.

Через два дня Суляев и Рипс представили ориентировочную схему возможного варианта переносной восьмизарядной установки. Было видно, что основная идея ими понята. Они с большим воодушевлением, наперебой рассказывали мне о своем замысле. Я сделал несколько замечаний и рекомендовал пусковую установку конструировать из трех основных узлов: направляющих, фермы и станка, а также просил продумать систему прицельного приспособления, так как рассчитывать на штатные прицелы и панорамы мы не могли.

После нашей беседы Суляев и Рипс были откомандированы в распоряжение начальника ПРМ Алферова. С ними я послал ему

записку, в которой были кратко изложены тактико-технические требования к горной установке. Александр Фомич с большим энтузиазмом воспринял задание. Это была его давнишняя мечта — создать легкую переносную «катюшу». Он фактически взял на себя обязанности ведущего конструктора по созданию нового вида оружия и руководителя всех работ, связанных с его производством и огневыми испытаниями.

Для изготовления первой горной установки в ПРМ была создана бригада из семи человек. В нее вошли самые квалифицированные рабочие: Губкин, Хазов, Колесов, Карабанов, Грязнов, Малахов и Кошелев.

Через несколько дней я выехал в ПРМ проверить, как идут работы. Они шли полным ходом: была разработана принципиальная схема установки, сделаны рабочие чертежи основных узлов. Уже вырисовывалась приемлемая по габаритам и весу система.

Примерно недели через две после начала работ был изготовлен опытный образец горной установки и проведены испытательные стрельбы в направлении моря из парка «Ривьера» в Сочи.

Первые залпы горной батареи вызвали переполох в городе. Посты местной противовоздушной обороны решили,что на воде рвутся авиабомбы. Завыли сирены, люди побежали в укрытия... Испытатели не ожидали такого эффекта. В дальнейшем свои действия они согласовывали с постами и штабом МПВО города.

После испытаний я доложил командующему Северо-Кавказским фронтом Маршалу Советского Союза С. М. Буденному, что нами разработана горно-вьючная установка М-8. Маршал приказал показать ему стрельбу этой установки.

На другой день установка и снаряды были доставлены в ущелье Георгиевское (недалеко от Туапсе), где размещался штаб Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта.

Место для стрельбы выбрали на небольшом плато. Установка должна была вести огонь через ущелье по склону горы на расстояние около полутора километров. Район падения снарядов хорошо просматривался с наблюдательного пункта, находившегося примерно в ста метрах от огневой позиции.

На эту стрельбу с маршалом С. М. Буденным прибыли начальник штаба фронта генерал А. И. Антонов, члены Военного совета.

Горная установка имела общий вес 68 килограммов и состояла из трех основных частей — пакета, фермы и станка. Каждый узел весил 22–23 килограмма. Пакет состоял из направляющих для восьми снарядов (по четыре сверху и снизу).

Ферма, на которой закреплялся пакет, снабжалась поворотным кругом. Станок имел вид прочного опорного круга с крестовиной в центре и четырьмя откидными ногами, как у паука. На концах ног имелись опорные лапы с отверстиями, в которые забивались металлические штыри. Ими станок прочно закреплялся на грунте. Ферма с пакетом направляющих вращалась вокруг центрального болта. Для горизонтальной наводки на опорном круге была нанесена угломерная шкала с точностью до 0–05 артиллерийских делений. На поворотном круге фермы имелась прорезь с указателем для отсчета делений. Она обеспечивала горизонтальную наводку при любом азимуте стрельбы. Для осуществления вертикальной наводки, то есть для придания заданного угла возвышения, с правой стороны пакета был приделан металлический полукруг, повернутый дугою вниз. На этой дуге нанесли шкалу в угловых градусах, потомучто в таблицах стрельбы имелась графа углов возвышения в градусах. Отсчет углов возвышения, соответствующих дальности стрельбы, производился при помощи шнура с отвесом. Это было просто и надежно. Без уровня угол возвышения определялся точно. Таким образом, прицельная система нашей установки позволяла обходиться без сложных оптических и механических приборов, которые достать было невозможно, и обеспечивала необходимую точность.

Первоначальная наводка в цель по заданному азимуту осуществлялась с помощью минометного коллиматора и артиллерийской буссоли.

После знакомства с установкой произвели залп. Все восемь снарядов вылетели почти одновременно, оставляя огненные хвосты в предвечернем небе. Через мгновение мы увидели, как на противоположной стороне ущелья разорвались снаряды. Заполыхал огонь, показались светло-серые клубы дыма. Гром разрывов заполнил ущелье и где-то в горах отозвался многоголосым эхом. Все молчали, как бы ожидая еще чего-то. Наконец маршал сказал:

— Повторить залп.

Минут через десять залп был повторен. И снова такой же эффект: все снаряды в районе цели легли на небольшой площади. Стрельба велась на малой дистанции по крутому склону горы, обращенному к нам. Склон порос мелким кустарником, который создавал темно-зеленый фон. Поэтому разрывы были четко видны, а рассеивание оказалось невелико.

После второго залпа все подошли к установке и стали ее рассматривать. Установка, еще пахнувшая пороховой гарью, была в полном порядке.

Здесь же, на огневой позиции, было принято решение об организации производства таких установок в нашей ПРМ с привлечением сочинских железнодорожных мастерских и формировании двенадцати горных батарей. Позднее это решение было оформлено как постановление Военного совета Северо-Кавказского фронта. Так совершилось важное событие: был сделан первый шаг в создании горной реактивной артиллерии. Постановлением Военного совета фронта общее руководство в деле создания горно-вьючных установок и формирования горновьючных батарей возлагалось на Военный совет оперативной группы ГМЧ фронта.

Начальником формирования, уже своим приказом, я назначил подполковника М. П. Горохова, его заместителем по политчасти — батальонного комиссара Т. В. Попова. Ответственность за производство установок и координацию работ с железнодорожными мастерскими возложил на И. А. Евсюкова.

О решении Военного совета фронта мы доложили в Москву заместителю Наркома обороны генералу В. В. Аборенкову. Для проверки задуманного нами дела и оказания помощи из Москвы к нам прислали от Главного управления вооружения ГМЧ военинженера 3 ранга Н. Н. Юрышева, военпреда с завода «Компрессор» старшего лейтенанта Доброхотова и конструкторов Есакова и Васильева из СКБ того же завода.

Через несколько дней я выехал в Сочи, куда после первых показательных стрельб переехала наша ПРМ. В Сочи мастерская разместилась на территории санатория «Ривьера». В гараже санатория имелись металлообрабатывающие станки, свободные производственные помещения и большой двор, где можно было развернуть работы.

После создания первой экспериментальной установки необходимо было срочно организовать производство сорока восьми таких же. Однако конструкторские, производственные и снабженческие трудности стали возникать одна за другой. Ведь производство установок развертывалось в условиях изолированного фронта, на территории Черноморского побережья Кавказа, где не было промышленных предприятий, способных оказать нам существенную помощь.

Перед нами сразу же встал вопрос: где взять аккумуляторы для такого количества горных установок? В реактивной артиллерии аккумуляторы нужны для воспламенения пороховых зарядов. Без них стрельба невозможна.

«Гонцы», разосланные Алферовым по всему Черноморскому побережью, достали всего лишь несколько штук бывших в употреблении аккумуляторов, которых едва хватило на одну

батарею.

Что же делать? И вот у Алферова возникла такая идея: отказаться от электросхемы и тем самым избавиться от необходимости иметь на каждой пусковой установке аккумулятор. Запал воспламенителя порохового заряда реактивного снаряда должен был поджигаться выстреломхолостого винтовочного патрона, для которого следовало изготовить специальный патронник с ударником. Патронник нужно было крепить вместо штатного пиропистолета на кронштейне с таким расчетом, чтобы его выходное отверстие входило в сопло реактивного снаряда. Спуск взведенного ударника должен производиться выдергиванием чеки. Идея была столь необычной, что мы не сразу смогли оценить ее. Все привыкли к электросхеме. Однако разобравшись, мы поняли, что для горной установки новый способ даже более выгоден. Он упрощал ее обслуживание, уменьшал вес.

Предложение Алферова было принято. Но тут нас всех ожидала новая трудность. Винтовочный бездымный порох не поджигал воспламенитель снаряда М-8. Были испробованы разные пороха: тонкая стружка из нитроглицериновой шашки, артиллерийский порох. Но воспламенитель не загорался. Пришлось искать черный охотничий. К счастью, его скоро нашли в одном охотколлективе Сочи. Но потребовалось подбирать оптимальную дозу, так как при полном патроне гильзу раздувало в патроннике и ее потом нельзя было извлечь, а малые дозы пороха не зажигали воспламенитель снаряда. Эти эксперименты отняли много времени, но увенчались успехом. Однако эта система была все же громоздкой — на каждую установку требовалось поставить по восемь ударных приспособлений.

Ознакомившись с предложением Алферова, представитель московской группы старший лейтенант Доброхотов внес свое предложение, меняющее характер пуска. Речь шла об использовании огневой связи. Суть ее заключалась в том, что полости сопел снарядов последовательно соединялись изогнутыми в дугу трубками. Пуск реактивных снарядов осуществлялся следующим образом. Холостой винтовочный патрон выстреливал в сопло среднего в ряду снаряда и поджигал его пороховой заряд. Отходящие по дугообразным трубкам газы порохового двигателя этого реактивного снаряда зажигали пороховой заряд соседних снарядов, а те в свою очередь поджигали следующие.

И вот эта оригинальная конструкция выполнена в металле. Установку для испытания вывезли на огневую позицию — морской пляж санатория. Все присутствующие отошли метров на

сто в сторону, за барьер пляжа.

Звук залпа был необычен, подобен одиночному шипящему взрыву. Но что это? Первый фонтан разрыва поднялся примерно в километре от берега, второй — немного ближе, а остальные стали стремительно приближаться к берегу. Алферов скомандовал: «Ложись!» Через мгновение метрах в тридцати от испытателей вода с глухим ревом поднялась вверх и тут же хлестко обрушилась вниз. Круговые волны легко покатились от места взрыва и вскоре зашелестели в прибрежной гальке. Это был последний, восьмой снаряд. Все облегченно вздохнули. А произошло следующее. Установка на грунте была недостаточно прочно закреплена, а при пуске давление струи отходящих газов первого снаряда создало опрокидывающий момент для установки. Второй снаряд сходил со своей направляющей уже под большим углом возвышения, а его струя усиливала опрокидывание, и так далее. Короче говоря, снаряды сходили со своих направляющих в то время, когда установка опрокидывалась. Получался своеобразный веер. Последний снаряд сошел чуть ли не в зенит. Он мог вообще упасть на берег, где находилось много людей. К счастью, этого не произошло.

Испытания показали необходимость разорвать «огневую связь» и поставить на верхний и нижний ряды направляющих по винтовочному патрону со своей «огневой связью». На ноги «паука» были приварены тарели с отверстиями, куда забивались металлические штыри для сцепления с грунтом. После этих доработок установка снова подверглась всесторонним испытаниям, которые дали хорошие результаты. Так родилась система залпового пуска реактивных снарядов с использованием винтовочного патрона и «огневой связи».

Сложной задачей для наших конструкторов оказалось создание системы прицеливания и наводки. В решении этой проблемы мне самому пришлось принять непосредственное участие.

Вопрос транспортировки решили сравнительно просто, по примеру горно-вьючных артиллерийских батарей. К лукам кавалерийских седел приделали приспособления для крепления основных узлов установки. Для перевозки снарядов были созданы специальные ранцы, которые приторочивались к седлам с той и другой стороны. В них вмещалось восемь снарядов — один залп установки. Применялисьспециальные ранцы и для переноски. В них укладывалось четыре снаряда — два спереди и два сзади.

Прежде чем направить в бой первую сформированную горную батарею, мы решили провести тактическое учение с боевой стрельбой в горах недалеко от Сочи. Учение показало, что

личный состав подготовлен и батарея сможет выполнять боевые задачи.

В район боевых действий, на Гойтхский перевал, батарея с пятью залпами отправилась на автомашинах (лошадей мы еще не имели), а затем гвардейцы пробирались в горы пешком.

Вместе с батареей пошли и мы с Юрышевым. Перед самым выходом он внезапно заболел желтухой, но все же не захотел остаться на месте.

Первый марш с разобранными установками и снарядами батарея совершила хорошо. Колонну вел проводник. Впереди следовал взвод управления, затем огневой взвод, а за ним взвод обеспечения — подносчики снарядов и хозотделение с продовольствием. В батарее было предусмотрено все необходимое для самостоятельных действий в горах...

Преодолев достаточно трудный горный маршрут, мы поднялись на небольшое плато — район огневых позиций, заранее намеченных на карте. Здесь отыскали поляну, на которой можно было разместить все четыре установки. Юрышев остался на огневой позиции, а мы с командиром батареи и взводом управления (разведчиками и связистами) стали подниматься на гребень высот. Когда пришли на наблюдательный пункт командира стрелкового батальона, оборонявшего этот гребень, было еще светло. Командир полка и командир батальона очень обрадовались нашему приходу. На местности они показали нам, где проходит передний край, где находится противник, где расположены его опорные пункты и откуда он пытается атаковать...

Вместе с командиром полка и командиром батальона мы наметили цель — сопку, заросшую кустарником. Это был опорный пункт фашистов, а за склонами сопки находились их ударные группы и вторые эшелоны.

Связисты потянули проводную линию на огневую позицию, а командир батареи приступил к подготовке исходных данных для стрельбы. Через час Юрышев по телефону доложил, что батарея готова.

Но мы все-таки решили вначале дать четыре контрольных выстрела, а потом уже батарейный залп. По телефону прошу Юрышева передать командиру огневого взвода, чтобы в первой установке были заряжены только верхние направляющие. Ведь стрелять-то мы будем через гребень горы, на которой находятся наши...

Вскоре до нас докатилось резкое отрывистое шипение, похожее на мощный свист, а через несколько секунд почти одновременно разорвалось четыре 82-миллиметровых снаряда.

Убедившись, что снаряды легли в районе цели, решили дать батарейный залп. Прошло некоторое время, и командир батареи снова подал команду: «Батареей, огонь!» Опять послышался короткий, но более резкий, шипящий звук, а затем над нами, словно стая чирков в ночное время, прошумели снаряды нашего залпа. Они с резким треском стали рваться в районе цели. Гул тридцати двух разорвавшихся снарядов раскатистым эхом прокатился по горам и ущельям. Это был первый огневой налет «катюш» в горах Гойтхского перевала. Командиры и бойцы стрелковых подразделений восторгались залпом. Рады, конечно, были и мы.

Командир стрелкового батальона обратился ко мне с просьбой, нельзя ли побольше снарядов отпускать этой батарее.

— Снарядов-то у нас много, да доставить их сюда трудно, — ответил я. — Вам надо иметь в виду, что эти установки могут вести огонь не только с закрытых огневых позиций, но и прямой наводкой, через ущелья и овраги. Только для этого надо уметь выбирать огневую позицию и хорошо маскировать установки. Залпы нужно давать внезапно. Вы с командиром батареи сами разработайте приемы и тактику боевого применения горных «катюш».

Второй залп горной батареи я наблюдал на огневой позиции, когда уже стемнело. По своему звуковому и зрительному эффекту он резко отличался от залпа батарей боевых машин БМ-8. Протекал этот залп очень быстро, 32 снаряда вылетали почти одновременно.

Еще раз пожелав успеха гвардейцам и попрощавшись с ними, я, Юрышев и адъютант двинулись в обратный путь. Теперь мы были уверены, что батарея сможет выполнятьбоевые задачи. Горные установки действовали безотказно. Мы были довольны новой системой зажигания, которая избавила горные батареи от аккумуляторов, пусковых машинок и электросилового кабеля...

Поздно ночью мы вернулись в штаб 67-го гвардейского минометного полка. Испытание на прочность выдержали не только горные установки, но и Н. Н. Юрышев, этот обаятельный, настойчивый и энергичный человек (ныне генерал-лейтенант-инженер). Несмотря на слабость после приступов желтухи, он улыбался: был доволен, что ему пришлось принять участие в первых боевых залпах горных «катюш».

В дальнейшем по мере готовности батарей их немедленно вводили в действие. Всего было изготовлено 58 горных установок М-8 и сформировано из них двенадцать батарей, десять установок оставили в резерве. Позже девять горных батарей были объединены в три отдельных дивизиона, по три батареи в

каждом, остальные были приданы дивизионам М-13 и М-8. Сформированные подразделения направлялись на усиление частей, действующих в наиболее сложных условиях местности, в труднодоступных районах.

Еще во время первых испытаний горной установки родилась идея создания дивизиона «катюш» на дрезинах для охраны железной дороги Туапсе — Сочи, идущей вдоль берега Черного моря. По нашему предложению Военный совет фронта принял решение сформировать такой дивизион. В наше распоряжение выделили четыре железнодорожные дрезины под реактивные установки и четыре платформы для перевозки снарядов.

Почти одновременно с горной установкой конструировалась и изготовлялась двенадцатизарядная установка на дрезине. Там был предусмотрен круговой обстрел и электросхема пуска. На каждой дрезине устанавливалось по две таких установки.

11 октября 1942 года в командование Черноморской группой войск Северо-Кавказского фронта вступил генерал И. Е. Петров.

Боевую стрельбу с дрезин мы должны были показать командующему. Кроме того, нам хотелось продемонстрировать полностью доработанную горную установку с ее «огневой связью» и круговым обстрелом, а также горную установку для пуска снарядов М-13.

Испытания проводились под руководством Алфёрова в Лазаревской, расположенной между Сочи и Туапсе. Выбор огневых позиций для горных установок М-8 и М-13 не представлял труда, но для дрезин это оказалось не простым делом: мешали провода железнодорожной линии.

Перед стрельбой командующий Черноморской группой войск Северо-Кавказского фронта генерал И. Е. Петров и члены Военного совета внимательно осмотрели представленные образцы установок, задали несколько вопросов о их боевых возможностях. Затем была показана стрельба. Она прошла удачно. Когда же установку М-13 приказали разобрать, то сразу выявился дефект: пакет, ферма и станок оказались связанными электропроводкой, в электроцепи не были поставлены штепсельные разъемы. Установку приказали доработать.

Уезжая, генерал И. Е. Петров поблагодарил за показ и приказал ускорить изготовление установок и обеспечить ими формируемые подразделения.

Так, благодаря творческой инициативе А. Ф. Алферова и работников ПРМ, поддержанной Военным советом опергруппы ГМЧ Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта, был создан новый вид ракетного оружия, отвечающий специфике военных действий в горной местности.

В 1944 году на 4-м Украинском фронте по предложению капитана В. И. Краснопера и под его руководством в ПРМ-62 горные установки были смонтированы на «виллисах». Два дивизиона таких боевых машин успешно действовали в Карпатах.

В октябре 1942 года был полностью сформирован отдельный гвардейский минометный дивизион на железнодорожных дрезинах. Командиром его стал старший лейтенант А. Н. Виноградов (начальник штаба 14-го отдельного гвардейского минометного дивизиона моряков). Этот офицер имел достаточный боевой опыт и хорошую подготовку.

Однажды в начале октября 1942 года, когда я находился в ПРМ, Алферов представил мне старшего лейтенанта, командира отряда катеров, базировавшихся в районе Сочи (к сожалению, фамилию его не помню). Командир отряда просил дать ему несколько горных установок, чтобы применить их на катерах. Учитывая острую потребность в маневренных огневых средствах для охраныпобережья, я дал Алферову указание выделить одну установку и оказать морякам практическую помощь в ее монтаже на катере, обучить их стрельбе реактивными снарядами, обеспечить таблицами стрельбы и необходимым количеством снарядов.

Через некоторое время мы с Евсюковым побывали у моряков и убедились, что наши горные «катюши» хорошо вписываются в габариты катеров и значительно увеличивают их огневую мощь. Увидев это, я приказал Евсюкову из имеющегося резерва передать морякам еще три установки и отпускать снаряды по их требованию.

В темную ноябрьскую ночь отряд катеров, вооруженных реактивными установками, незаметно подошел к Анапе и произвел огневой налет по сосредоточению войск противника. Залп четырех катеров составлял всего лишь 32 снаряда, но он был настолько неожиданным, что гитлеровцы только через несколько минут открыли беспорядочную стрельбу из зенитных орудий и пулеметов. Когда фашисты опомнились и разобрались, откуда произведен залп, наши катера были уже далеко в море.

В январе 1943 года, в период подготовки десантной операции под Новороссийском, командующий Черноморской группой войск генерал И. Е. Петров приказал мне передать морякам еще восемь горных установок, которые потом были смонтированы на тральщике «Скумбрия».

При высадке десанта под Новороссийском, в районе косы Сунджукская, «Скумбрия», вооруженная реактивными установками, участвовала в артиллерийской поддержке высадки десанта. Один ее залп составлял 96 снарядов 82-миллиметрового

калибра. Это был первый ракетоносный корабль огневой поддержки на Черном море.

На усиление войск, героически сражавшихся на плацдарме южнее Новороссийска, был отправлен 3-й гвардейский минометный дивизион горных «катюш» под командованием гвардии капитана Д. И. Ермольчика (ныне генерал-майор). Заместителем его по политчасти был бывший комиссар ПРМ капитан Ф. Новосад.

9 февраля вместе со стрелковыми подразделениями дивизион Ермольчика погрузился в Геленджике на два транспорта Азовской флотилии «Тракторист» и «Земляк».

В ночь на 10 февраля под прикрытием боевых кораблей Черноморского флота транспорты вышли к Малой земле. Торпедные катера противника обнаружили их и атаковали. «Тракторист» был потоплен. На нем погибли капитан Ф. Новосад, взвод управления дивизиона и одна батарея. Второй транспорт «Земляк», на котором находились две батареи и командир дивизиона капитан Ермольчик, напоролся на подводный камень, получил повреждение и вынужден был вернуться в Геленджик.

В течение суток за счет других горных батарей дивизион был доукомплектован и в ночь на 12 февраля вторым рейсом благополучно, без потерь высадился на Малой земле. 13 февраля на участке 83-й морской стрелковой бригады дивизион вступил в бой.

Появление горных «катюш» в боевых порядках стрелковых подразделений воодушевило бойцов. Внезапные залпы реактивных установок наносили врагу большой урон.

Чтобы сохранить свои батареи и с наибольшим эффектом использовать их, капитан Ермольчик внимательно изучил особенности рельефа местности и пришел к выводу, что вопреки установившимся правилам огневые позиции надо выбирать как можно ближе к переднему краю нашей обороны, так как эта полоса противником почти не просматривается и меньше подвергается артиллерийскому и минометному обстрелу. Малогабаритные и легкие установки незаметно для противника выносили по ходам сообщения, траншеям, выемкам и штольням в каменоломнях и устанавливали на огневые позиции в трехстах — четырехстах метрах от переднего края. По этим же ходам сообщения на огневые позиции в ночное время доставлялись снаряды. В обеспечении дивизиона снарядами и продовольствием немалая заслуга принадлежала гвардии лейтенанту Графскому.

Капитан Д. И. Ермольчик, этот скромный, организованный и храбрый офицер, проявил тактическую зрелость, инициативу и находчивость. За умелое руководство дивизионом и личную

храбрость в период боевых действий на Малой земле он был дважды награжден орденом Красного Знамени. Эти ордена ему вручил там же, на Малой земле, начальник политотдела 18-й армии полковник Л. И. Брежнев. На Малой земле капитан Ермольчик был принят в члены Коммунистической партии. Там же он получил и партийный билет.

Дивизион пробыл на Малой земле более двухсот дней и выпустил по фашистам более шести тысяч снарядов, не потеряв ни одной установки.

Отлично действовал 2-й горно-вьючный дивизион «катюш» под командованием капитана С. И. Жуйко. Этот дивизион сразу же после сформирования был переправлен через Лазаревский перевал на участок 46-й армии генерала К. Н. Леселидзе. Своими залпами он поддерживал стрелковые части, героически сражавшиеся на горах Семашхо, Два Брата, Индюк, на Гойтхском перевале. Впоследствии дивизион Жуйко был тоже десантирован на Малую землю и оказал там большую помощь нашим частям. Но это было уже значительно позже...

Глава шестнадцатая. Действия в горах

После того как наши войска сорвали все попытки врага захватить Новороссийск, основные усилия противник сосредоточил на туапсинском направлении. Не считаясь с потерями, он рвался к Туапсе, расчищая путь своим войскам ударами штурмовой и бомбардировочной авиации.

За несколько дней боевых действий на подступах к Туапсе дивизионы «катюш» отразили пять атак противника, рассеяли и уничтожили 8 вражеских батальонов, подавили 16 артиллерийских и минометных батарей, 28 пулеметов, подожгли три склада с боеприпасами. Для отражения внезапных атак выделялись дежурные батареи. Наиболее ожесточенно гитлеровцы бомбили ущелье, идущее от Гойтхского перевала до Туапсе. Здесь были сосредоточены все имевшиеся в нашей опергруппе зенитные средства: пять 37-миллиметровых зенитных пушек и восемь спаренных пулеметов. Очень мало средств ПВО было также в стрелковых и артиллерийских частях. Если в Сальских и Кубанских степях основную опасность представляли танки противника, то в горах — вражеская авиация. Мы изыскивали всяческие возможности для борьбы с нею. Противотанковые ружья теперь в основном применялись против низколетящих и пикирующих самолетов. Однако одиночная, разрозненная стрельба из них была малоэффективна.

Ломая голову над воздушным прикрытием боевых порядков частей, мы пришли к выводу, что для повышения эффективности стрельбы по низколетящим и пикирующим самолетам из противотанковых ружей их надо поставить на специальные треноги, обеспечить прицелами,как у зенитных пулеметов, и объединить в боевые группы. Эту идею поддержали члены Военного совета Дрожжин и Ломаковский. Военным советом оперативной группы ГМЧ было принято решение собрать из всех дивизионов противотанковые ружья и приспособить их для стрельбы по самолетам. В ПРМ быстро изготовили треноги из водопроводных труб и разработали простейшие зенитные круговые прицелы. Всего было переоборудовано 72 противотанковых ружья, которые объединили в сводный зенитный дивизион. Он расположился на сопках и склонах гор вдоль ущелья, прикрывая наши боевые порядки. После того как дивизион подбил три вражеских самолета, противник прекратил полеты на малых высотах.

Во всех гвардейских минометных частях велась работа по подготовке снайперов из числа разведчиков и связистов, постоянно находившихся в боевых порядках пехоты.

Не имея опыта действий в горах, мы не знали и о коварных свойствах горных речек. Между тем в конце августа прошли ливневые дожди, и маленькая безобидная речушка, вдоль которой расположились наши части, превратилась в мощный, бурлящий поток. Он сметал на своем пути буквально все: повозки, машины, ящики с продовольствием и боеприпасами.

Столкнулись мы и еще с одной неожиданностью. Оказалось, что грунт на склонах гор мгновенно пропускает воду. Поэтому в землянках и блиндажах, засыпанных сверху землей, во время дождей стояли лужи.

Когда наступила осень, воинам на переднем крае стало совсем плохо. Как-то раз по заданию генерала И. Е. Петрова мы с адъютантом Сашей Строгановым поднялись на гору Индюк, чтобы проверить организацию обороны на этом очень важном участке. Требовалось уточнить, где проходит передний край нашей обороны, определить, откуда и куда можно вести огонь.

С командиром стрелкового батальона мы побывали во многих окопах, где круглосуточно несли боевое дежурство пулеметчики, снайперы и автоматчики.

Несколько дней подряд непрерывно шел моросящий дождь. В окопах стояли лужи холодной воды. Спасаться от дождя можно было лишь в немногих блиндажах, под потолком которых натягивались плащ-палатки. Такиеблиндажи с трудом вырывались в горном каменистом грунте.

В передовых окопах нельзя было разводить костры. Как только появлялся где-нибудь дымок, противник немедленно открывал по нему минометный или артиллерийский огонь.

Обогреться и обсушиться можно было, только спустившись в глубокое ущелье, где разводили огонь, готовили пищу. Но добраться туда по извилистым скользким горным тропам было очень трудно.

От непрерывно моросящего дождя мы промокли до нитки. Чтобы хоть немного обсушиться, командир батальона предложил нам зайти в пещеру, которая располагалась совсем близко от передовой. В ней размещался медпункт.

Мы проползли через низкий, но довольно широкий вход и оказались в просторной пещере. Ее каменный свод был надежным укрытием. Посредине горел маленький бездымный костер, поддерживаемый заботливой рукой. Он служил источником тепла и света. Нас встретил пожилой украинец, санинструктор батальона:

— Грейтесь, товарищи командиры, у нас тут хорошо. К нам сюда по очереди приходят бойцы, а иногда и командир батальона с замполитом. Они все время в окопах, следят, чтобы фрицы внезапно не напали на нас. Ведь отступать нам больше некуда.

— Это верно вы говорите, — сказал я. — Вот поднакопим сил да так ударим, что фашисты ноги не унесут.

— Товарищ командир, а кто вы будете?

— Я командую «катюшами».

— Это здорово! А почему «катюши» редко стреляют? Вы бы побольше нам огоньку давали.

— Рады бы, голубчики, да снаряды уж очень трудно сюда доставлять. К тому же вести огонь «катюшами» по пулеметам да автоматчикам не годится. Это все равно что муху бить обухом. Так что вы на «катюши» надейтесь, а сами не плошайте.

Мое объяснение вызвало дружный смех. Спускаясь с горы Индюк, я подумал о том, что надо как можно быстрее вводить в действие горные установки.

Поддерживая стрелковые части, ведущие бои в горах, командиры, политработники и бойцы наших дивизионоводелали все возможное и все зависящее от них. В штаб нашей оперативной группы от командующих армиями, командиров дивизий и начальников артиллерии поступали благодарственные отзывы, просьбы увеличить отпуск боеприпасов и подбросить еще хотя бы батарею на тот или иной участок. О боевой деятельности 25-го гвардейского минометного полка, которым командовал Герой Советского Союза майор М. М. Родичев, рассказало письмо Военного совета 56-й армии, подписанное генерал-майором А. И. Рыжовым, бригадным комиссаром Г. А. Комаровым и генерал-майором Г. С. Кариофилли. В письме говорилось:

> «За время пребывания в составе 56-й армии с 8.8 по 6.10 1942 года полк оказал энергичную поддержку ее частям, которые вели упорные бои с превосходящими силами противника. Полк показал образцы внезапного и точного огня по скоплениям противника в районе города Краснодара и своими мощными залпами обеспечил переправу наших войск через реку Кубань. За отличное выполнение боевого задания 11.8.1942 года Военный совет армии всему личному составу 25 гмп объявил благодарность...»

Генерала Кариофилли, подписавшего этот отзыв, я знал еще до войны, когда он был заместителем командующего артиллерией Белорусского военного округа. Он часто проводил инспекторские стрельбы, не раз проверял и 170-й

артиллерийский полк, которым я командовал. С той поры о генерале Кариофилли у меня сложилось впечатление, как о выдающемся артиллеристе, замечательном человеке, требовательном военачальнике. Когда я прочитал отзыв, то сразу же подумал: «Уж если Кариофилли подписал такой документ, то полк действительно достоин похвалы». Аналогичные отзывы поступали и в адрес других полков и дивизионов нашей группы.

В тяжелых боях, в которых участвовали ГМЧ, огромное значение имела хорошо поставленная партийно-политическая работа. Большое внимание ей уделяли члены Военного совета группы, командиры и заместители командиров частей по политчасти. Члены Военного совета М. И. Дрожжин и И. Н. Ломаковский систематически выезжали в войска. Они доводили до командного и политического состава боевые задачи и требования Военного совета фронта, инструктировали политработников,секретарей партийных и комсомольских организации, присутствовали на партийных собраниях и заседаниях партийных бюро частей, проводили беседы, рассказывали об опыте лучших подразделений. Все это сплачивало личный состав, воодушевляло его на выполнение боевых задач.

В деле мобилизации усилий личного состава ГМЧ огромную роль сыграло обращение Военного совета Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта. Это обращение было написано по случаю награждения орденами и медалями большой группы воинов, а также в связи с годовщиной боевых действий гвардейских минометных частей фронта. В обращении говорилось: «Товарищи гвардейцы, в ваших руках грозное, испытанное в боях оружие. Немецко-фашистские бандиты боятся вашего огня. Пусть же ваш огонь будет еще губительнее, еще страшнее для ненавистного врага. Крепче удар вашего оружия!»

После отхода в горы гвардейские минометные части Черноморской группы войск действовали на туапсинском, горячеключевском и новороссийском направлениях. По мере надобности они перебрасывались из одной армии в другую на большие расстояния.

С августа по декабрь 1942 года Военному совету и штабу ГМЧ Черноморской группы войск фронта приходилось не только управлять своими войсками, но и решать серьезные организационные вопросы.

Так, нами было сформировано двенадцать горных батарей, отдельный дивизион на дрезинах, зенитный дивизион из ПТР, а 14-й дивизион моряков, с разрешения Москвы, был развернут в 305-й гвардейский минометный полк. Дивизион капитана

Кабульникова из 2 гмп был доукомплектован боевыми машинами и передан в состав 67 гмп.

Организации новых дивизионов для 305-го полка способствовало наличие автотранспорта в нашей группе. В период тяжелых оборонительных боев в Сальских степях и на Кубани с нами в горы отошли и автомашины гвардейских минометных полков, двигавшихся к Сталинграду и Нальчику.

Большую роль в восстановлении автотранспорта и боевых машин, значительная часть которых по решению Военного совета фронта пошла на укомплектование вновь организуемых дивизионов, сыграла наша ПРМ. Огромнаязаслуга в этом начальника ПРМ А. Ф. Алферова и моего заместителя по артиллерийско-техническому снабжению подполковника И. А. Евсюкова.

Все работы в мастерской проходили под руководством и при непосредственном участии А. Ф. Алферова. Однажды в ПРМ на буксире притащили боевую машину в крайне опасном состоянии: на ней находились шесть не сошедших и не взорвавшихся снарядов, которые заклинило при взрыве. Снять их было невозможно, а следовательно, нельзя было приступить к ремонту. Подорвать снаряды — значит уничтожить боевую установку. Но мы не могли терять оружие.

Специалиста по боеприпасам в мастерской не было, и сделать заключение, в каком состоянии находятся взрыватели этих снарядов, никто не мог. И вот начальник ПРМ Алферов сам взялся за эту опасную работу. Установку отбуксировали метров на сто от мастерской. Алферов с накидным ключом взрывателей влез на установку, на один из снарядов осторожно положил ключ и начал его поворачивать. Одно неверное движение и... Но вот взрыватель пошел легко, теперь можно было отвинчивать его рукой. Так сняли все шесть взрывателей. Затем таким же образом от ракетных камер отвинчивали боевые части снарядов. Сами же ракетные камеры сбивали с направляющих обыкновенной кувалдой, положив чурбан на торец камеры. Боевая машина была восстановлена.

Ремонт машин, искореженных преждевременными взрывами снарядов, был тоже крайне сложен. Приходилось вырезать куски направляющих, сильно деформированных при взрыве и неподдающихся исправлению. Из годных кусков сваривались новые направляющие, правда, на одну-две меньше, чем обычно. Поэтому установки могли теперь давать залпы только меньшим числом снарядов.

Наша ПРМ выработала систему пуска из укрытия. Система эта сводилась к следующему: вместо штурвала пульта управления

огнем устанавливался шкив. На него накидывался замкнутый шпагат. На удалении 10–15 метров от установки вырывалась щель. Шпагат пропускался через открытое окно двери кабины и протягивался к щели. Командир боевой установки, укрывшись в щели, тянул за шпагат, который вращал шкив, сделанный, попредложению Алферова, из консервных банок с отбортованными краями (в ПРМ не было металлических болванок больших диаметров). Контакты электроцепи пуска замыкались при этом как обычно. Чтобы шпагат не слетал со шкива, на дверцу кабины ставилась направляющая скоба.

Эта примитивная, на первый взгляд, система работала надежно, обеспечивала полную безопасность. Она была высоко оценена боевыми расчетами. Более того, ее в принципе повторили заводы, выпускавшие БМ-13. Впоследствии к нам поступали как отдельные комплекты таких устройств, так и установки, оборудованные ими. Правда, шкивы у прибывавших машин были выточены из металла.

О боевой активности дивизионов «катюш» в горах Кавказа красноречиво свидетельствуют цифры. Так, за октябрь, ноябрь и декабрь 1942 года гвардейскими минометными частями было выпущено 22 892 снаряда. Надо ли говорить, что для горных условий это довольно внушительная цифра.

Командующий Черноморской группой войск генерал-лейтенант И. Е. Петров был исключительно мобильным человеком, решительным, полным энергии. Он почти непрерывно находился в войсках, вникал во все детали фронтового быта. Для поездки в части он использовал все виды транспорта — машины, самолеты, морские катера, железнодорожные дрезины. В труднопроходимых местах Иван Ефимович передвигался на лошади или пешком. Он был очень подвижен и вынослив. Иногда мы задавали себе вопрос, когда же командующий отдыхает.

Поскольку гвардейские минометные части имелись во всех армиях и действовали на главных направлениях, командующий при выезде в ту или иную армию почти всегда брал меня с собой.

Однажды мы с генералом Петровым на двух вездеходах пробирались на участок 47-й армии. На одном из подъемов наткнулись на хвост автоколонны. Погода стояла отвратительная: моросил мелкий дождь. Командующий в плащ-палатке вышел из машины и быстро пошел вперед. Мы с порученцем командующего поспешили за ним. В стороне от остановившейся колонны на полянке горел небольшой костер. Вокруг него сидели бойцы.

— Здравствуйте, товарищи! — поздоровался с ними командующий.

— Здравствуй, товарищ! — негромко ответил один басистый

голос.

— Можно погреться у вашего костра? — спросил Петров.

— Грейтесь, не жалко, — ответил тот же голос.

— Почему стоите и не двигаетесь дальше? — спросил генерал.

— Откуда нам знать? Впереди стоят, и мы стали. Здесь не обгонишь, — пробасил все тот же голос. — Говорят, что там на горе пробка.

— Застряла машина, убрать не могут, — пояснил другой боец.

— А почему же вы сидите и не помогаете?

— Да там без нас народу хватает. Есть и командиры. Наверное, ждут Петрова, он им быстро расчистит дорогу...

— А кто такой Петров? — спросил Иван Ефимович.

— Наш новый командующий. Ты что же, неужели не слышал?

— Должно быть, сердитый? — допытывался генерал.

— Говорят, крутой человек, но справедливый. Мотается по фронту днем и ночью.

— Ну что ж, спасибо, ребята, за огонек, надо нам двигаться, — сказал Петров.

— Ну, коли надо, так двигайтесь. Пешком проберетесь, — уверенно сказал боец, подбрасывавший в костер мокрые сучья. А другой, указывая на Петрова, тихо спросил порученца:

— Кто такой будет?

— Да это же и есть Петров, — громко ответил порученец. А командующий уже быстро удалялся. За ним поспешили и мы.

Обходя машину за машиной, мы добрались до головы колонны. На крутом подъеме, почти у вершины перевала, одна из цистерн с горючим сначала забуксовала, а потом юзом пошла назад. Левым задним углом она теперь упиралась в скалу, а правое переднее колесо почти повисло над пропастью. Как ни пытались бойцы на тросах поднять машину, все их усилия были тщетны. Командующий, глядя на это, глубоко вздохнул и сказал:

— Выход один. Цистерну надо столкнуть в пропасть. Из-за нее нельзя задерживать движение... Товарищ Нестеренко,организуйте работу, а мы двинемся дальше. Времени нет.

С помощью офицеров, находившихся в колонне, я собрал достаточно большую группу бойцов. Но подойти к цистерне было трудно: слева — скала, справа — обрыв.

— А зачем сбрасывать? — вдруг спросил один из бойцов. — Ведь и машину жалко, и горючее пригодится.

— А что же делать? — раздалось сразу несколько голосов.

— Да ведь ее можно вытащить!

— Как же?

— Очень просто! Надо собрать тросы покрепче. Один зацепить за задний левый угол цистерны, а второй за правый передний крюк, машинами и людьми потянуть на растяжку.

Идея была ясна, совет разумен. Буквально через несколько минут бойцы притащили тросы, привязали их, как рекомендовалось. Когда машины и люди потянули тросы, переднее колесо сравнительно легко выскочило из обрыва, а левый угол цистерны отошел от скалы. Машина стала на дорогу...

Когда я доложил командующему, как устранили пробку, он сразу же спросил:

— А как фамилия бойца?

Но я, к сожалению, ее не знал.

— А ведь он заслуживает награды, — сказал И. Е. Петров. — Сколько у нашего солдата смекалки, мудрости, практического опыта!

Поистине героический марш по труднопроходимым горным дорогам совершил 101-й дивизион капитана К. Д. Трофимова. В этом была огромная заслуга водителей и техников. Они умудрились где-то достать цепи и поставили их на все машины. Водители проявили исключительное искусство и выжали все возможное и даже невозможное из своих полуторок и трехтонок, продвигавшихся по очень опасным дорогам, где с одной стороны — пропасть, а с другой — отвесная скала. Дивизион выполнил боевую задачу и своим огнем оказал неоценимую помощь обороняющимся частям.

В середине октября противник перешел в наступление на туапсинском направлении и овладел Шаумяном. Шли ожесточенные бои за Елисаветпольский перевал. Положение на участке 18-й армии становилось все тяжелее.

Вместо генерал-лейтенанта Ф. В. Камкова в командование ею вступил генерал-майор А. А. Гречко.

23 октября противник вышел к горам Семашхо и Два брата, а его передовые части — к реке Туапсинка, что в тридцати километрах от Туапсе. В результате принятых командованием мер и героических действий наших воинов дальнейшее продвижение гитлеровцев было приостановлено. В этих боях отлично действовали артиллерия 18-й армии и гвардейские минометные части. В докладе о боевой деятельности ГМЧ за октябрь 1942 года говорится: «За октябрь частями группы было произведено 258 залпов. Только на туапсинском направлении было выпущено 6185 снарядов, а всего 9769. Наиболее активно действовали 14, 320 и 322-й дивизионы и 1-я горная батарея, которая выпустила по врагу 1016 снарядов».

Для удобства управления частями и обеспечения их боеприпасами в армиях создавались подгруппы ГМЧ. Так, в октябре в 18-й армии была создана подгруппа в составе 320, 321, 322-го дивизионов 67 гмп, 14-го и 415-го дивизионов 305 гмп, 222-го дивизиона 25 гмп, 48 огмд, 1-й и 2-й горных батарей. Возглавлял подгруппу командир 67 гмп майор А. А. Носарев. В 56-й армии в подгруппу входили 223-й и 224-й дивизионы 25 гмп и 101 огмд. Начальником подгруппы был командир 25 гмп майор М. М. Родичев. В 47-й армии подгруппа состояла из 57-го и 58-го дивизионов 8 гмп. Ее возглавлял подполковник А. М. Лобанов.

12 декабря 1942 года командование решило провести частную операцию с целью уничтожения группировки противника, вышедшей к горам Индюк и Семашхо. Основную роль в этой операции должны были играть 83-я стрелковая дивизия полковника А. А. Лучинского и 383-я стрелковая дивизия генерала К. И. Провалова. Накануне операции полковника А. А. Лучинского и меня вызвал генерал И. Е. Петров.

— Какими силами ГМЧ мы сможем поддержать наступление 383-й стрелковой дивизии? — спросил генерал.

Я доложил, что на участке дивизии мы можем сосредоточить два дивизиона М-13, два дивизиона М-8 и три горные батареи.

ГМЧ мы планировали использовать так. В семь часов утра — залп всеми установками по ближайшим районамсосредоточения противника, в 7 часов 15 минут — повторный залп. В это же время, с 7.05 до 7.20, артиллерийская группа дальнего действия 18-й армии (командующий артиллерией армии полковник А. К. Сокольский) и часть батарей М-13 производят огневые налеты по артиллерии противника. С 10.30 до 11 часов артиллерия поддержки пехоты и минометные батареи обрабатывают передний край врага. В 10.45 ГМЧ дают третий залп установками М-8, а установки М-13 переносят огонь в глубину, орудия прямой наводки обрабатывают передний край. В 11.00 пехота идет в атаку.

Однако залпы «катюш» положить непосредственно по переднему краю мы не смогли. Не позволило расположение нашей пехоты. Артиллерия с закрытых позиций также не могла вести огонь по переднему краю противника, так как на нисходящей ветви траекторий снаряды задевали вершины деревьев и рвались над нашими передовыми цепями. Орудий для стрельбы прямой наводкой было явно недостаточно. Все это привело к тому, что передний край обороны противника мы обработали плохо.

Шел холодный моросящий дождь. Спуски и подъемы стали скользкими. Пехота наступала медленно. В течение дня наши

передовые подразделения продвинулись всего лишь на 300–500 метров.

И все же, несмотря на огромные трудности, в последующие дни нашим войскам удалось отбросить противника за реку Пшиш.

Я же для себя сделал некоторые выводы, которые по просьбе командующего Черноморской группы войск обобщил в докладе на его имя.

> «При выборе направления главного удара в горах, — говорилось в докладе, — исходить надо не из конфигурации линии фронта, а из особенностей местности. Успех дела решает не количество наступающих, а качество их обученности действиям в горных условиях, а также обеспеченность связью и огневой поддержкой артиллерии. Наступать надо поэтапно, так как на крутых склонах бойцы быстро устают. Применение огня дивизионов РС, и особенно М-8, по переднему краю из-за большого рассеивания невозможно, а по укрепленным узлам из-за слабого фугасного действия нецелесообразно. Массированный огонь РС эффективен по объектам, находящимся в глубине обороны противника, по его подходящим резервам,тылам, штабам. Поэтому крайне необходима авиаразведка. Артиллерию нужно применять сосредоточенно на главном направлении, а не распылять по всему фронту».

Прочитав мой доклад, генерал Петров сказал:

— А все-таки противник отошел за реку Пшиш! Так что огонь гвардейских минометных частей и артиллерии сделал свое дело.

Это была радостная весть. А за ней последовала вторая.

— Генерал Аборенков передал из Москвы, — сказал командующий, — что вам присвоено звание генерал-майора. Поздравляю вас от души!

И командующий крепко пожал мне руку.

Трудно передать словами те чувства, которые охватили меня. Ведь это было уже третье звание, полученное мною за полтора года войны! А было мне тогда всего тридцать четыре года.

К 17 декабря семашхо-индюкская группировка врага была ликвидирована. После этого на фронте от Туапсе до Новороссийска инициатива перешла в наши руки. Части 18, 56, 47-й армий последовательно на разных участках фронта переходили в наступление, теснили врага.

10 февраля 1943 года войска Северо-Кавказского фронта вышли к Краснодару. 11 февраля, форсировав Кубань, 40-я

мотострелковая бригада ворвалась в Краснодар. Поддерживая наступление наших войск на краснодарском направлении, в кубанские равнины вышли и гвардейские минометные части. Это были 67-й и 305-й полки, а также 48-й и 101-й отдельные дивизионы; 8-й полк остался под Новороссийском с войсками 47-й армии.

Из Москвы было получено распоряжение о том, чтобы гвардейские минометные части Черноморской группы войск, действовавшие на краснодарском направлении, передать в оперативную группу ГМЧ Северо-Кавказского фронта, которой командовал генерал М. И. Дегтярев. Наша встреча с М. И. Дегтяревым в Лабинске была радостной. Нам было о чем вспомнить и рассказать друг другу. А когда я вернулся в штаб Черноморской группы, мне сообщили, что я должен выехать в Москву. Вместе со мной отзывался и член Военного совета нашей группы ГМЧ полковой комиссар М. И. Дрожжин.

Глава семнадцатая. Перед бурей

В Москву я приехал в конце марта. Генерал В. В. Аборенков принял меня любезно, Он сообщил, что скоро в Москву прибудет штаб гвардейских минометных частей Черноморской группы войск Северо-Кавказского фронта с походной ремонтной мастерской (ПРМ) и подразделениями артсклада.

— Пока вы пробирались окружными путями, восстановили железные дороги, и с юга на Москву пошли поезда. Так что через несколько дней будете встречать свой штаб. — Аборенков помолчал немного и добавил: — Мы вас вызвали, чтобы снова направить к Малиновскому. Начальником оперативной группы у него генерал Вознюк. Ватутин просит перевести Вознюка к нему. Малиновский хочет, чтобы вы были начальником оперативной группы его фронта. Как вы смотрите на это предложение?

Я ответил, что готов ехать к Малиновскому.

— Вознюк тоже согласен идти к Ватутину, — заметил Аборенков. — Однако назначение и перестановка начальников оперативных групп ГМЧ фронтов производится только с разрешения Верховного Главнокомандующего. Сегодня мы с генералом Дегтяревым будем ему докладывать свои предложения. Завтра утром вы узнаете решение.

На другой день Аборенков сказал мне, что И. В. Сталин не утвердил их предложение. Он приказал Вознюка оставить на месте, а меня назначить на Брянский фронт вместо Воеводина. «Вознюк знает свои части и обстановку на фронте, — сказал Сталин, — зачем же делать так,чтобы перед тяжелыми боями и Вознюк и Нестеренко не знали своих частей и обстановку...»

— В таком случае, прошу наш штаб, артсклад и ПРМ направить на Брянский фронт. А Воеводину на новом месте будет лучше работать со своим штабом.

— Решение этого вопроса в нашей власти, — ответил Аборенков. Дегтярев добавил, что для преемственности целесообразно начальника штаба группы Воеводина подполковника В. И. Задорина оставить на месте, тем более что начальник штаба ГМЧ Черноморской группы подполковник Г. В. Осмоловский уже получил новое назначение.

Через несколько дней вместе с членом Военного совета полковником И. Н. Ломаковским с юга прибыли штаб и тылы ГМЧ Черноморской группы войск.

В Москве мы отремонтировали автотранспорт, взамен

пришедших в негодность машин получили новые и в конце апреля своим ходом убыли на Брянский фронт.

Перед нашим отъездом генерал Аборенков сказал мне:

— Против Курского выступа противник готовит мощный удар. Вашему фронту отводится особое место в решающем контрнаступлении. Мы отправляем вам большое количество снарядов, половина из них тяжелые — М-30 и М-20. Готовьте свои части к напряженным боям...

* * *

После разгрома и пленения войск фельдмаршала Паулюса под Сталинградом гитлеровское командование всеми силами стремилось вернуть стратегическую инициативу. Для этого готовилась крупнейшая наступательная операция, названная фашистами «Цитадель». План врага заключался в том, чтобы концентрическими ударами с севера и с юга уничтожить наши войска, находившиеся на так называемом Курском выступе, который образовался в результате наступательных операций Красной Армии зимой 1943 года. В район боевых действий стягивались лучшие фашистские дивизии. Особые надежды гитлеровское командование возлагало на танковые части, которые имели в своем составе новые мощные танки типа «Пантера», «Тигр» и самоходные орудия «Фердинанд». Фашистская авиация получила много новых самолетов типа «Фокке-Вульф-190А» и «Хейнкель-129». Севернее а южнее Курского выступа враг сосредоточил пятьдесятотборных дивизий, из них шестнадцать танковых и механизированных, 4-й и 6-й воздушные флоты. Всего фашисты имели здесь около 900 000 солдат и офицеров, до 10 000 орудий и минометов, 2700 танков и свыше 2000 самолетов.

Накануне наступления Гитлер, выступая перед руководящим составом вермахта, заявил, что за все время войны немецкие войска не были более подготовлены к боям, чем под Курском, и, как никогда ранее, оснащены большим количеством тяжелого вооружения.

К тому времени на хорошо подготовленных рубежах развернулись войска Воронежского и Центрального фронтов, сзади них — Степной фронт.

Штаб Брянского фронта находился в Плавске, недалеко от Тулы, там же размещался и штаб Л. М. Воеводина. В то время Брянским фронтом командовал генерал-полковник М. А. Рейтер, начальником штаба у него был генерал-лейтенант Л. М.

Сандалов, командующим артиллерией — генерал-майор А. А. Гусаков.

Начальник штаба группы ГМЧ Брянского фронта подполковник Задорин оставался на месте. У него имелись все необходимые данные о состоянии частей, поэтому долгих бесед с Воеводиным мне вести не пришлось.

В оперативную группу ГМЧ Брянского фронта входили 2-я и 3-я гвардейские минометные дивизии (по три бригады в каждой) и отдельная 8-я бригада М-30, шесть отдельных полков М-13 и дивизион М-8. Дивизии и полки уже имели боевой опыт — они участвовали в Сталинградской битве. На вооружении дивизий вместо боевых машин были пусковые станки в виде металлических рам. В каждой бригаде четырехдивизионного состава имелось 288 станков. Залп бригады составлял 1152 снаряда общим весом свыше 106 тонн. Всего в дивизии было 864 рамы, которые могли одновременно выпустить 3456 снарядов М-30–320 тонн!

Реактивные снаряды М-30 и М-20 были приняты на вооружение в июне 1942 года. Тогда же на основании постановления Государственного Комитета Обороны было сформировано несколько отдельных дивизионов М-30, тем самым положено начало созданию тяжелой полевой реактивной артиллерии.

Впервые дивизионы М-30 начали действовать 5 июля 1942 года на Западном фронте, на участке 61-й армии, врайоне города Белёва Тульской области. 68-й и 69-й гвардейские минометные полки четырехдивизионного состава произвели залпы по укрепленным узлам сопротивления противника в деревнях Анино и Верхние Дольцы, израсходовав при этом 1536 снарядов. В результате узлы сопротивления были разрушены и заняты нашими войсками.

Снаряды М-30 получили высокую оценку как общевойсковых, так и артиллерийских командиров.

Здесь, на Брянском фронте, мне впервые довелось иметь дело с бригадами и дивизиями тяжелой реактивной артиллерии, которые имели громадную ударную силу массированного залпового огня. Залп из 1152 снарядов бригада могла дать за пять минут. Однако для подготовки к нему требовалось шесть — восемь часов. Дальность стрельбы у снарядов М-30 была 2,8, у М-31–4, а у М-20–5 километров.

Продолжительное время на подготовку залпа и ограниченная дальность стрельбы — недостатки существенные, но огромное разрушительное действие новых снарядов с лихвой их перекрывало.

Огневая мощь бригад тяжелой полевой реактивной артиллерии достигалась массированным залпом снарядами большой разрушительной силы. Взрываясь, такой снаряд оставлял после себя воронку семи-восьми метров в диаметре и до двух с половиной метров в глубину.

В мае 1943 года 2-я и 3-я гвардейские минометные дивизии вошли в состав вновь созданных артиллерийских корпусов прорыва. Эти дивизии предназначались в основном для разрушения узлов сопротивления в системе обороны противника. 2-я дивизия вошла в состав 7-го артиллерийского корпуса генерала П. М. Королькова, 3-я дивизия — в состав 2-го артиллерийского корпуса генерала М. М. Барсукова.

Отдельные полки М-13 и М-8 предназначались для поддержки и сопровождения наших войск в глубине обороны противника, его преследования и отражения контратак. Эти полки в руках общевойсковых и артиллерийских начальников являлись маневренным артиллерийским средством массированного огневого удара.

Такая организация и такое применение ГМЧ были продиктованы не только характером вооружения. Этого требовал переход наших войск к наступательным действиям:после Москвы и особенно Сталинграда стратегическая инициатива была на нашей стороне.

О том, какое значение придавалось формированию частей, вооруженных тяжелыми реактивными снарядами, свидетельствует приказ Ставки от 27 июня 1942 года, которым предписывалось всем начальникам центральных управлений Народного комиссариата обороны обеспечивать вне очереди формируемые тяжелые реактивные дивизионы кадрами, вооружением, автотранспортом.

Мы со своей стороны несли огромную ответственность за то, чтобы такая мощная ударная сила была использована разумно и эффективно, чтобы дорогостоящие снаряды не расходовались напрасно. Особенно опасны были ошибки в подготовке исходных данных для залпа. Вот почему, знакомясь с частями, я прежде всего интересовался полевой выучкой командного состава. К сожалению, мои опасения оправдались: оказалось, что полевая выучка кое у кого явно хромает. Особенно неблагополучно обстояло дело с ориентированием на незнакомой местности по карте.

Когда я спросил командира 2-й дивизии генерала А. Ф. Тверецкого, как подготовлен командный состав по стрелково-артиллерийскому делу, Александр Федорович пожал плечами, недоуменно посмотрел на меня, а потом, немного подумав,

сказал:

— Считаю, что командиры дивизионов и батарей подготовлены неплохо. У всех есть боевой опыт, воюют не первый день. В каждом дивизионе имеются миниатюр-полигоны, проводятся тренажи, когда позволяет обстановка. Да к тому же в дивизию назначены лучшие артиллеристы.

— Давайте все же проверим, — ответил я ему. — Соберите командиров частей, дивизионов, начальников штабов. Пусть с собой имеют карты, планшеты и все необходимое для подготовки исходных данных.

Через час мы были на высотке, которую выбрали по карте. Показав офицерам, где условно проходит передний край, какие цели надо поразить и где находятся огневые позиции наших дивизионов, я приказал подготовить исходные данные для стрельбы.

Ориентироваться было сравнительно легко. С высотки открывалась широкая панорама. Вдали виднелся лес и отдельные рощи. У большого леса — деревенька. Хорошопросматривались овраги и мелкие речки, впадавшие в Оку. Словом, ориентиров было более чем достаточно.

Мы с Александром Федоровичем не спеша тоже подготовили данные — для сравнения. Еще в тридцатых годах я был начальником топографического отряда артиллерийского полка и потому имел хорошую практику в ориентировке на местности. И Тверецкий имел большой опыт. Поэтому для нас подготовить контрольные данные по карте не составляло особого труда.

Значение топографической карты в военном деле трудно переоценить. Топографическая карта на фронте помогает планированию и организации взаимодействия всех видов вооруженных сил в операциях, а в артиллерии и ракетных войсках она необходима для ведения точного огня и надежного обеспечения поддержки войск в бою. Карта позволяет заранее составить представление о характере маршрутов движения войск, о тех условиях, в которых придется вести бой и которые при этом надо непременно учесть, чтобы добиться успеха или предотвратить какие-либо неожиданности. Не иметь карты в бою — все равно что действовать вслепую, наугад.

И все же, как ни странно, иногда топографической подготовке уделялось недостаточно внимания. А вместе с тем неумение быстро ориентироваться или небрежное отношение к изучению местности по карте во фронтовых условиях приводило подчас к роковым ошибкам.

Каждый офицер, выполнив задание, сдавал лист с исходными данными генералу Тверецкому, который отмечал время. Первыми

закончили расчеты командиры бригад Н. С. Жежерук и А. В. Михайлов, за ними положил свой листок и командир полка В. А. Плотников. Остальные, не укладываясь в отведенное время, заметно волновались.

Наконец получены все расчеты. Мы сравнили их — результаты оказались прямо-таки обескураживающими: большие расхождения и грубые ошибки. Генералу Тверецкому стало не по себе.

— Да как же так, товарищи офицеры? — вынужден был сказать я, подводя итоги. — Вы знаете не хуже меня о том, что случится, если вы дадите залп, подготовленный с такими грубыми ошибками: либо выпустите впустую дорогие снаряды и не выполните боевой задачи, либо ударите по своим. Что может быть страшнее этого!

Офицеры, чувствуя свою вину, молча поглядывали то на меня, то на командира дивизии. Генерал Тверецкий с досадой обронил:

— Да, дело ясное, должного внимания полевой выучке не уделяли.

— Александр Федорович, надо немедленно начать тренировки в поле на незнакомой местности, командиры должны срочно освоить практические приемы ориентации, научиться быстро, а главное, безошибочно определять на карте места своего нахождения и расположения целей...

К счастью, у нас еще было время, и за полторы-две недели этот пробел удалось ликвидировать.

В целом же состояние гвардейских частей и соединений, входивших в оперативную группу фронта, произвело на меня неплохое впечатление. Они были хорошо укомплектованы как личным составом, так и боевой техникой. На артиллерийские склады фронта к этому времени уже завезли достаточный боезапас — 58 тысяч снарядов. Теперь задача заключалась в том, чтобы как можно лучше подготовиться к предстоящим сражениям. Вопросы боеготовности частей, их выучка все время были в центре нашего внимания.

* * *

Брянский и Западный фронты готовились к решительному контрнаступлению. В первых числах июня вместо генерала М. А. Рейтера в командование Брянским фронтом вступил генерал-полковник М. М. Попов, а вместо генерала А. А. Гусакова прибыл генерал-лейтенант артиллерии Н. В. Гавриленко, с которым мы

были знакомы еще с марта 1942 года по Южному фронту.

Новый командующий был неутомим. Он постоянно ездил из армии в армию, знакомился с войсками, изучал местность предстоящих сражений. Выезжая в ту или иную армию, он брал с собой и нас с Гавриленко для проверки готовности артиллерийских частей и организации взаимодействия с пехотой и танками.

При штабах армий на лесных полянах сооружались макеты района предстоящих боевых действий. На этих макетах с командирами соединений и начальниками родов войск уточнялись планы взаимодействия при наступлении, определялись рубежи ближайших и последующих задач, а также огневое обеспечение наступающих войск.

Готовясь к наступлению, наши войска совершенствовали оборонительные рубежи в тылу армий. Нужно было быть готовым к любым неожиданностям.

Вступив в командование гвардейскими минометными частями Брянского фронта, я, естественно, начал присматриваться к их командирам и политработникам. Мне предстояло с ними идти в бой. От того, какие они, на что способны, зависел во многом успех боевых действий ГМЧ в предстоящих операциях.

Я все больше и больше убеждался, что полки, бригады и дивизии находятся в надежных руках. У каждого командира за плечами имелся немалый опыт, накопленный в предыдущих боях. Такими были командиры дивизий генерал А. Ф. Тверецкий, полковник П. В. Колесников, командиры бригад полковник Н. С. Жежерук, подполковники А. П. Михайлов, М. А. Красилышков; командиры полков полковник К, Г. Сердобольский, подполковники В. А. Плотников, Д. Н. Орлов, Г. Ф. Журавлев, Н. М. Ковчур, Н. В. Скирда.

Никита Васильевич Скирда командовал 312-м гвардейским минометным полком. Его полк формировался в 1942 году в Москве и участвовал в боях под Сталинградом.

«Ох, и мучили меня всякие мысли по пути на Сталинградский фронт, — доверительно признавался мне Скирда при нашей встрече. — Полк, можно сказать, комсомольский. Только командиры дивизионов да некоторые командиры батарей имели боевой опыт. А в основном — необстрелянная молодежь. А тут еще на редкость суровая зима. Выдержат ли? Мысль об этом не давала мне покоя. Не подвели молодые гвардейцы! Сорок три человека в этих боях заслужили ордена и медали...»

После завершения Сталинградской битвы полк доукомплектовали, отремонтировали боевые машины и в апреле

сорок третьего перебросили на Брянский фронт.

Вскоре из Москвы на должность заместителя командира 312-го полка по политической части (он же начальник политотдела) прибыл майор Артем Семенович Ступин. Когда мы с Ломаковским впервые увидели его в Плавске, в своем штабе, у обоих невольно появилась одна и та же мысль: «А сработаются ли они со Скирдой?» Уж очень застенчивым показался нам новый замполит. А Скирда?.. Горяч, вспыльчив, в речах и поступках резок, даже груб. К тому же самолюбив и на замечанияреагирует болезненно. Но мы знали Скирду и с другой стороны. Его деловые качества были превосходны. Знали также, что у этого мужественного человека доброе, отзывчивое сердце.

Завели мы с Ломаковским обо всем этом откровенный разговор со Ступиным, а тот молчал и едва заметно улыбался. А когда высказали свое опасение, майор сказал:

— Никиту Васильевича знаю еще по боям на Халхин-Голе. И характер его там узнал. Когда мне предложили быть его заместителем, согласился не раздумывая. Думаю, дело у нас пойдет.

Ступин прибыл в полк Скирды, имея за плечами богатейший опыт партийно-политической работы. Родился Артем Семенович в 1905 году в Сибири. В 1922 году стал комсомольцем и в отряде ЧОН (части особого назначения) сражался с белогвардейскими бандами в Амурской области. С 1928 года служил в Амурской флотилии на канонерской лодке «Красное знамя», здесь вступил в партию, избирался секретарем парторганизации канонерки. В двадцать девятом во время конфликта на КВЖД участвовал в боях с белокитайцами. За мужество награжден орденом Красного Знамени. Ступина избирали членом пленума Хабаровского обкома партии. В 1930 году коммунисты Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии, которой командовал В. К. Блюхер, послали Ступина делегатом на XVI съезд партии. За бои на Халхин-Голе он был награжден орденом Красной Звезды и монгольским орденом Красного Знамени.

Ступин, как мы вскоре имели возможность убедиться, прекрасно знал боевую технику, превосходно стрелял из личного оружия. Командующий 4-й танковой армией наградил его именным пистолетом за первое место в стрелковых соревнованиях.

Когда однажды наши войска захватили склад с фаустпатронами (это было в конце войны), Ступин быстро изучил трофейное оружие и помог это сделать другим. Трофейные фаустпатроны пошли в дело: по инициативе Ступина ими были вооружены специальные противотанковые группы, которые

прикрывали свои дивизионы, приданные танковым корпусам.

Ступин прекрасно разбирался в людях. Он умело стал сколачивать в полку партийный и комсомольский актив. Партийно-политическая работа в подразделениях заметноулучшилась. Артем Семенович был чуток и внимателен к бойцам, и они открывали ему свое сердце. До него мы и не знали, что у многих гвардейцев полка замучены фашистами или угнаны ими в неволю родные и близкие.

Однажды я приехал в полк и застал такую картину. На лесной поляне под вековыми елями собрались гвардейцы. Мне доложили, что идет митинг. Перед солдатами и офицерами выступал сержант Полевой:

— Как только гитлеровцы вошли в деревню, сразу же расстреляли брата за то, что он комсомолец. А другого, самого младшего, угнали в фашистское рабство...

У Климовича фашисты замучили отца, у Евстратенко убили дядю, а сестру увезли в Германию, у Шехмана искалечили отца и убили шестилетнего брата, у Морозова убили двух малолетних племянников, у Растопина гитлеровцы казнили сестру-комсомолку, а у Копленко — семидесятилетнего отца. У Грибова умерли от голода в фашистской неволе мать, отец и жена. В полку оказалось 120 человек, семьи которых пострадали от фашистов.

С болью и гневом говорили воины о зверствах фашистских оккупантов на советской земле. Их рассказы переполняли сердца ненавистью к врагу, звали на беспощадный бой.

В подготовке к предстоящим боям политотдел полка оказывал большую помощь партийным и комсомольским организациям подразделений. Я и сейчас помню строки памятки коммунисту и комсомольцу, написанной Ступиным. Она призывала быть верным присяге и гвардейской клятве, высоко держать честь гвардейского Знамени.

Ступин много делал для того, чтобы агитационная работа в полку увязывалась с конкретными делами фронтовой жизни подразделений. Этого скромного, вдумчивого организатора вроде бы и не было видно. От него не слышали громких слов, но результаты его труда ощущались повсюду. Своими разумными советами, принципиальной оценкой явлений он очень помогал командиру полка. Наблюдая, как складывались отношения между ними, я невольно вспоминал имена Чапаева и Фурманова. Взаимоотношения Скирды и Ступина, их совместная работа во многом повторяли этот классический пример. И командир полка и его заместитель от зари до зари находилисьв подразделениях, учили, контролировали, требовали. Шла упорная и настойчивая

работа по подготовке подразделений к грядущим напряженным боям. Под влиянием Артема Семеновича Скирда стал спокойнее, уравновешеннее. Словом, вопреки нашим опасениям сочетание их опыта и характеров давало прекрасные результаты.

Командир 312-го полка был человеком действия. Не в его характере было сидеть сложа руки. От него постоянно шли доклады о целях, по которым он просил разрешения производить ночные огневые налеты кочующими установками и батареями. Тактика внезапных ночных налетов была одобрена командованием фронта и широко применялась другими частями. Она изматывала противника, держала его в напряжении.

Помню, 18 июня разведка донесла, что на станции Мценск появился вражеский эшелон. Залп был дан точно. Мы с радостью наблюдали, как пылали вагоны, рвались боеприпасы. Было уничтожено восемь танков и много живой силы фашистов.

Через несколько дней западнее Мценска разведчики заметили движение машин противника. Гитлеровцы что-то перевозили по ночам. Разведчикам было дано задание выяснить, что там происходит. Они обнаружили склад боеприпасов и установили его координаты. После точного батарейного залпа раздались взрывы. Полнеба охватило зарево, полыхавшее целых шесть часов.

— Товарищ генерал! У деревни Шашкино фашисты совсем обнаглели! — докладывал мне Скирда. — Ездят себе преспокойно за водой к речке Зуше. По воскресеньям напиваются и горланят песни. Надо успокоить. Разрешите!

Я дал ему «добро». В ночь под воскресенье гвардейцы вывели две боевые машины на заранее подготовленные позиции и тщательно замаскировали. В середине дня гитлеровцы, как обычно, стали вылезать из окопов и траншей. Они уже были навеселе и распевали песни. После залпов обеих установок «концерты» врагов прекратились.

Войска фронта усиленно готовились к наступательным боям. Готовились и гвардейские минометные части. Нужно было разведать маршруты, выбрать запасные огневые позиции и наблюдательные пункты. Их следовало оборудовать не только в полосах наступления поддерживаемых соединений, но и на участках других армий. Ведькаждый дивизион «катюш» по первой же команде мог убыть на любой участок фронта. За противником велось постоянное наблюдение.

В эти дни мне, члену Военного совета группы полковнику Ломаковскому и начальнику штаба полковнику Задорину приходилось подолгу бывать в частях, проверяя их боеготовность, увязывая и уточняя планы взаимодействия с артиллерией и пехотой.

Гвардейские минометные части фронта размещались в полосе шириной до трехсот километров. Такая разбросанность требовала особого стиля руководства и напряженной работы штаба. Все мы находились в постоянных разъездах. В течение многих суток изо дня в день нам приходилось преодолевать расстояние в двести — триста километров, а иногда и больше. По фронтовым дорогам день и ночь ездили офицеры связи, командиры частей, работники штабов.

Выполнение задач гвардейскими минометными частями в огромной мере зависело от водителей боевых, транспортных, специальных машин и вездеходов. Водители! Труженики фронтовых дорог! Это они в осеннюю распутицу и зимнюю вьюгу, под бомбежкой и артобстрелом, под ружейно-пулеметным огнем неутомимо водили машины, выполняя приказ. Если мы говорим о мобильности частей, о быстрых переbросках полков и бригад в ограниченные сроки на большие расстояния по труднопроходимым дорогам, то основная заслуга в этом наших водителей. И чем лучше были подобраны и подготовлены водители в частях, тем лучше эти части выполняли боевые задачи. Когда мы говорим о героических действиях наших батарей, молниеносных выездах боевых машин на открытые боевые позиции и сокрушительных залпах прямой наводкой, то при этом опять нельзя не вспомнить водителей машин.

За время боевых действий ГМЧ на Брянском фронте автороты артсклада и взводы боевого питания частей перебросили на сотни километров к огневым позициям более 150 тысяч громоздких реактивных снарядов. С глубокой благодарностью вспоминаю я шоферов Ваню Осипова, Ивана Ивановича Беликова, Ваню Воротникова и многих других. Ведь в гвардейских минометных частях более двадцати процентов личного состава были водители боевых, транспортных и специальных машин.

Только благодаря мужеству водителей, умению их быстро оценивать обстановку, виртуозно маневрировать, вовремя изменить направление движения, скрыться в лощине или перелеске, быстро проскочить опасное место или переждать какие-то секунды многие из нас, мотавшихся днем и ночью по фронтовым дорогам, избежали, казалось бы, неминуемой гибели.

Помню яркий солнечный день. Наш «виллис» стоял возле НП, замаскированный ветками. Нужно было срочно ехать в штаб. Когда мы выехали на дорогу и водитель Иван Иванович Беликов дал полный газ, зацепившийся прутик неприятной дробью забарабанил по днищу. Мне надоело слушать эту «музыку».

— Иван Иванович, — обратился я к нему, — остановись, выбрось этот чертов прут.

Беликов резко затормозил. Однако вместо того, чтобы вылезти из машины, он, прищурив глаза, стал напряженно смотреть на солнце и вдруг громко закричал:

— На нас пикируют! Бомбы летят!

Теперь уже и я увидел два вражеских самолета, от которых отделились черные точки бомб.

— Прыгай в кювет! — скомандовал я. Не успели мы распластаться в кювете, как впереди, раздались мощные взрывы. Комья выброшенной земли упали рядом с нами. Дорогу впереди окутало дымом и пылью. Вражеские штурмовики с ревом пронеслись над нами, стреляя из пулеметов.

Стихло все так же мгновенно, как и началось. Стряхивая пыль, мы радовались, что остались живы.

— Спасибо тебе. Иван Иванович, что вовремя заметил самолеты, — сказал я.

— Не меня надо благодарить, товарищ генерал, а прутик. Если бы не он, мы бы въехали прямо под бомбы. Я его сохраню до конца войны.

И Иван Иванович вытащил из-под машины березовый прутик и бережно положил его под сиденье.

К весне 1943 года гвардейские минометные части приобрели уже достаточный боевой опыт, организационно окрепли и выросли в мощную огневую силу. Огневая производительность одного залпа любого дивизиона реактивной артиллерии была в двенадцать — шестнадцать раз вышеогневой производительности дивизионов ствольной артиллерии. А в отношении применения внезапного массированного огня высокой плотности реактивная артиллерия не имела себе равных среди других видов артиллерии.

29 апреля 1943 года решением Государственного Комитета Обороны гвардейские минометные части были переданы в оперативное подчинение командующему артиллерией Красной Армии маршалу артиллерии Н. Н. Воронову. Обособленность управления и снабжения была пока сохранена, так как центральные органы управления ГМЧ и оперативные группы фронтов успешно справлялись со своими задачами. Решение ГКО способствовало более тесному взаимодействию гвардейских минометных частей с артиллерийскими и одновременно обязывало командующих артиллерией фронтов и армий внимательно изучать особенности боевого применения ГМЧ, знать их состояние. Такие организационные мероприятия постепенно подготовляли необходимые условия для объединения ГМЧ с артиллерией.

Командующим гвардейскими минометными частями Красной

Армии был назначен генерал-лейтенант П. А. Дегтярев, бывший до этого членом Военного совета ГМЧ, его заместителем — генерал-майор П. Н. Кулешов, членом Военного совета — генерал-майор Л. М. Гайдуков. Они до конца войны возглавляли ГМЧ.

В первых числах июля, следуя на Центральный фронт, к нам заехал заместитель командующего ГМЧ генерал-майор П. Н. Кулешов.

С Павлом Николаевичем Кулешовым, ныне маршалом артиллерии, мы были знакомы с 1925 года по Томскому артиллерийскому училищу, которое окончили в 1929 году. С 1930 по 1935 год мы там же служили командирами курсов, а потом помощниками начальника штаба дивизиона и командирами батарей. Наша дружба скреплялась и общими увлечениями. Оба мы занимались легкой атлетикой, лыжным и конным спортом. Павел Николаевич был еще отличным гимнастом, увлекался планеризмом, к которому приобщил и меня.

Ознакомившись с состоянием дел в нашей группе, Павел Николаевич рассказал мне о том, что против Центрального и Воронежского фронтов противник сосредоточил много танковых, пехотных и авиационных частей.

— Надо полагать, что Центральному и Воронежскому фронтам предстоят особенно тяжелые бои, — сказал он.

Теперь, спустя десятки лет, мы можем судить и о распределении сил, и о ходе боевых действий в тех грандиозных сражениях. Тогда же многое было для нас неизвестным. Уезжая, П. Н. Кулешов предупредил меня, чтобы наши части содержались в высочайшей боевой готовности.

— Особое внимание, Алексей Иванович, левому флангу вашего фронта! — подчеркнул он.

«Да, — думал я, провожая Павла Николаевича. — Скоро кончится затишье. Затишье перед бурей».

Глава восемнадцатая. В Курской битве

Утром 5 июля началась Курская битва. После артиллерийской подготовки противник двинул на наши позиции тысячи танков и самоходных орудий. Навстречу им выдвигались советские танки и противотанковая артиллерия. Грохот артиллерийской канонады, залпы «катюш», шум моторов штурмовиков, бомбардировщиков и истребителей — все это слилось в сплошной гул.

Я находился на левом крыле Брянского фронта. До нас доходили отдаленные громовые раскаты. В те дни мы с напряженным вниманием читали оперативные сводки о событиях на Курской дуге. Затаив дыхание, слушали по радио сообщения Совинформбюро. Продвижение вражеских войск в первые дни битвы вызывало тревогу... На левом крыле Брянского фронта противник тоже перешел в наступление. После сорокапятиминутной артиллерийской подготовки под прикрытием дымовой завесы немецкие части стали наступать в районе Березянка, Дорогое, Александровка. В первые часы боя гитлеровцам удалось потеснить подразделения 41-й стрелковой дивизии 63-й армии. На отдельных участках вражеская пехота и танки вклинились на два-три километра в глубь нашей обороны.

В полосе 63-й армии находился 313-й гвардейский минометный полк майора Д. Н. Орлова. Этот полк поддерживал оборону 287-й стрелковой дивизии и находился на выжидательных позициях. Как только Орлов узнал о начале вражеского наступления на соседнем участке, он, не ожидая распоряжения командования, по своей инициативе объявил полку боевую тревогу. Дивизион капитанаИгнатова был послан на участок соседней 41-й стрелковой дивизии, где уже шел бой, дивизион капитана Павленко — на участок 287-й стрелковой дивизии. Третий дивизион остался в резерве.

Дивизион Н. У. Игнатова, с которым выехал заместитель командира полка майор М. М. Коломиец, имел заранее разведанные маршруты и выбранные огневые позиции. Через 45 минут он, совершив тридцатикилометровый марш, занял боевой порядок и в 7.00 дал залп по атакующей пехоте врага. Неожиданный залп «катюш» вызвал замешательство в рядах противника.

К 12.00 5 июля от огня «катюш» и артиллерии гитлеровцы потеряли не менее шестисот человек и отошли на исходные

позиции. В последующие дни фашисты на этом участке активных действий не предпринимали.

9 июля войска Центрального фронта остановили наступление гитлеровцев, вклинившихся в глубь нашей обороны на десять — двенадцать километров. На душе стало спокойнее. Было похоже, что враг начал выдыхаться. И июля мы уже знали, что и на Воронежском фронте наступление противника остановлено. Там ценой колоссальных потерь фашистам удалось продвинуться на тридцать пять километров.

К нам на Брянский фронт прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. Пришло и наше время переходить в контрнаступление.

По замыслу Ставки войскам Брянского фронта предстояло прорвать оборону противника в трех местах: на правом крыле фронта — на участке 61-й армии генерала П. А. Белова, в центре — на участке 3-й армии генерала А. В. Горбатова и на левом крыле фронта — на участке 63-й армии генерала В. Я. Колпакчи.

Войска 61-й армии наносили удар на Болхов, а войска 3-й и 61-й армий — на Орел.

В соответствии с планом артиллерийского обеспечения прорыва гвардейские минометные части распределялись следующим образом: 61-ю армию поддерживали 2-я дивизия, 310-й и 311-й полки, 3-ю армию — 8-я бригада, 85-й и 312-й полки, 63-ю армию — 3-я дивизия, 313-й и 93-й полки.

Чтобы преждевременно не раскрывать направление главного удара наших войск, вывод частей в район боевыхпорядков производился только ночью, накануне наступления. Некоторым полкам пришлось совершить марш до ста километров. К началу операции все полки имели запас снарядов на двенадцать залпов, а бригады — на два.

11 июля полки ГМЧ совместно с артиллерией поддерживали боевые действия разведбатальонов, а 12 июля началось артиллерийское наступление, в котором участвовало два артиллерийских корпуса прорыва и отдельная артиллерийская дивизия.

Гвардейские минометные части применялись на наиболее ответственных направлениях, усиливая огонь артиллерии. После мощной артиллерийской подготовки, прорвав оборону противника на всех трех намеченных участках, наши части перешли в наступление.

Войскам Брянского фронта нужно было прорвать сильно укрепленную и глубоко эшелонированную оборону немцев, которая создавалась в течение полутора лет. Особенно прочной

была она на болховском направлении, в полосе наступления 9-го гвардейского стрелкового корпуса 61-й армии. Передний край обороны фашистов проходил по восточным окраинам Крутогорья, Толкачева, Кривцова-1 и далее по реке Ока. Эти населенные пункты враг превратил в мощные узлы сопротивления, насыщенные огневыми средствами. Внутри оборонительной полосы были проволочные заграждения, минные поля, надолбы и рвы, хорошо организованная система противотанкового огня. Глубина оборонительной полосы достигала 15–20 километров.

...На правом отвесном берегу Оки раскинулась деревня Толкачево. Ока в этих местах мелкая, быстрая. Левый берег — весь в золотых песках. Деревня Толкачево была превращена гитлеровцами в мощный узел сопротивления. Здесь оборонялись 112-я и 208-я пехотные дивизии противника. Вражеские солдаты и офицеры засели в блиндажах и убежищах с перекрытием в двенадцать — пятнадцать бревен, засыпанных землей. Траншеи имели многочисленные ходы сообщения.

В наших руках находился небольшой плацдарм на левом берегу Оки. С него 11 июля была проведена разведка боем, которая еще раз подтвердила прочность толкачевского узла. Боевые действия усиленных разведывательныхотрядов, несмотря на мощную танковую и артиллерийскую поддержку, успеха не имели.

Но Толкачево — это ключ к Болхову. Без разрушения толкачевского опорного узла 61-я армия не могла взять Болхов.

Артиллерийское обеспечение наступления на этом участке фронта возлагалось на 7-й артиллерийский корпус прорыва, которым командовал генерал П. М. Корольков. Разведка боем показала, что Толкачево — крепкий орешек и за относительно короткое время артиллерийской подготовки уничтожить имеющиеся там сооружения не удастся.

Для разрушения толкачевского узла сопротивления было решено привлечь 2-ю гвардейскую минометную дивизию генерала Тверецкого. Но тут сразу же возник вопрос: каким образом за сутки перебросить сюда все три ее бригады, причем так, чтобы они успели занять огневые позиции? Правый берег — высокий. С него противник довольно глубоко просматривал нашу оборону. В то же время дальность стрельбы М-30 всего 2,8 километра. Значит, огневые позиции надо выбирать в полутора-двух километрах от переднего края.

Задача не из легких. За несколько часов короткой летней ночи нужно было перебросить всю технику, более пятисот тонн снарядов. Под носом у врага должны были курсировать около трехсот автомашин. И все это предстояло проделать незаметно,

иначе противник мог накрыть бригады минометным и артиллерийским огнем и помешать им выполнить боевую задачу.

Командиры бригад и дивизионов излазили все лощинки и овражки, выбирая удобные огневые позиции и пути подъезда к ним. Мы с генералом Тверецким днем проверили готовность выбранных позиций.

В пять часов утра две бригады дивизии должны были дать залп по толкачевскому узлу, третья — по Крутогорью. Продолжительность залпа — до двадцати минут. Предполагалось, что за это время наши передовые пехотные батальоны воочию убедятся, где проходит линия огня, и подойдут вплотную к огневому валу. В передовые батальоны из бригад вышли офицеры со средствами связи.

И снова мы с генералом Тверецким на огневых позициях. Теперь уже проверяем, как приготовились к залпу прибывшие подразделения.

В расположении 17-й бригады полковника Н. С. Жежерука в ложбине мы наткнулись на группу солдат, которым что-то рассказывал старший лейтенант. Увидев нас, он умолк, готовясь подать команду. Тверецкий жестом остановил его.

— О чем идет речь, гвардейцы? — спросил он.

— Позавчера я был в родных местах, — ответил старший лейтенант. — Село наше еще зимой отбили у врага. Вот рассказываю о том, что видели и пережили жители и моя мама.

Старший лейтенант В. С. Гаврилин был командиром батареи. В селе Мишина Поляна он вырос, а в городе Белёве перед самой войной окончил среднюю школу. В первые же дни войны пошел в военное училище. В сорок втором уже сражался под Сталинградом.

— Половина домов сожжена, — рассказывал он с гневом, — люди по лесам, по землянкам прятались. Многих гитлеровцы в рабство угнали. Мать моя чудом жива осталась. Когда она увидела меня, горько заплакала и сквозь слезы сказала: «Благословляю тебя, сыпок, на бой. Бей их без пощады. Звери это, а не люди. Гоните их с родной земли...» Этот материнский наказ я выполню! — решительно заявил он. — Пусть погибну, но и врагу от меня пощады не будет.

Наказ матери Гаврилин выполнил с честью. Со своей батареей он дошел до Берлина, 27 апреля 1945 года его батарея, как лучшая в бригаде, дала залп по рейхстагу. После разгрома фашистской Германии батарея в составе 17-й бригады была переброшена на Дальний Восток, и там, под Мукденом, она дала по японским милитаристам свой последний залп во второй мировой войне.

...К рассвету бригады были готовы к бою.

Утро 12 июля. Над Окой еще держится туман, но уже встает солнце. Тишина. Будто и нет никакой войны. Ровно в пять часов подается команда: «Огонь!»

В то утро мне впервые довелось наблюдать огонь тяжелой дивизии реактивной артиллерии. Даже на меня, видавшего виды артиллериста, это произвело потрясающее впечатление.

То здесь, то там из лощин и овражков с оглушающим ревом пачками вылетали снаряды. Они перечеркивали небо своими яркими огненными хвостами, и через несколькосекунд в расположении противника вздымались один за другим громадные черные фонтаны разрывов.

С каждым мгновением их плотность увеличивалась. Через некоторое время над Талкачевом и Крутогорьем образовалось громадное иссиня-черное облако, на котором лежал оранжевый отблеск лучей солнца. От одновременных взрывов десятков и сотен снарядов 300-миллиметрового калибра непрерывно гудела и вздрагивала земля. В гуле канонады не было слышно ни команд, ни восхищенных возгласов рядом стоявших товарищей.

Передовые цепи нашей пехоты вышли из окопов и двинулись вперед. Только сейчас мы оценили то, что огонь бригад растянули по времени. Это позволило нашим передовым батальонам освоиться: они могли теперь сравнительно спокойно подойти к огненной стене разрывов.

В лучшей части бригадных эллипсов рассеивания плотность огня достигала 30–50 разрывов на гектар. Узел сопротивления гитлеровцев был буквально сплошь усеян глубокими воронками. Все его укрепления разрушены и уничтожены. Когда наши бойцы вслед за артиллерийским огневым валом пошли в атаку, оставшиеся в живых фашисты бежали в нашу сторону с поднятыми руками и в ужасе кричали: «Гитлер капут! Гитлер капут!..» Вид их, оглушенных и обезумевших, был ужасным.

Пленный офицер 208-й пехотной дивизии, оборонявшей толкачевский узел, говорил: «Это был бешеный огонь. Ни одного блиндажа, ни одной огневой точки не осталось. Нас охватил ужас... Не было места, где бы не ложились снаряды... Удивительно, что я остался жив. Мне очень повезло, что я попал в плен». Ему вторил пленный солдат: «После залпа «катюш» из ста двадцати человек нашей роты уцелели немногие, из пяти пулеметов остался один. Все пять тяжелых минометов разбиты вдребезги».

По толкачевскому узлу было выпущено 5184 реактивных снаряда, из них — 3456 М-30 и 1728 — М-20. Через восемнадцать минут после залпа бригад наши войска почти без потерь

овладели этим важным опорным пунктом. Враг не оказал никакого сопротивления. Полтора года фашисты создавали толкачевский укрепленный узел. Восемнадцать минут потребовалось нашим войскам, чтобы взять его!

Этот удар отчетливо выявил одно из основных качеств тяжелых дивизий — сокрушающую мощь их залпового огня. Опыт последующих боев показал, что там, где создавалась нужная плотность огня, любой опорный пункт, как бы он ни был укреплен, в самое короткое время разрушался залпами бригад.

К сожалению, малая дальность стрельбы не позволила нам разрушить опорные пункты в глубине обороны противника, а артиллерийских орудий большой мощности на этом участке фронта не было. Враг упорно цеплялся за промежуточные рубежи — за каждый дот и дзот, за каждую траншею. Он подбрасывал танковые и пехотные резервы. Продвижение наших частей все больше и больше замедлялось. Тогда 2-я гвардейская дивизия получила приказ переправиться на правый берег Оки и 13 июля дать залпы по узлам сопротивления Багриново, Хомяково, Курасово. Дивизия успешно выполнила задачу и обеспечила дальнейшее продвижение наших войск.

Вскоре к нам прибыл член Военного совета ГМЧ генерал-майор Л. М. Гайдуков.

— А что если выделять от бригад небольшие группы станков для сопровождения пехоты? — спросил он.

Не скрою, предложение нас озадачило: ведь оно шло вразрез с возможностями этого типа реактивной артиллерии. Готовить станки к бою довольно сложно, да и громоздки они... Однако мы все же решили попробовать, рискнуть. На следующий день в боевых порядках 12-й и 72-й гвардейских стрелковых дивизий появились группы по два — четыре станка М-30. Станки были установлены в складках местности. Они дали двенадцать залпов. После этого идея Гайдукова нашла горячую поддержку у командиров передовых стрелковых частей.

— Воодушевляют войска ваши залпы! — с восторгом сказал нам командир одного из стрелковых полков 72-й гвардейской дивизии. — Когда удачно кладутся разрывы, враг несет большие потери. Мы просим поощрить гвардейцев батарей, которыми командуют старшие лейтенанты Белов и Гаврилин. Молодцы! Замечательно воюют!

И действительно, весь личный состав этих батарей трудился на поле боя самоотверженно, героически. Лейтенанты И. Гришин, Л. Трошин, сержанты И. Лесников, В. Орлов, В. Владимиров и другие умело устанавливали пусковые станки, подносили к ним тяжелые снаряды. Их«кочующие» рамы производили

сокрушительные залпы по врагу. Старшие лейтенанты Белов, Гаврилин и их гвардейцы были удостоены правительственных наград.

Автор предложения о «кочующих» рамах генерал Гайдуков сам подыскивал подходящие позиции для станков и цели для них. На подступах к Болхову мне с большим трудом удалось отвести его в укрытие из-под ружейно-пулеметного огня противника.

— Лев Михайлович, вы и командующий ругаете нас за излишний риск и отклонение от инструкций, а сами, рискуя не меньше, выдвигаете станки М-30 в передовые цепи пехоты.

Гайдуков улыбнулся:

— Вы, безусловно, правы. Но это же бой... Такое использование М-30 в данный момент просто необходимо.

— Думаю, что было бы лучше иметь установки М-30 на машинах, то есть маневренные, — сказал я.

— В этом направлении у нас ведутся работы.

И верно: в 1944 году такие двенадцатизарядные установки были созданы для снарядов М-31, которые имели дальность стрельбы четыре километра. Их назвали БМ-31–12. В том же году они поступили на вооружение бригад.

Войска 61-й армии вели упорные бои на болховском направлении. Стрелковая дивизия, которую поддерживал 311-й гвардейский минометный полк подполковника Г. Ф. Журавлева, получила задачу перерезать важную шоссейную магистраль Болхов — Орел. Враг бросил против дивизии свежие резервы. В их составе было два пехотных полка, более полусотни «тигров» и «фердинандов». Бой разгорелся рано утром 19 июля возле деревни Калинеево. Фашисты во что бы то ни стало хотели захватить господствующую над шоссе высоту северо-западнее деревни. Отражать атаки противника было нечем. Артиллерия дивизии почти не имела снарядов, противотанковая бригада еще не подошла, хотя ей уже надлежало быть здесь.

Со зловещим лязгом и скрежетом выходили из ближней рощи «тигры» и «фердинанды». За ними двигалась вражеская пехота. Времени для раздумий не было. Подполковник Журавлев решил огнем с закрытых позиций отрезать пехоту фашистов от танков, по танкам и прорвавшимся пехотинцам ударить прямой наводкой.

Залп по живой силе был губительным. Танки, оставшись без автоматчиков, сбавили скорость. И тут установки БМ-13 стали поодиночке выходить на прямую наводку. Корректировал огонь начальник разведки полка старший лейтенант Татарников. Огонь артиллерии и «катюш» не давал противнику наращивать удар. Вскоре подоспела и наша противотанковая бригада, которая с

ходу вступила в бой. Дивизия продолжала наступление. Деревня Калинеево была взята. Враг оставил на поле боя двадцать четыре танка и до трех батальонов пехоты.

Шесть часов длился этот яростный бой. После него командир дивизии сам прибыл на НП Журавлева, крепко пожал ему руку, поздравил с успехом и сказал:

— Спасибо, гвардейцы! Если бы не ваши «катюши», туго бы нам пришлось!

В июльском и августовском наступлении Брянского фронта гвардейские минометные части использовались, как правило, для прорыва обороны противника, для нанесения массированного удара по узлам сопротивления на новых направлениях и промежуточных рубежах обороны. Для этого они целыми группами быстро и оперативно перебрасывались из армии в армию, нередко на большие расстояния. Характерная в этом отношении операция была проведена в ночь на 19 июля, когда на участок 3-й армии перебросили четыре тяжелые бригады и четыре полка «катюш».

Под натиском войск нашей 3-й армии противник, оказывая упорное сопротивление, к исходу дня 18 июля отошел на рубеж Панама, Александровка и далее по реке Олешня и закрепился на заранее подготовленном рубеже. Чтобы не дать ему возможности подтянуть свежие резервы, нужно было как можно быстрее организовать прорыв второй полосы. Поэтому командование фронта решило в ночь на 19 июля 1943 года прорвать оборону гитлеровцев и в этот прорыв ввести 3-ю гвардейскую танковую армию. Для обеспечения прорыва в полосе 3-й армии туда срочно перебрасывались гвардейские минометные части с левого фланга 63-й армии.

Наиболее сложной задача оказалась для 3-й гвардейской минометной дивизии полковника П. В. Колесникова, которая с 16 июля стояла на огневых позициях на участке 63-й армии. Теперь дивизии предстояло в течение суток сняться с огневых позиций, совершить стокилометровыймарш и к утру 19 июля быть готовой к залпу на новом месте. Несмотря на крайне ограниченный срок, три бригады совершили ночной марш и к 4.00 19 июля были готовы к бою.

Этой же ночью сюда прибыла 8-я отдельная гвардейская минометная бригада М-30 и четыре полка М-13.

Контроль за переброской частей и организацию службы регулирования осуществляли офицеры штаба группы и штаба дивизии.

В назначенное время все полки и бригады произвели мощный огневой налет.

Фашистское командование не предполагало, что мы в столь сжатые сроки сможем сосредоточить так много артиллерии в районе прорыва. Огневой таран в буквальном смысле привел противника в замешательство. Бросая оружие, гитлеровцы в панике бежали и, потеряв ориентировку, попадали под сильный огонь нашей пехоты, сдавались в плен.

Войска 3-й армии после артиллерийской подготовки и залпов «катюш» овладели рядом населенных пунктов: Новая Жизнь, Малое Очкасово, Александровка, Прилепы, Подмаслово и другие, а 3-я гвардейская танковая армия вошла в прорыв и стала успешно развивать наступление.

22 июля 1943 года противнику удалось закрепиться на новой, промежуточной линии обороны, продвижение наших стрелковых дивизий приостановилось. Полковник Колесников получил задачу во взаимодействии с артиллерией обеспечить прорыв линии обороны врага. Выполнение этой задачи он возложил на 18-ю гвардейскую минометную бригаду. В течение трех часов она прошла сорок километров, заняла огневые позиции и в нужное время произвела залп. Инженерные сооружения в полосе обороны гитлеровцев были разрушены, а большая часть живой силы уничтожена. Стрелковые подразделения развили наступление и захватили ряд населенных пунктов: Капурино, Соловки, Семенов. Враг потерял при этом до полка пехоты.

Взламывая оборону противника, отражая контратаки, уничтожая его резервы и отступающие колонны, гвардейские минометные части оперативной группы фронта только за июль 1943 года выпустили более шестидесяти тысячреактивных снарядов, из них 29 тысяч тяжелого калибра М-20 и М-30.

5 августа в Москве впервые прогремел салют в честь побед, которые одержали войска Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов, освободивших Орел и Белгород.

18 августа завершилась ликвидация орловского плацдарма врага.

Войска Брянского фронта во взаимодействии с Западным и Центральным фронтами продолжали наступать. С расширением нашей полосы наступления из Западного фронта в состав Брянского перешли 11-я гвардейская армия генерала И. Х. Баграмяна и 11-я армия генерала И. И. Федюнинского, а затем и 50-я армия генерала И. В. Болдина. С войсками этих армий в состав оперативной группы ГМЧ фронта влились шесть полков «катюш», а 3-я гвардейская минометная дивизия была переброшена на другой фронт. Таким образом, в августе 1943 года в оперативной группе ГМЧ Брянского фронта находилось

двенадцать полков, четыре бригады и один отдельный дивизион.

В последующих боях из вновь прибывших полков наиболее инициативно действовал 40-й гвардейский минометный полк майора А. Г. Карася, который поддерживал 169-ю стрелковую дивизию. Взаимодействуя с артиллерией, он своим огнем отбивал контратаки и подавлял систему флангового огня противника, обеспечивая продвижение дивизии. В боях отличились многие воины этого полка. Среди них командир 39-го дивизиона капитан А. М. Голеусов, командир огневого взвода лейтенант Карсанов, командир боевой машины Абдульманов.

Смело и самоотверженно действовал 74-й гвардейский минометный полк гвардии майора А. В. Дзаридзе, поддерживавший 8-й гвардейский стрелковый корпус, который освободил более ста населенных пунктов. Мужество и стойкость в боях проявили капитаны Потапов, Головачев, командиры боевых машин Самсонов, Вильчевский, Тацитов, Воробьев и другие.

Добрая слава на фронте ходила и о 312-м гвардейском минометном полку.

«Ни один поддерживающий дивизию род войск не оказывал нам такой мощной поддержки, какую оказывал 312 гмп, и в целом ряде случаев продвижением частейдивизии мы были обязаны исключительно своевременному и сокрушительному огню гвардейцев 312 гмп», — свидетельствовал командир 380-й стрелковой дивизии полковник Кустов.

Высокую оценку действиям гвардейцев давал и командир 269-й стрелковой дивизии генерал-майор Мерзляков: «312 гмп сопровождал пехоту дивизии не только обычным огнем, но и огнем отдельных батарей, которые выезжали в боевые порядки пехоты, давая сокрушительные залпы прямой наводкой».

— Какие замечательные люди в наших полках! — радовался Ломаковский, читая поступавшие донесения. Я полностью разделял его чувства.

Вот некоторые строки из тех же донесений. Командир боевой машины И. Д. Цирулев, шофер транспортной машины П. В. Лебедев во время выполнения боевого задания были ранены, но оставались в строю. Санинструктор дивизиона сержант Д. В. Гусев под сильным обстрелом вынес с поля боя пять человек.

Заряжающий М. Д. Поздерин, заменив раненого наводчика, под сильным артиллерийским огнем отразил атаку противника, подбив три танка. Ефрейтор К. В. Доганашев, выполняя приказ командира батареи, на виду у наступающих фашистов вывел боевую машину на открытую позицию и дал залп. Результат — тридцать убитых гитлеровцев и два подожженных танка.

Или еще пример. От фашистской бомбы загорелась боевая

машина. Огонь угрожал стоявшим неподалеку машинам с боеприпасами. Ефрейтор П. П. Фролов первым бросился тушить пожар, увлекая за собой товарищей. Опасность взрыва была ликвидирована.

Не обходилось и без потерь. Во имя победы над врагом отдавали свои жизни замечательные люди. Разведчики во главе с младшим лейтенантом И. Н. Поваровым обнаружили вражескую засаду из пяти самоходных орудий и двух танков. Гитлеровцы открыли по разведчикам пулеметный огонь. Пали смертью храбрых старший сержант Н. А. Дроздов, сержант А. Ф. Фанзов, рядовые Корнышев и Н. И. Теткин. Тяжело раненного Поварова вынес из-под огня подоспевший боец Давниченко. Теряя сознание, Поваров успел сообщить координаты вражеской засады, и она была полностью уничтожена «катюшами».

В 312-м полку всеобщим любимцем был сержант И. К. Коротаев. Я знал этого на редкость инициативного и храброго воина, коммуниста. Со своим расчетом Коротаев не раз отбивал фашистские контратаки залпами с открытых позиций. В одном из боев сержант был смертельно ранен. Это известие болью отозвалось в сердцах гвардейцев. Боевые друзья поклялись отомстить врагу за его смерть. В тот же день дивизион, в котором служил Коротаев, уничтожил зенитную и три минометные батареи, два танка, шесть пушек, самоходное орудие, заставил замолчать семнадцать огневых точек врага. Этим было положено начало «коротаевскому счету».

И. К. Коротаева посмертно наградили орденом Отечественной войны II степени и навечно зачислили в списки 2-го дивизиона 312-го гвардейского минометного полка. А через некоторое время в полку сложили бесхитростную солдатскую песню о Коротаеве. Песня брала за душу, звала однополчан к новым подвигам.

Шли ожесточенные бои, но не прекращалась партийно-политическая работа в частях. В самый разгар Курской битвы 472 гвардейца-минометчика вступили в ряды Коммунистической партии и 258 — в комсомол. Когда в стране было объявлено о выпуске Государственного займа, воины ГМЧ фронта подписались в общей сложности на пять с половиной миллионов рублей и большую часть суммы внесли наличными.

* * *

Одним из наиболее ярких и поучительных примеров боевого применения ГМЧ в операциях, несомненно, является прорыв

вражеской обороны войсками 50-й армии Брянского фронта под городом Кировом Калужской области. В артиллерийском обеспечении этого прорыва гвардейским минометным частям суждено было сыграть решающую роль.

«Командование рассматривало ГМЧ как мощное огневое и сильное маневренное средство, способное решать большие задачи в короткое время. Поэтому было решено возложить на них все основные задачи артиллерийской подготовки наступления наших войск...» — писал в статье, опубликованной в «Военно-историческом журнале» № 10 за 1959 год, командующий Брянским фронтом М. М. Попов.

Подготовка операции началась 4 сентября с разведки боем, проведенной в районе деревни Большие Савки. Задача по обеспечению наступления войск 50-й армии возлагалась на 2-й артиллерийский корпус прорыва и на группу ГМЧ в составе дивизии М-31, восьми полков М-13. Был разработан план артподготовки и взаимодействия частей в ходе операции.

Мы с командиром 2-го артиллерийского корпуса генерал-лейтенантом М. М. Барсуковым свои наблюдательные пункты разместили на колокольне большой церкви, находившейся на западной окраине Кирова.

5 сентября я находился на своем НП. Поздно вечером меня вызвал к себе командующий фронтом генерал-полковник М. М. Попов. Через полчаса я был в его вагоне.

— В подготовленном районе прорыва противник имеет мощную укрепленную полосу обороны, рассчитывать на успех трудно. Поэтому принято решение прорыв осуществить с участка соседней 10-й армии Западного фронта — вот здесь, — и командующий показал на карте новое место намеченного прорыва. — Сможете ли вы, товарищ Нестеренко, за две ночи незаметно для противника перебросить восемь своих полков на этот участок с таким расчетом, чтобы утром 7 сентября они обеспечили прорыв обороны?

— Если дороги для автотранспорта проходимы — задачу выполним! — ответил я.

— Дороги проходимы, я вчера сам проехал по этому маршруту.

Командующий, ставя мне задачу, подчеркнул, что, развертывая ГМЧ на новом участке, нужно обеспечить полную скрытность и иметь к началу операции в каждом полку не менее трех залпов снарядов.

— Помните, — заключил генерал, — никаких письменных приказов. Распоряжения командирам полков отдавать лично.

Задача была не из легких, однако наши части имели большой

опыт в совершении подобных маршей.

Вернувшись в штаб, мы вместе с Задориным уточнили наличие в частях боевых машин и боеприпасов, наметили маршруты и порядок движения колонн. Примерно в первом часу ночи собрались командиры полков. Каждому из них на карте был указан маршрут, определенырайоны огневых позиций и наблюдательных пунктов, а также время прохождения контрольных рубежей. Особое внимание, как того требовал командующий фронтом, было обращено на маскировку и скрытность маневра. В пять утра 6 сентября командиры полков должны были собраться на восточной окраине хутора Моисеевского в районе новых огневых позиций.

Чтобы обеспечить скрытность маневра, мы решили перебрасывать полки двумя эшелонами. В ночь на 6 сентября совершали марш только штабы и взводы управлений полков и дивизионов, а в следующую ночь — боевые машины и взводы боевого питания с тремя залпами снарядов.

На дороги были высланы регулировщики, а в район огневых позиций — комендантские посты. Они следили за строжайшим соблюдением светомаскировки. С рассветом движение машин по дорогам прекращалось. Их тщательно прятали в лесу и кустарниках.

Рано утром 6 сентября мы с офицером штаба старшим лейтенантом Шамовым прибыли в район предстоящих боевых действий. В хуторе Моисеевском уже собрались командиры полков. Примостившись на бревнах, они завтракали, подкреплялись, как говорится, чем бог послал. Каждый выложил все, что у него было: консервы, масло, селедку, колбасу... Так уж у нас повелось: когда командиры собирались вместе, организовывался общий стол. Не было недостатка и в шутках. Мне нравилась эта атмосфера добросердечности, взаимного уважения.

Я попросил развернуть карты. Пока командиры вынимали из полевых сумок карты и отыскивали на них места предстоящих боевых действий, я внимательно всматривался в их лица. Это были молодые, энергичные, полные удали люди. Самому старшему из них, Скирде, исполнилось тридцать четыре года, а самому младшему, Плотникову, не было и двадцати четырех. Скирда и Ковчур вступили в бой с врагом в первые дни войны. Многие прошли суровую школу Сталинградской битвы, участвовали в напряженных наступательных боях Брянского фронта. За их плечами стремительные марши, внезапные и точные залпы, в острые минуты сражений выходы с батареями в боевые порядки пехоты. Дружная семья гвардейцев жила по

законам взаимной выручки. Всев боях отлично взаимодействовали с артиллерией, да иначе и быть не могло. Ведь в ГМЧ назначались лучшие артиллеристы. «Да, — думал я, глядя на командиров, — полки, возглавляемые такими людьми, не подведут!»

Я рассказал о боевых задачах и условиях, в которых предстояло совершать залпы. Прорыв намечался в полосе шириной четыре-пять километров. На каждый наш полк приходилось всего лишь по пятисот метров. Каждый командир полка головой отвечал за подавление огневой системы, разрушение опорных пунктов и уничтожение живой силы противника на своем участке. Поэтому я потребовал от командиров, чтобы они сами побывали в передовых стрелковых батальонах и тщательно изучили систему обороны противника, нанесли на карту расположение его огневых точек, опорных пунктов, окопов.

Важно было продумать, как лучше положить залпы «катюш». Командирам полков рекомендовалось получить сведения о противнике у командиров стрелковых батальонов и артиллеристов, в частности, взять у них данные пристрелки по рубежам и наиболее важным целям, договориться, какие цели пехотинцы и артиллеристы возьмут на себя.

Особое внимание обращалось на скрытность подготовки залпов, строгое соблюдение маскировки. При выходе на НП и в передовые батальоны командирам полков разрешалось брать с собой только одного офицера или разведчика.

Ответственность за правый фланг участка прорыва возлагалась на подполковника Плотникова, за левый — на подполковника Карася. Для отражения фланговых контратак противника прямой наводкой они должны были выбрать огневые позиции в районах своих наблюдательных пунктов, чтобы в случае необходимости лично руководить огнем батарей.

Командиры полков приступили к выполнению задания, а мы с Шамовым выехали на центральный участок предполагаемого прорыва. Оставив машину на опушке леса, мы прошли на НП командующего артиллерией 369-й стрелковой дивизии. Далее нас провели на НП командира стрелкового батальона. Отсюда хорошо просматривался передний край врага. Я нанес на карту его опорные пункты, уточнил расположение наших передовых батальонов и определил, куда целесообразно положить полковыезалпы, районы переноса огня в глубину и флангового обеспечения при наступлении наших войск.

Место для моего НП было выбрано на опушке леса — неподалеку от наблюдательного пункта командующего

артиллерией 369-й стрелковой дивизии.

В 16.00 командиры гвардейских минометных полков, как и было условлено, собрались в штабе 50-й армии. Слушая их доклады, я сопоставлял сведения о переднем крае противника, о системе его обороны. Мы окончательно распределили цели для каждого полка, уточнили порядок массированных залповых ударов и методического огня ГМЧ, уточнили, какие цели подавляются огнем артиллерии.

В 18.00 я уже был на КП командующего 50-й армией генерал-лейтенанта И. В. Болдина. Здесь находился командующий фронтом генерал-полковник М. М. Попов и командующий артиллерией фронта генерал-лейтенант Н. В. Гавриленко.

Наш план был утвержден без существенных изменений. Командующий фронтом М. М. Попов подчеркнул, что я должен иметь в централизованном управлении не менее пяти полков.

— Особое внимание — обеспечению флангов, — сказал он. — Вы должны в любой момент быть готовыми к отражению контратак.

— А успеете вы точно привязать боевые порядки дивизионов? — спросил Н. В. Гавриленко. — И как будут обеспечены пристрелка и контроль подготовки исходных данных?

— Дивизионы ГМЧ используют пристрелочные данные артиллерийских частей 10-й армии, которые давно находятся здесь, — ответил я. — Огневые позиции «катюш» располагаются вблизи артиллерийских батарей, и командиры наших дивизионов уже связались с артиллеристами.

В ночь на 7 сентября командиры подразделений восьми полков ГМЧ заняли свои НП и установили связь с огневыми позициями, на которые уже прибыли огневые взводы. К шести утра я доложил командующему фронтом о полной готовности полков к бою.

Мы ждали команды. Начало артиллерийской подготовки было назначено на 11.00.

Боевой порядок армии на участке прорыва строился в три эшелона: в первом — две стрелковые дивизии, танковые бригада и полк; во втором — стрелковая дивизия с танковым полком; в третьем — кавалерийский корпус и три стрелковые дивизии, которые 8 сентября должны были прибыть из-под Кирова. Для артиллерийского обеспечения кроме полков ГМЧ и артиллерии дивизий привлекались пять артиллерийских полков 10-й армии Западного фронта, ранее находившихся на этом участке. Плотность на километр фронта составляла около 62 стволов. Этого явно было мало. При таком количестве орудий рассчитывать на успех было довольно рискованно.

На что же делало ставку командование фронта? Оно было уверено, что быстрый и скрытый маневр гвардейских минометных полков и их мощный огонь восполнят недостаток артиллерии. Расчет делался на внезапность удара, на массированный огонь ГМЧ, на сковывание основной группировки противника возле Кирова, на стремительность атаки стрелковых дивизий, решительный ввод в прорыв кавалерийского корпуса и наращивание усилий за счет перебрасываемых из-под Кирова частей.

Опыт прошлых боев показывал, что при потере внезапности удара и большое количество стволов не обеспечивало успеха. Ведь в сухую, тихую погоду переброску значительных сил артиллерии и танков на новые направления скрыть от противника трудно: над дорогами долго висят облака пыли. Враг успевал подтягивать танковые и огневые резервы, перебрасывал мотопехоту и сосредоточивал авиацию. Так было на участке 11-й гвардейской армии южнее города Карачева и севернее этого города на участке 11-й армии в районе населенных пунктов Огорь и Орля.

Что предстояло сделать гвардейским минометным полкам и артиллерии на участке прорыва? Внезапным огневым налетом большой плотности они должны были нарушить огневую систему противника, дезорганизовать управление войсками, уничтожить его живую силу, разрушить и подавить узлы сопротивления на переднем крае и в глубине обороны. Всеми этими действиями мы должны были обеспечить продвижение нашей пехоты и танков, срывая возможные контратаки врага.

В прорыве участвовали гвардейские полки: 40-й — подполковника А. Г. Карася, 85-й — подполковникаВ. А. Плотникова, 93-й — полковника Е. Г. Сердобольского, 90-й — подполковника М. А. Якушева, 310-й — подполковника Н. М. Ковчура, 312-й — подполковника Н. В. Скирды и 313-й — майора Д. Н. Орлова. Кроме перечисленных полков, вооруженных установками БМ-13, в прорыве участвовал 10-й полк майора Сторожко, имевший установки БМ-8 и входивший в состав 2-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Расход боеприпасов на первый день боя по плану составлял двадцать три полковых залпа для М-13 и три для М-8.

Утром 7 сентября в районе Кирова началась артиллерийская подготовка. Как и предполагалось, это сковало главные силы противника, отвлекло его внимание. А в одиннадцать часов на участке намеченного прорыва по врагу ударили авиация, полки «катюш», а артиллерия открыла стрельбу прямой наводкой по заранее пристрелянным немецким огневым точкам и батареям.

Это было огненное море. Пикирующие бомбардировщики утюжили фашистские войска, недосягаемые для «катюш» и артиллерии. Под громовые раскаты взрывов в воздух взлетали тысячи фонтанов земли. На участке прорыва непрерывно рвались новые и новые снаряды. Орудия прямой наводки продолжали обрабатывать передний край.

Через двадцать минут снова был нанесен залповый удар полков «катюш». Ветерок сносил черное облако гари и пыли в сторону врага. Это облегчало орудиям вести прицельный огонь прямой наводкой, создавало благоприятные возможности для продвижения нашей пехоте.

Минут через пять после того, как наши пехотинцы пошли в атаку, последовали два полковых залпа на флангах для предупреждения контратак. Надо сказать, что в последующем противник не раз пытался предпринимать их. Особенно упорные и яростные контратаки следовали с правого фланга, со стороны населенных пунктов Зимница и Милеево. Здесь гитлеровцам удалось несколько потеснить наши стрелковые батальоны и противотанковые орудия.

В это время на открытую позицию выехала батарея «катюш» дивизиона капитана А. Ф. Пануева. Своими залпами прямой наводкой батарея не только отразила контратакупротивника, но и обратила его в бегство. Правофланговые батальоны снова перешли в наступление...

За двадцать минут по участку прорыва было выпущено более 8000 снарядов, из них 6000 реактивных и около 2000 артиллерийских. Внезапность и сила огневого удара сделали свое дело. ГМЧ и артиллерия во взаимодействии с авиацией обеспечили войскам 50-й армии прорыв вражеской обороны.

К концу дня фронт прорыва расширился до восьми километров. На поле боя валялись сотни трупов фашистских солдат и офицеров. Многие артиллерийские батареи противника, накрытые губительным огнем «катюш», потеряли расчеты, не сделав ни одного выстрела, и были захвачены нашей пехотой.

Наступающие войска уже вели бои в глубине обороны гитлеровцев. ГМЧ и артиллерия приступили к огневому сопровождению наших танков и пехоты. Кроме того, нам пришлось подавлять вражеские части и подразделения, сосредоточенные для контратак, громить отступающие колонны немцев, которые, избегая окружения, поспешно уходили из леса, бросая оружие и боевую технику.

В тот же день в прорыв был введен 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта В. В. Крюкова. Для усиления корпусу придавался 40-й гвардейский минометный

полк подполковника А. Г. Карася. Этот полк был наиболее мобильный по сравнению с другими, имел в лучшем состоянии автотранспорт.

8 сентября с вводом в бой дивизий второго эшелона прорыв был увеличен до тридцати километров в ширину и до двадцати пяти в глубину. 2-й кавалерийский корпус с двумя полками «катюш» (40-й и 10-й гмп) стремительно продвигался в направлении Жуковки. Противник спешно подбрасывал резервы и предпринимал фланговые контратаки, стремясь отрезать введенную в прорыв кавалерию и закрыть брешь в своей обороне. В течение трех суток на флангах шли ожесточенные бои, в которых большую роль сыграл 40-й гвардейский минометный полк. Он наносил удары по скоплениям пехоты и танков противника и тем самым срывал его контратаки.

Неоценимую помощь гвардейцам оказал начальник разведки 24-го Краснознаменного дивизиона 40 гмп старший лейтенант Н. И. Винников, посланный в тыл врагакомандиром дивизиона Я. А. Березиным. Разведав силы противника, старший лейтенант по радио вызывал огонь дивизиона по сосредоточению фашистских танков и пехоты. За проявленное мужество Винников был награжден орденом Отечественной войны II степени. К сожалению, офицеру не довелось дожить до конца войны. 20 июня 1944 года на Карельском фронте, под деревней Тускаллы, Н. И. Винников, находясь со своими разведчиками в передовых цепях, повел пехоту на штурм опорного пункта и пал смертью героя. Посмертно ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

В прорыв вводились новые артиллерийские части, которые перебрасывались из-под Кирова. Противник так и не смог отрезать 2-й кавалерийский корпус от стрелковых дивизий, не смог остановить стремительное продвижение наших войск.

11 сентября наша конница овладела Жуковкой, захватила плацдарм на западном берегу Десны и перерезала пути на Рославль. Не имея резервов для восстановления фронта и боясь окружения, фашистское командование вынуждено было отдать приказ 12-му и 53-му корпусам на отход. Войска Брянского фронта немедленно перешли в преследование противника.

За время этих боев противник понес огромные потери: три его дивизии были разгромлены полностью, четыре пехотные, две танковые дивизии, несколько охранных батальонов потеряли большую часть личного состава.

Прорыв в районе Мокрое, Крайчук обеспечил не только тактический, но и оперативный успех: наши войска освободили от фашистских захватчиков города Брянск, Бежица, Унеча, Почеп и

другие.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 17 сентября 1943 года войскам, участвовавшим в освобождении городов Брянск и Бежица, была объявлена благодарность, а в Москве в честь этой победы был дан салют. 310-й и 74-й гвардейские минометные полки получили наименование Бежицких. Командиры гвардейских минометных полков, многие бойцы и офицеры были награждены орденами. В эти дни мне было присвоено звание «генерал-лейтенант артиллерии»...

Наши войска продвинулись западнее Брянска на тридцать пять — пятьдесят километров. Наступила оперативнаяпауза. Нужно было провести перегруппировку войск, подтянуть тылы, подвезти боеприпасы и горючее...

Появилась возможность собрать командиров частей, подвести итоги боев.

На совещании мы всесторонне обсудили практику боевых действий гвардейских минометных частей Брянского фронта, обобщили накопленный опыт. Мне было приятно отметить, что за время боев заметно выросло мастерство командного состава, возмужали, приобрели богатый опыт гвардейцы. Полки и бригады действовали, как правило, согласованно, нередко выручали друг друга: делились горючим, продовольствием, оказывали взаимопомощь в перевозке снарядов. Это относилось прежде всего к полкам Сердобольского, Карася, Скирды. Не случайно именно эти офицеры обычно возглавляли группы ГМЧ, которые создавались для нанесения массированных ударов по противнику.

Вполне справился со своими задачами артсклад. Чтобы ускорить переброску больших партий снарядов на нужные направления, было организовано несколько промежуточных опорных баз. Правда, в работе тыловых подразделений опергруппы имелись и упущения. В частности, тылы некоторых частей и артсклад не всегда успевали собирать и своевременно отправлять на оборонные заводы ящики из-под снарядов. Конечно, в боевых условиях, тем более в ходе наступления, дело это непростое, хлопотное, но считать его не стоящим внимания было никак нельзя. Одна только наша опергруппа в последних наступательных боях выпустила по врагу сто тысяч снарядов, а это — пятьдесят тысяч ящиков, больших, окантованных железом. Нетрудно прикинуть, какую экономию средств, материалов, рабочей силы дает возврат тары.

На совещании мы единодушно сошлись на том, что минувшие наступательные бои содержат много интересного и поучительного в использовании гвардейских минометных полков. Поскольку ГМЧ фронта, как правило, не распылялись по армиям

и дивизиям, а применялись группами на направлениях главных ударов, это позволяло с максимальной эффективностью использовать маневренность и огромную мощь залпов «катюш», обеспечивать внезапность огневых налетов. А внезапные залпы ГМЧ, как показал опыт, настолько ошеломляли противника,что наши войска нередко овладевали его опорными пунктами сравнительно легко, без больших потерь.

Так было на участке 11-й гвардейской армии в районе Ильинское, Гнездилово, где группа ГМЧ в составе семи полков и одной бригады М-30, взаимодействуя с артиллерией, обеспечила прорыв обороны противника; при прорыве обороны и взятии Хотынца на карачевском направлении, где действовала группа ГМЧ из четырех полков, одной бригады и отдельного дивизиона; при наступлении на Брянск, где группа ГМЧ состояла из семи полков, трех бригад и отдельного дивизиона; на участке 50-й армии — в районе Орля, Калинино, где группа ГМЧ состояла из семи полков, двух бригад; под городом Кировом Калужской области, где в группу обеспечения прорыва входили восемь полков М-13, один полк М-8 и дивизия М-30.

Инициатором такого применения ГМЧ был командующий войсками фронта генерал-полковник М. М. Попов, по достоинству оценивший возможности реактивной артиллерии как эффективного средства обеспечения наступательных операций.

Массированное применение ГМЧ с быстрой, своевременной и скрытной переброской их с одного направления на другое требовало от опергруппы, ее штаба напряженной, четкой работы. И наш малочисленный штаб справлялся с поставленной задачей. В этом прежде всего заслуга офицеров штаба во главе с полковником В. И. Задориным. Успешной работе штаба способствовала система централизованного управления и снабжения, прямое подчинение и связь: полк — оперативная группа ГМЧ фронта — штаб командующего ГМЧ. Гвардейские полки были хорошо обеспечены автотранспортом. Уже одно это позволяло иметь при штабе оперативной группы ГМЧ фронта офицеров связи от каждой части или группы полков.

Постоянная и надежная связь, как известно, имеет решающее значение в управлении войсками. В гвардейских полках безотказно действовали радиостанции. Кроме того, для связи со штабом оперативной группы ГМЧ фронта командирам гвардейских полков предоставлялось право пользоваться средствами связи в штабах стрелковых дивизий, корпусов и армий. Следовательно, у нас были благоприятные условия для оперативной передачибоевых приказов и распоряжений, для взаимной информации.

Гвардейские минометные полки, как правило, действовали в полосе фронта протяженностью двести пятьдесят — триста километров. Это обстоятельство в какой-то мере накладывало отпечаток на стиль управления ГМЧ. Под неослабным контролем находились полки, действующие на наиболее ответственных направлениях.

Были периоды, когда изо дня в день мне и моему заместителю полковнику Я. А. Кочеткову приходилось проезжать на машине двести — триста километров, а иногда и больше.

В течение первых двух лет войны, как я в том убедился, штабы дивизий, корпусов и армий, а также штаб фронта очень много времени тратили на оформление оперативных документов. Но чем позже приказы и боевые распоряжения доходили до частей, тем меньше времени у командиров оставалось на их исполнение. Понятно, что это приводило к дополнительным трудностям, особенно в тех случаях, когда выполнение боевой задачи требовало переброски частей с одного участка фронта на другой.

Наш штаб перестал ждать окончательного оформления приказов и боевых распоряжений в штабе фронта. Как только становилось известно решение командования (а это решение начальник оперативной группы ГМЧ не мог не знать, ибо он непосредственно подчинялся командующему войсками фронта), мы тут же отправляли в части офицеров связи с картами и устными боевыми распоряжениями. Да и сами спешили в части.

В новых районах боевых действий, пока части совершали марш, мы с общевойсковыми и артиллерийскими начальниками уточняли боевые задачи, увязывали взаимодействие с артиллерией, пехотой и танковыми частями.

На бортах боевых и транспортных машин нашей опергруппы ГМЧ по-прежнему был опознавательный знак — римская пятерка. Такой же знак наносился на указателях, которые устанавливались на перекрестках дорог и на объездах. Он выполнял роль регулировщика, помогал отставшим подразделениям и отдельным машинам находить свои части.

Метод управления боевой деятельностью гвардейских минометных частей фронта по сравнению с другими родами войск имел свои особенности. Дело в том, чтозалпы дивизионов, полков, бригад ГМЧ — это сотни и тысячи мощных снарядов, выпускаемых за несколько десятков секунд... Какая же ответственность возлагалась на командиров за своевременно и точно положенные залпы! Какой высокой дисциплины и организованности, слаженности действий требовали эти залпы от всего личного состава полка, бригады!

Гвардейские минометные части, как уже говорилось, очень часто перебрасывались с одного участка фронта на другой, из армии в армию, а в армиях — из дивизии в дивизию. Броски и марши, как правило, совершались внезапно, в высоком темпе. Командиры и политорганы, партийные и комсомольские организации проводили большую работу, направленную на воспитание у солдат, сержантов и офицеров дисциплинированности на марше, четкости в работе, исполнительности, безусловного выполнения приказов командиров и начальников. В свою очередь командиры и штабы осуществляли строгий контроль за исполнением приказов и распоряжений.

Войсками Брянского фронта были освобождены города Почеп, Унеча, Клинцы, Новозыбков. На очереди был Гомель. Но произошло неожиданное — распоряжением Ставки Брянский фронт расформировывался. Его армии переподчинялись Центральному фронту, а штаб и другие органы управления, части и соединения фронтового подчинения во главе с командующим фронтом генералом М. М. Поповым — жедезнодорожными эшелонами перебрасывались в район Великих Лук и Невеля. Туда же направлялась и наша оперативная группа ГМЧ в составе пяти полков, трех бригад 2-й гвардейской минометной дивизии, артсклада и ПРМ.

На рубеже от озера Ильмень до города Невель из войск Северо-Западного, частично Калининского и Брянского фронтов создавался фронт, который с 20 октября 1943 года стал именоваться 2-м Прибалтийским.

Глава девятнадцатая. В Прибалтике

В состав оперативной группы ГМЧ 2-го Прибалтийского фронта кроме частей, прибывших с Брянского фронта, вошли гвардейские минометные части Северо-Западного и Калининского фронтов (пять полков и две бригады). Среди них были уже знакомые мне полки. Это 39-й полк Героя Советского Союза гвардии подполковника П. В. Шутова, 26-й полк гвардии майора А. А. Налбандова и другие. Прибыла и армейская группа ГМЧ во главе с гвардии полковником М. Е. Шубным. Начальником штаба армейской группы был гвардии майор Г. А. Тюлин.

Появление дополнительного органа управления — штатной армейской группы ГМЧ — намного облегчало руководство частями в бою. К тому же полковник Шубный и майор Тюлин были инициативные и подготовленные артиллеристы.

На Брянском фронте мы не имели штатных армейских групп ГМЧ. Их роль обычно выполняли наиболее подготовленные штабы полков или бригад, действовавших на участке той или иной армии, где было несколько частей.

Наступательные боевые действия 2-го Прибалтийского фронта начались в конце октября 1943 года севернее, а затем юго-западнее Невеля и закончились на берегах Балтийского моря в Литве 9 мая 1945 года. Я остановлюсь лишь на отдельных моментах боевой деятельности ГМЧ фронта этого периода.

Первая наступательная операция 2-го Прибалтийского фронта готовилась на участке 3-й ударной армии генерал-лейтенантаК. Н. Галицкого севернее Невеля. В этой операции нас постигла неудача. Как говорят, первый блин комом...

Противник, имея хорошие рокадные дороги, накануне нашего наступления в течение ночи сумел усилить свою оборону на участке намечаемого прорыва и вывел войска из районов, по которым планировался наш артиллерийский огонь.

Операция началась в назначенное время. На рассвете после артиллерийской подготовки войска 3-й ударной армии перешли в наступление и незначительно продвинулись вперед. Однако мощными фланговыми контратаками пехоты, поддержанными танками и артиллерией, противник остановил продвижение наших войск. Атака захлебнулась.

Вскоре командующего артиллерией фронту генерала Н. В. Гаврилепко отозвали в Москву. На его место прибыл генерал-лейтенант артиллерии П. Н. Ничков, опытный артиллерист,

человек исключительной выдержки. У нас с ним так же, как и с Гавриленко, установились хорошие деловые отношения.

В спешном порядке стали готовить новое наступление, теперь уже юго-западнее Невеля.

Накануне наступления всю ночь шел мелкий моросящий дождь, образовалась сплошная пелена тумана. Видимости никакой. А без наблюдения проводить артиллерийскую подготовку, разрушать прочные сооружения и подавлять огневые точки прицельным огнем невозможно. Однако наши передовые батальоны ночью заняли исходные позиции для атаки. Мокрые озябшие бойцы и командиры несколько часов лежали в окопах в ожидании сигнала атаки.

Откладывать артиллерийскую подготовку — это значит еще какое-то время держать личный состав на исходных позициях. Отводить же батальоны в тыл в светлое время на виду у противника опасно: могут быть неоправданные потери.

Командование приняло решение: операцию начинать, артиллерийскую подготовку провести методом десятиминутного огневого налета с максимальным использованием залпового огня гвардейских минометных частей, исключив при этом период пристрелки.

После внезапного огневого удара всей артиллерии переднему краю вражеской обороны и залпов пяти полков ГМЧ наши передовые батальоны дружно пошли в атаку. Первая полоса обороны противника была прорвана.

Наступление началось 2 ноября 1943 года, а 16 ноября войска 3-й ударной армии оседлали дорогу Пустошка — Невель. Гитлеровцы лишились единственной хорошей дороги, которая питала их Невельскую группировку. Создавалась реальная возможность разгрома этой вражеской группировки. Но, к сожалению, пошли дожди, наступила осенняя распутица. Стало трудно подвозить боеприпасы, горючее, продовольствие. Войска 3-й ударной армии получили приказ временно перейти к обороне, причем в очень невыгодном положении (глубоко вклинившись в оборону противника, они оказались в широком мешке с узкой горловиной у основания прорыва). Между населенным пунктом Турки-Перевоз, расположенном на берегу реки Уща, и озером Язо, что в двадцати километрах западнее Невеля, ширина клина в своем основании имела всего восемь километров. Именно здесь, в самой узкой части клина, фашисты решили нанести удар, чтобы окружить наши войска.

1 декабря пехота противника при артиллерийской и танковой поддержке из района Турки-Перевоз перешла в наступление и продвинулась в направлении озера Язо на четыре километра.

Чтобы затянуть мешок, гитлеровцам оставалось пройти еще четыре километра. Завязались ожесточенные бои. Положение наших войск, находившихся в глубоком мешке, осложнялось еще и тем, что раскисшие дороги лишали нас возможности подвозить снаряды. В этот трудный период гвардейцы артиллерийского склада ГМЧ во главе с майором А. П. Конуровым сумели доставить 90-му гвардейскому минометному полку две тысячи снарядов М-13. Это был поистине героический марш колонны, состоявшей более чем из семидесяти грузовых машин. Гвардейцы пробились через узкую горловину и доставили снаряды на огневые позиции.

Залпы «катюш» помогли войскам 3-й ударной армии не только остановить продвижение врага, но и отбросить его на исходные позиции, на реку Уща.

В этом заслуга 90-го гвардейского минометного полка подполковника М. А. Якушева, и особенно дивизионов капитана П. А. Стройнова и А. Н. Салтыкова. Начальник штаба 2-го дивизиона старший лейтенант В. П. Майорови командир батареи старший лейтенант М. А. Данилов находились в передовых цепях пехоты и оттуда умело корректировали огонь своих «катюш».

Под Невелём отличились также 40, 42, 70-й гвардейские минометные полки и 21-я бригада.

После этих боев наступил период временного затишья. Используя передышку, надо было наладить тыловое обеспечение опергруппы, проверить работу подвижной ремонтной мастерской.

Вместе с подполковником Евсюковым и командирами частей я побывал в ПРМ. Были решены неотложные вопросы ремонта боевых машин. Мы уже собрались уезжать, подошли к машине, как вдруг кто-то крикнул:

— Ленька, это ты?

Все оглянулись, В тот вечер шел мелкий дождь. Каждый из нас накинул плащ-палатку, и к кому относился этот возглас, догадаться было трудно.

Из-под навеса к нам бежал боец. В нескольких шагах он остановился и, обращаясь ко мне, торопливо, сильно волнуясь, проговорил:

— Ленька, я Гришка Нехорошев. Помнишь... Мы еще под стогом сена в грозу ночевали?.. Еще у нас в деревне Груня была...

Я узнал бойца. Это был мой земляк из деревни Шевели Кемеровской области, больше того, — друг юности. Но я не сразу нашелся что ответить. Подполковник Малык, по-своему истолковав мое секундное замешательство, напустился на Нехорошева.

— Вы что, устава не знаете?

Я подошел к Грише, обнял его и по-дружески крепко расцеловал.

— Гриша, я все помню, я тебя сразу узнал... — И, обращаясь к присутствующим, сказал: — Это мой земляк, мы с ним из одной деревни... Он поедет со мной, а часа через три вернется. Вспомним, как под стогом ночевали...

Все засмеялись.

В моей землянке мы с Гришей поужинали, а потом долго беседовали, вспоминая нашу юность в глухой сибирской деревушке.

— Что это ты, Гриша, при всех вдруг Груню вспомнил — спросил я.

— Боялся, что не узнаешь меня и уедешь, — ответилГриша. — А насчет Груни, — так она ж самая красивая была.

Наговорившись вдоволь, расстались. Мой гость поспешил в мастерскую, где ремонтировалась его боевая машина.

— Воюй, Гриша, по-нашему, по-сибирски, — сказал я ему на прощание.

— Алексей Иванович, спасибо, что не забыли. Кончится война — приезжайте в Кемерово, встретим и угостим по-сибирски...

Начались бои, больше я Гришу не видел, но слышал, что воевал он хорошо.

На войне человек особенно сильно испытывает потребность в дружеском общении. Без дружбы да без шутки на фронте трудно. Когда меня находили письма-треугольники моих боевых друзей, я вскрывал их с радостным нетерпением. Военная судьба разлучила меня с Рыбиным, начальником штаба 170-го артиллерийского полка, с Голиковым, спасшим Знамя этого полка, с комиссаром 4-го гвардейского минометного полка Радченко и со многими другими. Но ничто не могло разрушить нашу дружбу.

* * *

В течение зимы 1943/44 года, проводя последовательные наступательные операции и продвигаясь на запад, войска 2-го Прибалтийского фронта вышли к сильно укрепленной линии обороны врага, так называемой линии «Пантера», тянувшейся с севера на юг по естественным водным рубежам от Пскова до Пустошки. Надо было прорвать эти укрепления, освободить заповедные пушкинские места и продолжать дальнейшее наступление.

Задача осложнялась тем, что при прорыве обороны требовалось форсировать мощную водную преграду — реку Великая. К тому же ствольной артиллерии для обеспечения операции на этом участке фронта было явно недостаточно — всего 43–45 орудий на километр фронта. Было принято решение перебросить сюда гвардейские минометные части.

В конце марта генерал армии М. М. Попов поставил передо мной задачу: ночами, незаметно для противника из района Пустошки срочно перебросить на правый фланг фронта, на участок армии генерала Чибисова, четыреполка М-13 и тяжелую бригаду М-30. Погода стояла еще прохладная, дороги сохранялись в хорошем состоянии. Наши части легко совершили двухсоткилометровый марш, заняли боевые порядки и на третьи сутки были готовы к бою.

26 марта 1944 года в пятнадцати километрах северо-восточнее села Михайловское после короткой и внезапной артиллерийской подготовки с участием четырех полков «катюш» и тяжелой бригады М-30 наша пехота сравнительно легко форсировала реку Великая и заняла плацдарм. Противник, накрытый внезапным огневым налетом, понес большие потери и начал в беспорядке отступать.

Захват плацдарма давал нам возможность продолжать дальнейшее наступление, обходя пушкинские заповедные места с севера. Командование приняло решение — для развития успеха срочно с левого крыла фронта к месту наметившегося прорыва перебросить артиллерийский корпус, танки и стрелковые дивизии.

Однако ночью, когда с левого фланга двинулись колонны артиллерии, танков и пехоты, наступила оттепель, пошел проливной дождь. На второй день дороги стали совершенно непроходимыми. Колеса автомашин и орудий буквально проваливались. Каждый метр пути стоил неимоверных усилий. Наращивание сил на плацдарме происходило крайне медленно. Усталые, измотанные трудной дорогой, части и подразделения без передышки тут же вводились в бой.

Противник же, имея в своем тылу прекрасную шоссейную дорогу, идущую вдоль линии фронта от Пскова до Пустошки, быстро подбросил резервы. Завязались упорные, кровопролитные бои. Пришлось на время распутицы наступательные действия приостановить.

Я находился в двухстах километрах севернее Пустошки, когда по телефону мне сообщили печальную весть: во время налета вражеской авиации был тяжело ранен в голову командир 310-го гвардейского минометного полка полковник Н. М. Ковчур, один

из лучших командиров полков ГМЧ. Мне передали, что Ковчура можно спасти, если срочно самолетом эвакуировать в госпиталь, находившийся в Великих Луках.

Полевые аэродромы, взлетные и посадочные площадки раскисли — взлет и посадка самолетов были сопряжены с немалым риском. Мне удалось договориться с командующим15-й воздушной армией генералом Н. Ф. Науменко о санитарном самолете. Кроме того, самолет У-2 был выделен и для меня.

В полк я прилетел к исходу дня. На площадке уже стоял санитарный самолет, к которому на носилках осторожно несли раненого Ковчура. Он был еще в сознании.

— Дорогой Николай Минович, не поддавайся! Ждем тебя. Будем вместе освобождать Белоруссию, — сказал я ему.

— Товарищ генерал, будет порядок. Были бы снаряды да горючее, — напрягая последние силы, ответил Ковчур.

Сумерки сгущались. Санитарный самолет не имел оборудования для ночных полетов. Нельзя было терять ни минуты. Летчик взлетел и взял курс на Великие Луки. На площадку возле госпиталя самолет сел почти в полной темноте. Ковчура сразу же положили на операционный стол.

Вскоре мы получили радостную весть. После тяжелой и сложной операции Николай Минович пришел в сознание. Врачи заверили, что он будет жить.

Через полтора месяца Ковчур прямо из госпиталя вернулся в полк. У него из головы извлекли несколько осколков. Над левой бровью была раздроблена лобная кость — ее пришлось удалить. Заросшая рана на лбу пульсировала. Ковчура мучили сильные головные боли, но он отказался даже от полагавшегося ему отпуска и остался в строю. Вскоре он стал командовать 14-й гвардейской минометной бригадой, с которой после капитуляции фашистской Германии в составе 3-й гвардейской артиллерийской дивизии, поддерживавшей 39-ю армию, участвовал в разгроме японских милитаристов.

Такие люди, как Ковчур, — гордость нашего народа. Высокий, светло-русый, атлетического сложения, с мужественными чертами лица, выразительными серыми глазами, он внушал уважение и симпатию. Его преданность Родине, отвага, честность и прямота снискали ему всеобщую любовь. Ковчур был заботлив и внимателен к подчиненным, требователен не только к ним, но и к себе. Обладая большой силой воли, он умел подавлять свое волнение и в самые трудные минуты доброй шуткой подбадривать других.

Бывало, по телефону или при личной встрече спросишь: «Товарищ Ковчур, как дела?» Как бы трудно ни было, всегда

следовал уверенный и ясный ответ: «Снаряды есть, горючее есть — порядок! Полк выполняет боевую задачу...»

И действительно, у Ковчура всегда был порядок. Даже в распутицу, когда дороги становились совершенно непроходимыми для автотранспорта, в его части имелся запас снарядов, горючего и продовольствия. Так, например, под Невелем и Витебском (осенью 1943 года) гвардейцы полка по колено в воде и грязи на плечах переносили снаряды за восемь — десять километров и обеспечивали постоянную боевую готовность дивизионов.

Помнится, это было уже на 2-м Прибалтийском фронте. Автотранспорт полка был изрядно изношен, и я добился согласия командования фронта отправить часть на ремонт в Москву. Когда сообщил об этом Ковчуру, он огорчился:

— Товарищ генерал, да разве наш полк когда-нибудь не выполнил задачу? Или вы считаете его небоеспособным? Прошу не отправлять нас в Москву. Ведь скоро начнутся бои за родную Беларусь... За время распутицы мы своими силами восстановим автотранспорт. Если сможете, помогите запчастями. К началу наступления полк будет в полном порядке. Были бы снаряды да горючее...

Вместо 310 гмп в Москву отправили другую часть.

310-й полк отличался исключительной мобильностью и точностью выполнения боевых задач. Он совершал быстрые маневры и в назначенное время производил свои сокрушительные залпы. И в этом прежде всего была заслуга его командира Н. М. Ковчура и начальника политотдела полка Н. В. Шилова.

Осенью 1971 года мы с Николаем Миновичем несколько дней путешествовали на вездеходе по местам первых боев. Он все отлично помнил, безошибочно узнавал места, где мы сражались. Я поражался его памяти и молодому задору, с которым он рассказывал о делах давно минувших дней. Однако тяжелые ранения и контузии все больше и больше давали о себе знать. В 1972 году не стало нашего боевого товарища, верного друга, славного сына белорусского народа Николая Миновича Ковчура.

В боях закалялись и мужали гвардейцы, приобретали боевой опыт и совершенствовали свое мастерство. Многие командиры батарей возглавили дивизионы, командиры дивизионов стали командовать полками, командиры полков — бригадами. Так, командир 93 гмп полковник К. Г. Сердобольский получил 21-ю бригаду, командиром бригады стал и подполковник Н. В. Скирда, а его 312-й полк возглавил подполковник Я. А. Кучеров, командовавший до того дивизионом.

В конце апреля 1944 года в командование 2-м

Прибалтийским фронтом вступил генерал армии А. И. Еременко, членом Военного совета фронта ехал генерал-лейтенант В. Н. Богаткин. Войска фронта готовились к боям за освобождение Прибалтики, усиленно занимались боевой подготовкой, ремонтом техники, укомплектовывались личным составом, накапливали боеприпасы.

Как-то после проверки частей поздно вечером я вернулся к себе в штаб. Начальник штаба полковник М. А. Якушев доложил, что мною интересуется начальник инженерных войск фронта гнеерал В. Ф. Шестаков. Я тут же позвонил ему. Владимир Филиппович сообщил, что командующий фронтом приказал ему получить у нас десять снарядов М-31 для проведения эксперимента.

— Какого эксперимента? — удивился я.

— По телефону об этом говорить не следует. При встрече расскажу.

Оказалось, что командующий выдвинул идею приделать к реактивным снарядам «крылышки», чтобы получить большую дальность стрельбы.

Посоветовавшись, мы с Шестаковым решили поехать к генералу Еременко вдвоем.

— Товарищ командующий, — начал я, — вы приказали выдать генералу Шестакову десять снарядов М-31 и приделать к ним «крылышки».

— Да, приказал. Выдать немедленно!

— Это очень сложный технический вопрос. В условиях фронта такую задачу решить невозможно. Могу заверить вас, что над идеей, которую вы сформулировали, работают специалисты, институты и КБ промышленности...

Но командующий не соглашался со мной. Он требовал, чтобы мы немедленно приступили к работе.

От А. И. Еременко отправились к командующему 15-й воздушной армией Н. Ф. Науменко. Он выделил нам офицера-инженера, знающего толк в «крылышках». А потом как-то так случилось, что мы и сами прониклись идеей командующего: чем черт не шутит, а вдруг и правда получится что-нибудь путное.

Решили создать группу из трех офицеров — ракетчика, сапера и авиатора, эксперименты проводить в нашей подвижной ремонтной мастерской, которая располагалась на берегу озера Голова.

Я вспомнил, что майор Г. А. Тюлин — начальник штаба армейской группы ГМЧ — окончил аэродинамический факультет Московского университета. Было решено назначить его руководителем экспериментальной группы. Так возникло

«фронтовое КБ» по созданию крылатых ракет.

Тюлину я рекомендовал эксперименты начать с малыми снарядами М-8, затем М-13 и только после этого перейти на М-31. Предупредил о мерах предосторожности.

В «КБ» закипела бурная работа, но, к сожалению, она не увенчалась успехом. Изменяли размеры и постановку «крылышек», однако непокорные снаряды, описывая причудливые траектории, вместо пяти — восьмикилометровой штатной дальности падали в двухстах — трехстах метрах от старта. Дальнейшие работы пришлось прекратить. Об этом мы доложили командующему фронтом. Он выслушал нас, понимающе улыбнулся и сказал:

— Что ж, товарищи, жаль, но, очевидно, вы правы. В условиях фронта эту задачу не решишь.

* * *

Бои за освобождение Прибалтики начались 4 июля 1944 года. Первыми на территорию Советской Литвы вступили войска 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов.

11 июля 2-й Прибалтийский фронт, участвуя в освобождении территории Латвийской ССР, нанес удар в направлении Резекне и Мадона, а через пять дней южнее Псковского озера перешли в наступление войска 3-го Прибалтийского фронта.

Во время этих боев в составе оперативной группы ГМЧ 2-го Прибалтийского фронта было девять полков и четыре бригады М-31.

Так же, как и на Брянском фронте, они использовались на главных и наиболее ответственных направлениях наступающих армий. Мощные, сокрушительные залпы «катюш» разрушали опорные пункты противника, уничтожали его отходящие колонны. При этом большую роль играли тяжелые бригады ГМЧ. Так, например, после освобождения городов Мадона и Резекне, развивая наступление, наши части подошли к местечку Баркава, в пятидесяти километрах северо-западнее Резекне.

Противник заранее подготовил Баркаву к обороне, используя для этого каменные и деревянные здания. Укрепил он в инженерном отношении и высоту 98,4.

2 августа 21-я гвардейская минометная бригада полковника К. Г. Сердобольского, поддерживавшая стрелковый корпус, получила задачу произвести дивизионный залп по опорному пункту Баркава. В 19.00 был дан залп снарядами М-31. К сожалению, из-за большого рассеивания снарядов и

недостаточной плотности огня дивизионного залпа опорный пункт разрушить не удалось. Было решено произвести повторный залп снарядами М-31-УК (улучшенной кучности), дававшими в семь раз большую плотность огня.

После залпа наши стрелковые подразделения атаковали противника и с незначительными потерями овладели опорным пунктом Баркава. Более половины гитлеровцев было уничтожено, оставшиеся в живых оказались настолько деморализованными, что сдавались без сопротивления. Почти все окопы, пулеметные гнезда, деревоземляные перекрытия были разрушены.

В дальнейшем дивизионы с боевыми машинами БМ-31–12 высокой проходимости и снарядами улучшенной кучности стали основной тактической и огневой единицей тяжелых бригад ГМЧ, которые могли успешно уничтожать опорные пункты врага в ближайшей глубине его обороны.

Противник с боями отходил в западном направлении, минируя дороги, взрывая мосты, предпринимая частые контратаки. Для преследования его и развития успеха были созданы подвижные группы. 72-й гвардейский минометный полк подполковника П. П. Куриенко поддерживал подвижную группу Холмской стрелковой дивизии.

24 июля начались бои на подступах к Даугавпилсу. Для сопровождения передовых частей в головной отрядбыл выделен второй дивизион 72 гмп. Командовал дивизионом гвардии майор Ф. А. Апельсинов. 27 июля вместе с передовыми отрядами этот дивизион ворвался в Даугавпилс, имея на своих грузовых и боевых машинах автоматчиков.

Нашим передовым частям предстояло форсировать Даугаву, захватить плацдарм на левом берегу и удерживать его до подхода главных сил.

Фашисты взорвали мост и заняли оборону на левом берегу реки. Из ближайших домов они вели автоматный и пулеметный огонь. Несколько вражеских орудий били прямой наводкой. Кроме того, между домами курсировали самоходные орудия. Они открывали огонь по нашим передовым частям, не давая им возможности форсировать реку.

Майор Апельсинов одну батарею своего дивизиона поставил для ведения огня с закрытой позиции, второй батареей решил вести огонь прямой наводкой. Майор собрал командиров и водителей боевых машин и незаметно для противника провел их на берег реки. Здесь он указал цели и места огневых позиций для каждой установки. Затем гвардейцы поставили вдоль берега дымовую завесу. Под ее прикрытием боевые машины выходили на огневые позиции и производили залпы, а потом быстро

укрывались за городскими строениями и перезаряжались. И так семь раз... Стрельба велась снарядами улучшенной кучности. Огонь батарей оказался весьма эффективным.

Под прикрытием огня «катюш» и артиллерийских орудий сопровождения наши передовые батальоны успешно форсировали Даугаву и закрепились на ее левом берегу.

Выезд боевых машин на открытую позицию и залпы производились настолько быстро, что самоходные орудия противника не успевали выйти из-за укрытий и прицельно бить по нашим «катюшам». Это был поистине дерзкий вызов врагу.

После освобождения Даугавпилса перед войсками 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов стояла задача освободить столицу Советской Латвии город Ригу. Наши части, продолжая наступление, теснили противника, упорно цеплявшегося за каждый рубеж, за каждый населенный пункт.

В этих боях я потерял водителя своей машины Ваню Осипова. Много лет прошло с тех пор, а я и сейчас сболью в сердце вспоминаю его. Осипов был выдержан и находчив, смел, решителен и скромен. Этого высокого сероглазого юношу со Смоленщины я любил, как родного брата. Ваня был тяжело ранен во время артиллерийского налета.

Произошло это так. Мы ехали с ним по незнакомой ухабистой дороге. Около небольшого хутора она расходилась в двух направлениях.

— Остановись, Ваня! Надо разобраться, куда ехать.

И только я развернул на коленях карту, раздался резкий свист и оглушительный треск. Нас окутало едким дымом и пылью. Кругом стали рваться снаряды. Осипов как-то неестественно запрокинул голову, а потом беспомощно склонил ее на грудь. Его руки медленно сползли с руля.

— Ваня! Ты слышишь меня? Что с тобой?

Не открывая глаз, он еле внятно прошептал:

— Товарищ генерал... Уходите скорей... Убьют...

Он тяжело застонал. Обхватив Ваню за пояс, я потащил его к кирпичному дому у развилки дорог. Левая щека, плечо и рука Осипова были в крови. Осторожно уложил его у стены, перевязал окровавленную голову и подложил под нее фуражку.

Артиллерийский обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. К счастью, вездеход был цел. Я подогнал его к стене, у которой оставил раненого Ваню, но его тут не оказалось. На мой зов он не откликался. Я обшарил все кругом: дом, ближайшие строения, кусты... Но Вани нигде не было.

На дороге показалась полуторка. В кузове сидели несколько офицеров. По моему сигналу машина остановилась. Из кабины

выскочил командующий артиллерией корпуса полковник Поперник:

— Товарищ генерал, вы весь в крови. Вы ранены?!

— Ранен мой водитель. Помогите найти его.

Офицеры выпрыгнули из кузова и стали искать Осипова... Наконец, мы с Поперником нашли тихо стонавшего Ваню. Силы окончательно покинули его. Он бредил, повторяя одну и ту же фразу:

— Товарищ генерал... Уходите...

Раненого отнесли в кусты, еще раз перебинтовали. Кто-то подвел наш вездеход.

— Товарищ генерал, поедемте с нами в штаб корпуса, — предложил полковник. — Оттуда водителя быстро отправим в медсанбат.

— Спасибо за помощь, но до бригады Ковчура ближе...

Ваню уложили в машину. Я сел за руль. На наше счастье, километра через два навстречу попалась санитарная машина из армейского медсанбата. Я снял с груди Осипова орден и медали, забрал комсомольский билет, оставив при нем только документ, удостоверяющий его личность. Санитары бережно перенесли Ваню в машину.

В бригаду вернулся один. Тяжело было расставаться с боевым товарищем, вместе с которым по фронтовым путям-дорогам колесили целых два года.

Через несколько дней я получил от Осипова открытку, написанную чужой рукой. Вот что он писал: «Здравствуй, дорогой Алексей Иванович! Родной, сегодня я уже могу писать о своей жизни, существовании... Я был в тяжелом состоянии. Сейчас уже стал поправляться. Надежд на это было мало. Ведь я долго не мог говорить и не понимал ничего. Восьмого была сделана операция, извлекли осколок. Сейчас чувствую себя хорошо, поправляюсь, так что обо мне не беспокойтесь. Встретимся — все расскажу. Как хочется видеть вас и говорить...»

Эта короткая весточка доставила мне много радости. Но больше мы не имели никаких сведений о Ване.

Как только закончилась война, я послал на родину Осипова капитана Шамова.

Еще свежи были следы войны. На месте когда-то уютных домиков деревушки, расположенной недалеко от города Пустошки, одиноко торчали трубы разрушенных печей да кое-где среди них возвышались дымящиеся холмики землянок, в которых ютились уцелевшие жители.

В одной из таких землянок капитан Шамов разыскал Ваниных родителей. О Ване они не имели никаких известий. Видимо,

жизнь юноши оборвалась где-то в пути, во время эвакуации. Шамов передал отцу орден, медали и комсомольский билет сына и как мог старался утешить родителей...

Ваню Осипова сменил Ваня Воротников, коренастый крепыш, смекалистый, спокойный и уверенный в себе. С ним мы ездили по военным дорогам до самой Победы.

В августе 1944 года произошло полное слияние ГМЧи артилллерии. Приказом Народного комиссара обороны от 28 августа 1944 года гвардейские минометные части были полностью подчинены командующему артиллерией Красной Армии, командующий ГМЧ стал его заместителем. Начальники фронтовых и армейских оперативных групп стали соответственно заместителями командующих ариллерией фронтов и армий.

По этому поводу Военный совет артиллерии Красной Армии 7 сентября 1944 года обратился с директивным письмом к артиллерийским и ракетным войскам. В этом письме говорилось: «Бог войны» — артиллерия и гвардейские минометные части прегражадали путь врагу в оборонительных боях и расчищали путь нашей доблестной пехоте и танкам в наступлении. В ходе войны артиллерия и ГМЧ, работая бок о бок, выросли в грозную силу для врага... Призываем вас к дружной и согласованной работе в единой семье славных советских артиллеристов. ...Призываем вас напрячь все силы и энергию, чтобы в кратчайший срок выполнить приказ Верховного Главнокомандующего — преследовать раненого фашистского зверя по пятам и добить его в собственной берлоге». Письмо подписали члены Военного совета Воронов, Яковлев, Дегтярев, Прочко, Гайдуков.

Объединение ГМЧ с артиллерией способствовало их более тесному взаимодействию, но в то же время появилась вредная тенденция — «раздавать» гвардейские минометные части корпусам, дивизиям и даже полкам, то есть использовать их как обычную артиллерию. Это приводило к распылению маневренных ударных огневых средств. Надо было как-то парализовать дававшую себя знать тенденцию.

Осень 1944 года явилась порой раздумий и творческих поисков. Мы уже имели богатый и ценный опыт, который нам хотелось передать другим. Это мы постарались сделать в сборнике «Гвардейские минометные части в наступлении и преследовании», выпуск которого горячо поддержал командующий фронтом А. И. Еременко.

Мне пришлось быть ответственным редактором сборника. В его составлении участвовали гвардии подполковники М. А. Якушев, П. П. Куриенко, В. А. Плотников, В. И. Задорин, гвардии майоры В. В. Смирнов, И. Б. Бровко, Ф. И. Комаров, И. И.

Муравьев, Н. Д. Ленчик, В. С. Вдовухин, В. М. Арбузов, П. И. Ожеренков, гвардиикапитаны З. И. Орловский, А. А. Носич и гвардии старший лейтенант М. И. Сонкин.

Массированное и маневренное использование ГМЧ, утверждали мы в сборнике, насущная потребность современного боя. Оно меняет оперативно-тактические приемы и позволяет с меньшими затратами решать сложные задачи артиллерийского наступления.

Уже к концу войны реактивная артиллерия приобрела много ценных качеств: улучшилась кучность, увеличилась дальность стрельбы. Так, например, площадь рассеивания при стрельбе снарядами М-13-УК уменьшилась в три раза, а снарядами М-31-УК — в семь раз. Дальность стрельбы снарядами М-13-ДД увеличилась до 11,5 километра. Большую роль в усовершенствовании полевой реактивной артиллерии наряду с конструкторами и работниками оборонной промышленности играли генералы и офицеры технического отдела Главного управления вооружения гвардейских минометных частей (ГУВГМЧ) — Н. Н. Кузнецов, А. И. Соколов, А. В. Семенов, А. Г. Мрыкин, Н. Н. Юрышев, В. П. Морозов и многие другие.

Полевая реактивная артиллерия выросла в могучую силу, качественно и количественно усилив артиллерию Советской Армии. Я поверил в возможности реактивной артиллерии безгранично.

Вслед за сборником в нашей оперативной группе было разработано и издано в Ленинграде пособие по расчету плотности огня и правила пристрелки снарядами улучшенной кучности.

Наши стремления передать боевой опыт ГМЧ войскам поддерживали видные артиллеристы, в том числе генерал-полковники Г. Ф. Одинцов и Ф. А. Самсонов.

* * *

Взламывая оборонительные рубежи противника, наши войска с боями продвигались на запад, освобождая от фашистских захватчиков советскую землю.

К 22 октября 1944 года войска Ленинградского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов освободили Эстонию, большую часть Латвии и Литвы.

В октябре 1944 года шли упорные бои по ликвидации курляндской группировки врага (36 фашистских дивизии группы армии «Север» были прижаты к морю на Курляндском полуострове и в Клайпеде). Затем, вплоть до9 мая 1945 года,

курляндская группировка была блокирована войсками 2-го Прибалтийского, частью войск 1-го Прибалтийского и Ленинградского фронтов. На завершающем этапе войны командование этими войсками Ставка возложила на Маршала Советского Союза Л. А. Говорова.

Вместе с маршалом Л. А. Говоровым к нам прибыли командующий артиллерией генерал-полковник Г. Ф. Одинцов и оперативная группа генералов и офицеров штаба Ленинградского фронта.

С Г. Ф. Одинцовым мы были знакомы еще с 1939 года, когда в Сибири оба командовали артиллерийскими полками: он — корпусным, а я — дивизионным. В то время я, еще молодой командир полка, многому учился у него, теперь же стал его заместителем по ГМЧ.

Тяжелая война подходила к концу. Наши части уже сражались в Берлине. Казалось, дальнейшее сопротивление гитлеровских войск было бессмысленным. Однако в Курляндии 36 фашистских дивизий, используя благоприятные условия местности и хорошо подготовленные в инженерном отношении рубежи, упорно сопротивлялись.

Фашистское командование еще питало надежды, что эта группировка сможет ударом во фланг нашим войскам, вышедшим к берегам Балтийского моря, предотвратить катастрофу гитлеровской Германии...

Для ликвидации курляндской группировки врага наши войска объединенных фронтов в Прибалтике под командованием маршала Л. А. Говорова готовились к решающим боям.

1 апреля 1945 года, после окончания боевых действий по освобождению островов Моонзундского архипелага, в город Мажекяй прибыл и штаб Ленинградского фронта во главе с начальником штаба генералом М. М. Поповым. С этого момента наш фронт стал именоваться Ленинградским.

В состав оперативной группы ГМЧ, теперь уже Ленинградского фронта, кроме частей ГМЧ 2-го Прибалтийского фронта вошли некоторые гвардейские минометные части Ленинградского, 1-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Всего было семнадцать полков М-13, одна дивизия и четыре отдельные бригады М-31.

Управление таким количеством гвардейских минометныхчастей во фронте облегчалось тем, что приказом Народного комиссара обороны от 2 августа 1944 года в общевойсковых армиях были введены должности заместителей командующих артиллерией по ГМЧ и отделения по оперативному использованию гвардейских минометных частей.

В первых числах мая штаб Ленинградского фронта заканчивал планирование и подготовку последней решающей операции. Планом предусматривалось основной удар нанести в полосе 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И. М. Чистякова. На главном направлении вводился 30-и стрелковый корпус, прибывший из-под Ленинграда. Корпусом командовал Герой Советского Союза генерал-майор А. Ф. Щеглов (ныне генерал армии), мой товарищ по учебе в академии имени М. В. Фрунзе.

8 мая 1945 года заканчивалась наша подготовка к наступлению. В этот день я находился на правом крыле фронта, в 51-й армии генерал-лейтенанта Я. Г. Крейзера. Поздно вечером он сообщил, что командованию вермахта снова предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции и начало нашей операции будет зависеть от ответа фашистского командования...

9 мая нам стало известно, что акт о безоговорочной капитуляции подписан. Начала складывать оружие и курляндская группировка фашистских войск.

Вечером на фронте в небо взметнулись тысячи осветительных и сигнальных ракет. Солдаты поздравляли друг друга, обнимались, целовались, смеялись и плакали. Казалось, мир сразу стал иным. Фронт, как громадный растревоженный улей, загудел, засверкал, засветился тысячами огней костров и бесконечным множеством фар. Весеннее небо бороздили яркие лучи прожекторов. Это было незабываемое зрелище. Величественная картина торжества Победы на всю жизнь сохранилась в моей памяти.

Через несколько дней по дорогам потянулись колонны пленных. Из курляндской группировки их оказалось более трехсот тысяч.

В те дни мне вместе с генерал-полковником артиллерии Г. Ф. Одинцовым довелось участвовать в допросе немецкого генерала, командующего артиллерией курляндской группировки.

— Почему ваши реактивные части и подразделения не получили должного развития в войну? Ведь в распоряженииинемецкой армии были многоствольные реактивные установки, — спросил я.

— Это было совершенно невозможно, — последовал ответ. — По причине непреодолимых ведомственных барьеров. Сухопутное командование не допускало, чтобы специальный род войск получил какое-то предпочтение и концентрировался в крупные группы полков.

Но дело было, конечно, не только в ведомственных барьерах. Гитлеровское командование основную ставку в войне делало на

авиацию и танки и недооценивало роль артиллерии, в том числе и новой, реактивной. А позже, когда стратегическая инициатива оказалась в руках советского командования и наша армия на всех фронтах перешла в решительное наступление, фашистская Германия, несмотря на все свои потуги, уже не смогла создать такой могущественной полевой реактивной артиллерии, какую создали мы. И тут нечему удивляться. Советский народ черпал свои силы в новом, социалистическом строе, рожденном Великим Октябрем. Этот строй в полную меру раскрыл его духовные силы. Защищая социалистическое Отечество, наш народ проявил неиссякаемое мужество, стойкость, инициативу, энергию. И не только на фронте, но и в тылу, создавая оружие, выращивая хлеб, обеспечивая армию всем необходимым для достижения полной победы над врагом. Усилиями рабочего класса, технической интеллигенции было создано и новое первоклассное оружие — «катюши».

Реактивной артиллерией в нашей стране занимались Центральный Комитет партии, Ставка Верховного Главнокомандования. Они координировали работу заводов оборонной промышленности по серийному производству снарядов и боевых машин, контролировали ход формирования гвардейских минометных частей и требовали их массированного применения.

К концу войны в наших сухопутных войсках имелось сорок отдельных дивизионов, сто пятнадцать полков и сорок тяжелых бригад. Всего 519 дивизионов реактивной артиллерии. С июля 1941 по декабрь 1944 года на вооружение армии и флота поступило более десяти тысяч боевых установок и более двенадцати миллионов снарядов всех типов и калибров. Эти цифры говорят сами за себя.

Прошли годы, и поднялись памятники советскому солдатунад Волгой и Днепром, в немецком Трептов-парке и на холмах Болгарии, на землях Чехословакии и Польши, во многих странах Европы.

Чем дальше отодвигаются годы войны, тем больше осознаешь все величие подвига советского народа и его доблестных Вооруженных Сил!

* * *

Большую радость ветеранам доставляют встречи с однополчанами — боевыми друзьями. Многие из них еще служат в рядах Советской Армии или трудятся в народном хозяйстве,

некоторые ушли на заслуженный отдых.

Офицер связи А. П. Бороданков — ныне известный ленинградский юрист, топограф 4 гмп В. И. Федоров стал главным архитектором музеев Московского Кремля. В одном из управлений Совета Министров СССР трудится бывший командир батареи В. С. Гаврилин. Врач Н. С. Холманских возглавляет медицинскую службу Военной академии имени Ф. Э. Дзержинского. Санитарка Галя Гаркуша — ныне режиссер харьковской студии телевидения. А. С. Ступин долгое время работал заместителем председателя Сокольнического райисполкома Москвы. Когда же по состоянию здоровья ему пришлось уйти на пенсию, он начал проводить большую военно-патриотическую работу. Комсорг 305 гмп Ю. Л. Анненков написал несколько книг, стал членом Союза писателей.

Многие гвардейцы трудятся на заводах и в научно-исследовательских институтах, преподают в школах и вузах. Некоторые из них имеют ученые степени кандидатов и докторов наук.

Маршалами артиллерии стали Юрий Павлович Бажанов, Павел Николаевич Кулешов, ответственный пост занимает М. Г. Григорьев.

...От первого залпа под Оршей до первых пусков ракет дальнего действия прошло всего шесть лет. От пусков этих первых ракет до запуска межконтинентальной — десятилетие. А еще через четыре года с помощью ракеты человек стартовал в космос.

В 1960 году был создан новый вид Вооруженных Сил — Ракетные войска стратегического назначения, на вооружении которых появились самые современные межконтинентальные баллистические ракеты.

Сама жизнь требовала совершенствования и развития нового ракетного оружия различного назначения. Ракетно-ядерное оружие стало основой огневого могущества Советских Вооруженных Сил.

Сейчас в ракетных войсках несут службу сыновья и внуки тех, кто в годы войны сражался в гвардейских минометных частях. Новое поколение ракетчиков — это физически крепкие, знающие, эрудированные воины, беспредельно преданные своей Отчизне, партии, народу. Родина доверила им грозное оружие, которым они неустанно овладевают, постоянно обращаясь к опыту старшего поколения.

Ракетные войска, как и другие виды Вооруженных Сил СССР, бдительно охраняют мирный труд советских людей, стоят на страже безопасности нашей Родины.

Фотографии

Алексей Иванович НЕСТЕРЕНКО

Н. Д. Вишняков

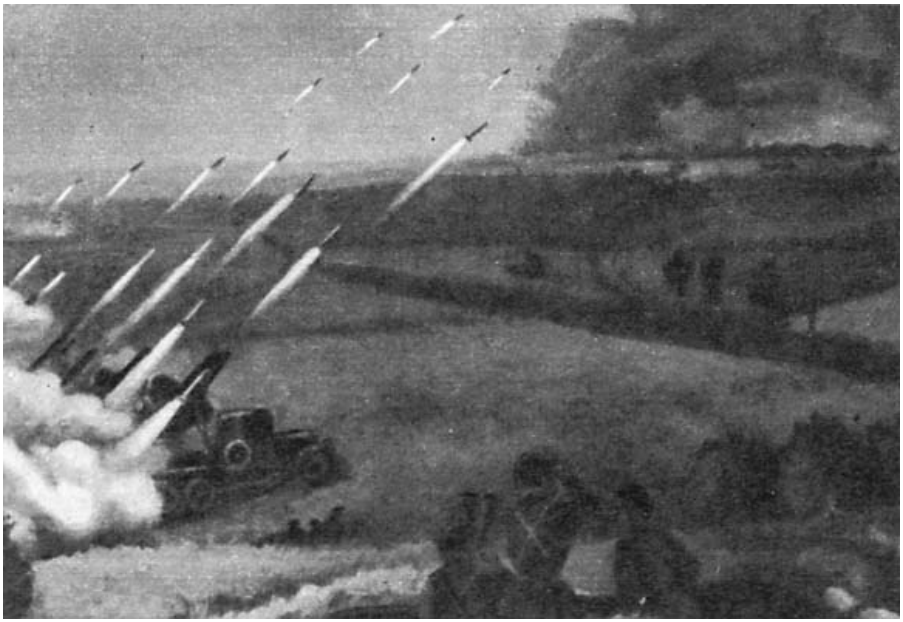
И. Н. Радченко

Г. А. Дроздов

С. И. Семенов

Р. Р. Василевич

Н. И. Королев



Первый залп 4 гмп близ Диканьки*(рисунок автора)*

В. Д. Крюченкин

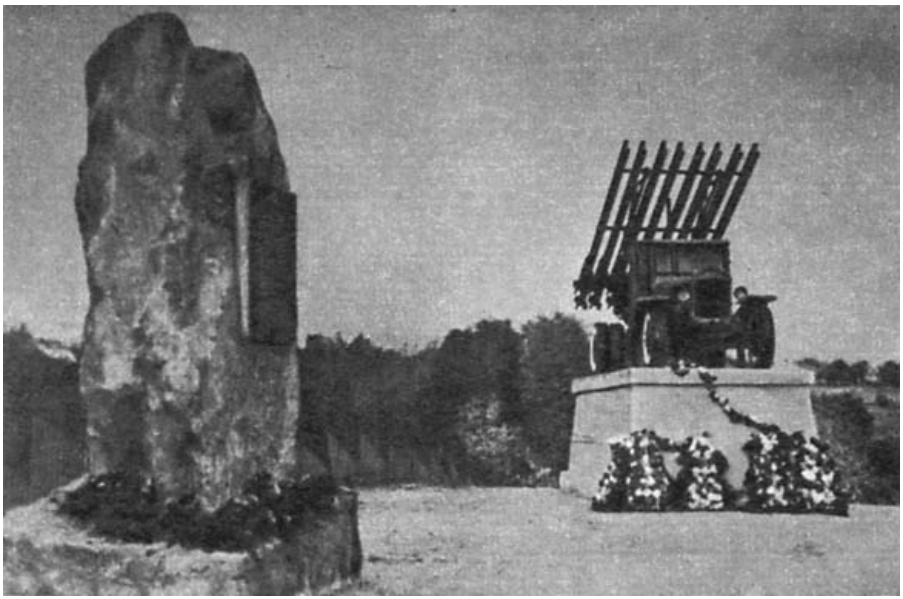
С. Т. Шмуйло

Офицеры 3-го дивизиона 4 гмп. В первом ряду сидят М. А. Макаров и П. М. Худяк

Я. Г. Оганезов, И. Н. Радченко, А. И. Нестеренко, Н. С. Холманских

Санитарная часть 4 гмп. В первом ряду: И. Н. Марусенко, Т. Д. Кузнецов, Н. С. Холманских, Г. И. Гаркуша, И. А. Мочалов. Во втором ряду: Дреков, А. С. Абрамян, А. И. Коростелев, А. И. Череповский

Гвардейцы 4 гмп отражают налет пикирующих бомбардировщиков врага



Памятник «катюшам» в Диканьке

Н. В. Митюшов

Я. А. Дивнич

В. А. Плотников

Н. С. Холманских

В. В. Аборенков

П. А. Дегтярев

Л. М. Гайдуков

Н. П. Фирюбин

Н. Н. Кузнецов

Ю. П. Бажанов

Р. Я. Малиновский

В. И. Вознюк

Командование 8 гмп. Слева направо: Х. А. Макарьян, А. М. Лобанов, Б. С. Хохлов

А. П. Москвин

Е. Я. Юровский

А. П. Москвин, Д. Н. Бериашвили, И. М. Симановский, Н. М. Павлюк

Н. В. Воробьев, А. Д. Зубанов, И. Н. Радченко

Боевые машины выходят на огневую позицию

Дивизион М-13 перед залпом

Расчет кочующей боевой машины М-13 после ночной работы

Вручение партийного билета перед боем

А. Д. Зубанов прикрепляет орден Ленина на Боевое знамя 4 гмп

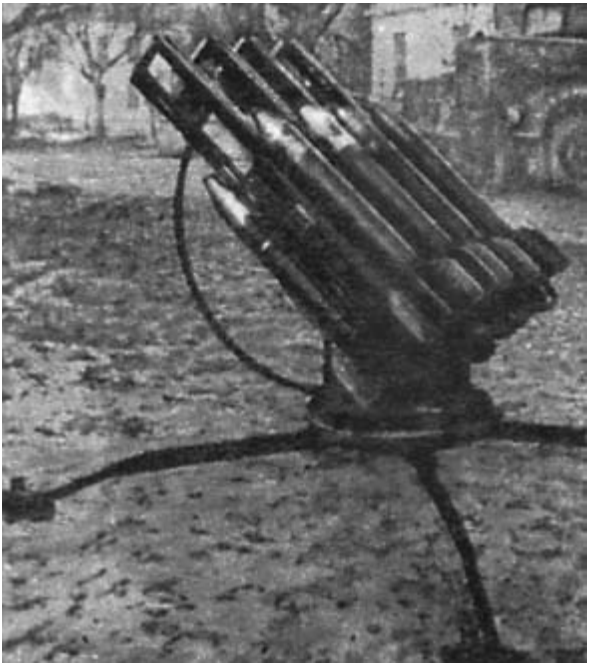
П. П. Пузик

А. П. Бороданков

П. В. Шамов

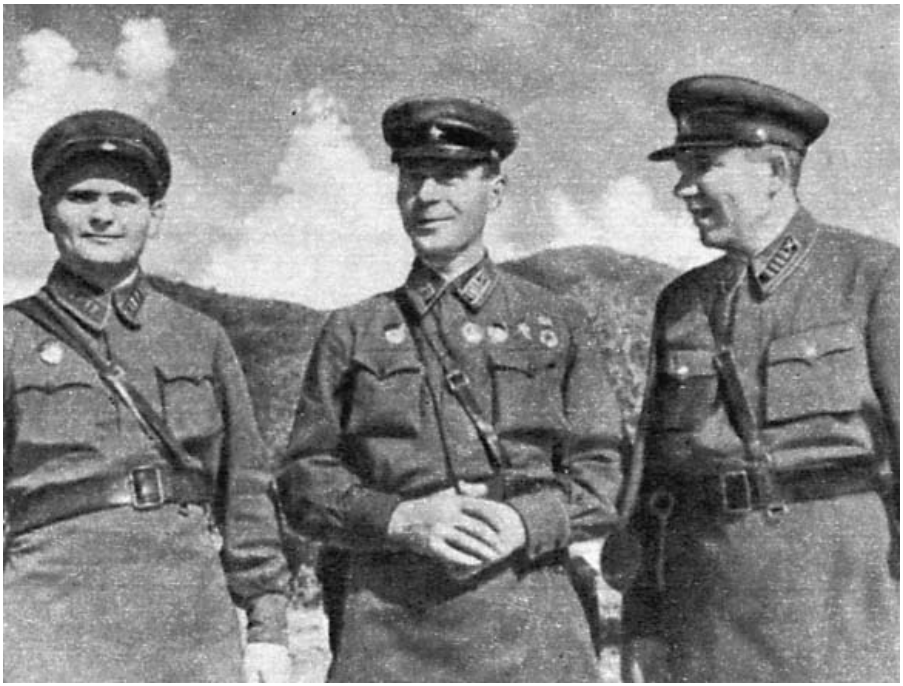
Д. И. Ермольчик

И. Е. Петров (справа) и А. П. Москвин



Горная «катюша»

Б. Я. Овчуков-Суворов, А. А. Попов



Военный совет опергруппы ГМЧ фронта. Слева направо: И. Н. Ломаковский, А. И. Нестеренко, М. И. Дрожжин

Новое командование 8 гмп (под Новороссийском). Слева направо: С. А. Халфин, Х. А. Макарьян, В. А. Панкратов

А. И. Нестеренко, А. Г. Строганов, И. А. Евсюков, А. Ф. Алферов

Показ стрельбы горной реактивной установки Маршалу Советского Союза С. М. Буденному*(рисунок автора)*

М. М. Попов

П. Н. Кулешов

Л. М. Воеводин

А. Ф. Тверецкий

И. В. Мамонтов, Н. С. Жежерук

П. В. Колесников

А. Г. Карась

К. Г. Сердобольский и М. Ф. Дроздов

Н. В. Шилов

Д. Г. Приходько

Герой Советского Союза Н. И. Винников

А. Ф. Пануев

Командир 85-го комсомольского гвардейского минометного полка подполковник В. А. Плотников ставит боевую задачу командирам дивизионов

П. Н. Ничков

М. А. Якушев

Командование 14-й гвардейской минометной бригады. Справа налево: Н. М. Ковчур, И. И. Муравьев, В. Я. Лебедев

Справа налево: А. И. Нестеренко, И. Н. Ломаковский, И. С. Щучка, Леня Ломаковский

Боевые друзья на привале. Слева направо: И. В. Бровко, Г. А. Тюлин, Э. И. Орловский, В. А. Плотников, Н. И. Грибков

В штабе оперативной группы. Первый слева К. Г. Сердобольский, третий слева В. И. Задорин

В подвижной ремонтной мастерской ГМЧ фронта

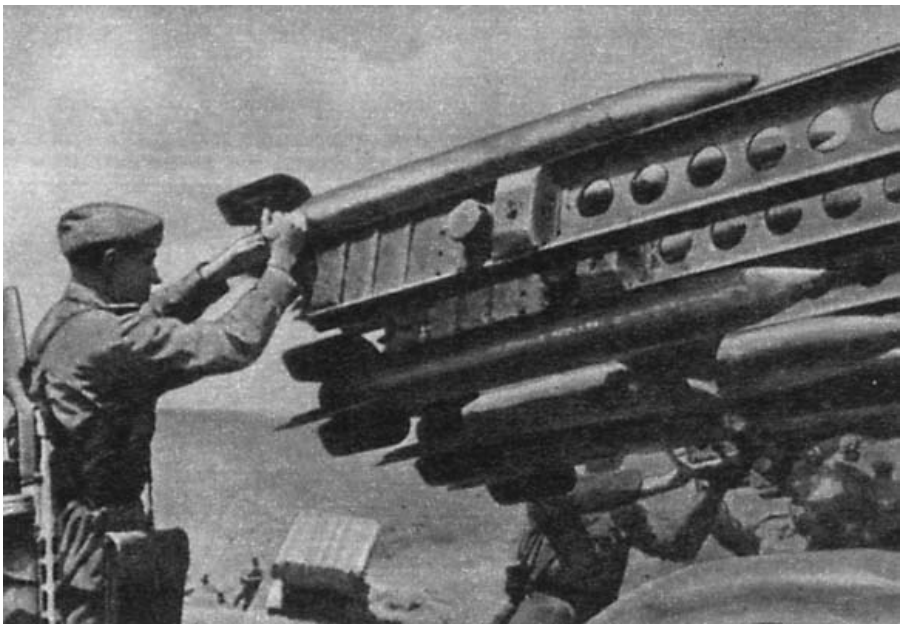
Боевая машина М-31–12 в походном положении

На огневой позиции устанавливается пусковая рама

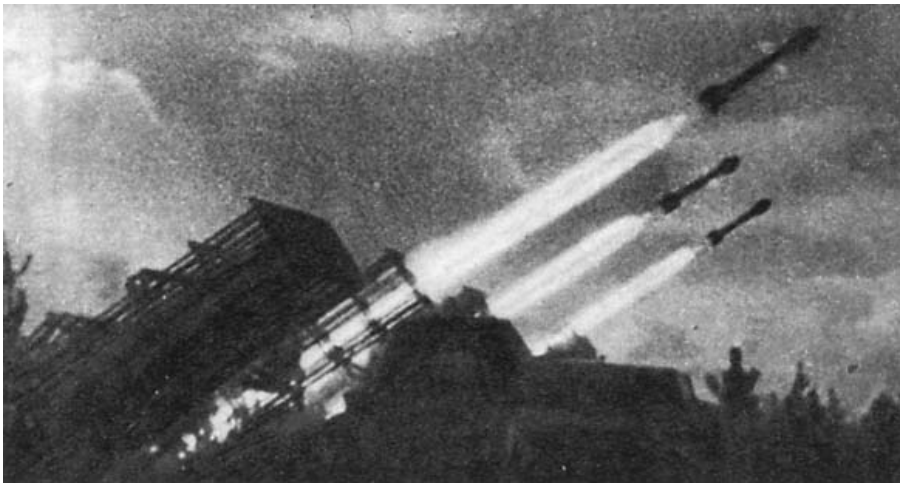
Боевая машина М-31–12 во время заряжания

Наводка боевой машины М-13 в цель по заданному угломеру

Проверка пульта управления огнем боевой машины



Боевая машина М-13 заряжена, подключается последний контакт



Залп батареи М-31–12

После залпа «катюш» (1)

После залпа «катюш» (2)

После залпа «катюш» (3)

После залпа «катюш» (4)

А. С. Ступин

Д. Н. Осетров

На наблюдательном пункте: П. В. Шутов (в центре) и А. И. Нестеренко (справа)

Три брата-ракетчика: сидит А. И. Нестеренко, стоят (слева направо) К. И. Нестеренко, В. И. Нестеренко

Вручение боевых наград в День Победы

Л. А. Говоров

Г. Ф. Одинцов

Парад победы в Ленинграде

Боевые друзья встретились вновь. Заслуженный художник РСФСР В. В. Титков (слева) и А. И. Нестеренко

Встреча с молодыми воинами

Участники сборов по подведению итогов боевого применения гвардейских минометных частей

notes

Примечания

1

Архив МО СССР, ф. 6, ГКО, оп. 7282, д. 10, л. 139.